Книжное собраніе
П. Е. Кеппена
№ 160.
Отдѣлъ [illegible] XXIV
Шкафъ
Полка
№

№ 4.

АПРѢЛЬ

1871 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та
3458
им. А. И. ГЕРЦЕНА

КНИГА II.

РОДИТЕЛЯМЪ и ВОСПИТАТЕЛЯМЪ.

Содержаніе:

Естественный методъ воспитанія. 1
Воспитательное вліяніе учителей. 29
Элементарная ариѳметика . . . 43
О преподаваніи пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ Н. Бр. . . 60
Керреспонденціи 84
Стенографическій отчетъ засѣданій С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества (засѣданія 3-го и 17-го апрѣля). 1
Приложеніе:
Письма Бэме о воспитаніи сына. 33

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ
П. Е. КАРПЕНА
№ 160
Отдѣлъ каталога XXIV
Шкафъ
Полка
№

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ЮЛ. СИМАШКО.

Библиотека Ленингр. Гос. пед. ин.
3458
им. А. И. ГЕРЦЕНА

КНИГА II.

РОДИТЕЛЯМЪ и ВОСПИТАТЕЛЯМЪ

№ 4. АПРѢЛЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Іюня 1871 года.

160 XIIп

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга I.

	стран.
Волга. Разсказъ старика. *Н. Александровъ*	1
Прогулка по Капской землѣ. *Л. В.*	19
Пчелы (окончаніе). ***	40
Кошениль. ***	50
Самообученіе въ рисованіи. *Самоучка.*	61
Гвоздичка. *М-а Бларамбергъ*	75
Оптиметръ Парриса. *Юл. Симашко*	79
Пылинки. *Марцеллъ.*	82
Яйца	89

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Малороссійская деревня
2. Еврей на молитвѣ
3. Морской берегъ

} Хромолитографированныя.

4, 5 и 6. Тѣже картинки черныя.

7. Пять сѣтей къ Оптиметру.

Книга II.

Естественный методъ воспитанія. *Н. З.*	1
Воспитательное вліяніе учителей. *С. М—ій.*	29
Элементарная ариѳметика. *Р. Чернявскій.*	43
О преподаваніи пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ. *Н. Бр.*	60
Корреспонденціи.	84
Стенографическій отчетъ засѣданій С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества (засѣданія 3-го и 17-го апрѣля).	1
Приложеніе: Письма Бэме о воспитаніи сына	33

XIX 681

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№ 160
XXII

О СРЕДСТВАХЪ,

формахъ и степени участія преподавателей въ достиженіи воспитательныхъ цѣлей общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній*).

Обученіе есть часть воспитанія; оно имѣетъ двѣ цѣли: *ближайшую*—сообщить учащимся необходимыя знанія и умѣнія; отдаленную, *конечную*—подѣйствовать на всесторонее развитіе личности учащихся. Значитъ, кто учитъ, тотъ уже и воспитываетъ. Если воспитаніе безъ обученія есть зданіе безъ крыши, то обученіе безъ воспитанія есть зданіе безъ основанія. Идея воспитывающаго обученія прямо и ясно призываетъ обучающихъ къ участію въ достиженіи общихъ *цѣлей воспитанія* въ учебномъ заведеніи, обязывая ихъ содѣйствовать правильному образованію характера учащихся.

Но въ тоже время самое дѣло показываетъ, что какъ учащіе, такъ

*) Попытка сгруппировать основныя требованія, опредѣлить формы и степень воспитательнаго вліянія преподавателей на учащихся такъ трудна, что она можетъ быть выполнена только путемъ *совокупнаго* обсужденія дѣла. Въ предполагаемомъ *опытѣ* читатель найдетъ не мало «азбучныхъ истинъ» педагогіи, не мало, быть можетъ, встрѣтитъ и парадоксовъ. О *первыхъ* мы того мнѣнія, что ихъ не мѣшаетъ почаще повторять, такъ какъ они легко забываются; *вторые* же пусть послужатъ мотивомъ для разъясненія дѣла. Еще замѣчаніе: полезно ли искать формулъ и писать «инструкціи» для столь живаго и неуловимаго дѣла, каково учительское? *Нѣтъ*, отвѣчаемъ мы, если это оффиціальная регламентація, если это дѣйствительно «инструкція», — по обязательному шаблону нельзя ни учить, ни воспитывать, обязательность въ этомъ случаѣ убьетъ и учителя, и его дѣло, низведетъ ихъ на степень рабочаго и «механики». *Да,* если это результатъ свободнаго желанія выяснить дѣло, осмыслить его, найти и указать отвѣчающія ему формы. Большая часть нашихъ афоризмовъ взята изъ практики и личнаго педагогическаго опыта, въ которомъ намъ не мало приходилось встрѣчать анти-педагогическихъ явленій, даже въ наше время.

и воспитывающіе должны имѣть свой *опредѣленный кругъ обязанностей*, не выходя изъ котораго, они должны дѣйствовать нравственно-воспитательнымъ образомъ на воспитанниковъ.

Опредѣленіе этого круга воспитательной дѣятельности учащихъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ составляетъ предметъ и задачу настоящаго опыта. Только правильное и точное обозначеніе предѣловъ обязанностей и взаимнаго отношенія между лицами, составляющими корпорацію, можетъ обезпечить добрый порядокъ и успѣшное веденіе, какъ воспитательнаго, такъ и учебнаго дѣла, въ тѣсномъ единствѣ того и другаго. Представляя рядъ *афоризмовъ* по этому вопросу, мы далеки отъ мысли изчерпать предметъ; довольно, если они хотя въ нѣкоторой степени послужатъ для выясненія столь важнаго дѣла.

I.

Преподаватели, по самому имени своему, имѣютъ своею ближайшею цѣлію—преподаваніе, обученіе; слѣдовательно, *преподаваніе* есть и должно быть первымъ и существеннымъ *средствомъ* воспитательнаго вліянія наставниковъ на учениковъ. Но такимъ оно можетъ быть только имѣя нравственно-образовательный характеръ и значеніе, соединяясь съ воспитаніемъ. Обученіе дѣлается воспитывающимъ, когда оно направлено не на одно исключительно *умственное* развитіе, не на формальную только цѣль, или на исключительное усвоеніе тѣхъ или другихъ свѣденій; но всецѣло направлено на возбужденіе и образованіе всего духовнаго существа человѣка, разсчитано на развитіе всѣхъ силъ его. Какъ нравственное воспитаніе должно помогать умственному развитію, такъ это послѣднее можетъ и должно вліять на нравственное: ибо *понятія могутъ опредѣлять направленіе воли и давать правила жизни*. Путемъ преподаванія учитель долженъ вести воспитанниковъ къ умственной и нравственной *зрѣлости*, дать здравое *пониманіе* окружающаго ихъ міра и отношеній, сообщить ихъ взгляду своимъ авторитетомъ *увѣренность* и твердость, *любовь* къ правдѣ, здравое *сужденіе*, спокойное *безпристрастіе* и добрый нравственный *характеръ*, что̀ должно приготовлять ихъ къ жизни.

Въ частности, указанный характеръ обученія представляетъ слѣдующія *требованія* и *условія*, сообщающія школьнымъ занятіямъ *воспитательное* значеніе:

Раціональный методъ изложенія и передачи знаній. Методъ преподаванія долженъ *помогать* правильному развитію природныхъ дарованій и вызывать собственную дѣятельность умственныхъ силъ уча-

щихся, такъ чтобы память не была обременяема безъ нужды, и ничего не принимала въ себя безъ участія *разсудка*. По Денцелю, методъ долженъ: a) „вызвать въ ученикахъ интересъ къ занятіямъ, b) вести къ основательности и точности въ знаніяхъ и дѣлахъ, c) слѣдуя ходу природы, способствовать постепенному развитію личности и такому же усвоенію знаній, d) соединять всѣ вѣтви обученія въ единствѣ цѣли воспитанія."

— По отношенію къ учебнику рекомендуется методъ *истолковательный*. „Учитель долженъ объяснять и упражнять; то, что́ находится въ руководствѣ, должно исчерпываться и переработываться" (Коменскій). Въ учебникѣ не должно быть ни одного слова непонятаго и не объясненнаго ученику *). По отношенію же къ изложенію предмета и спрашиванію учениковъ рекомендуется *эвристическій* способъ. Преподаваемое должно быть *вспмъ* и *все* понятно. Главная цѣль учителя — самодѣятельность ученика.

— Самое *преподаваніе* должно быть живо, привлекательно, интересно для учениковъ. Объ этомъ рекомендуется каждому наставнику подумать заранѣе, чѣмъ и какъ сообщить интересъ и занимательность своему преподаванію; скука класная, порождаемая вялостью, сухостью, утомительнымъ однообразіемъ и схоластичностью изложенія, бываетъ одною изъ главныхъ причинъ невниманія и многихъ шалостей учениковъ, слѣдовательно, дурнаго поведенія ихъ въ классѣ **). Нужно всегда помнить, что „не ученикъ для учителя, а учитель для ученика."

— Рекомендуется всѣмъ наставникамъ преподаваніе уроковъ *устное;* чтеніе по запискамъ, по учебникамъ и пр., кромѣ извлеченій для образца или примѣра, а равно и писаніе разныхъ „записокъ" въ классѣ не допускается.

— Для того, чтобы программа по каждому предмету проходилась своевременно и безъ обремененія учениковъ, каждому преподавателю заранѣе необходимо сообразить *количество* своихъ годовыхъ уроковъ

*) Слѣдовало бы сюда прибавить и *лишняго*, но этимъ возбуждается новый и слишкомъ обширный вопросъ о содержаніи и обработкѣ учебныхъ руководствъ. Здѣсь замѣтимъ только кратко, что парадоксальное выраженіе ученаго библіотекаря и поэта Каллимаха: μέγα βιβγίον, μέγα κακὸν большая книга— большое зло мы считаемъ вполнѣ справедливымъ относительно учебниковъ.

**) Отъ того въ старыхъ школахъ, бывало, въ то время, когда учитель былъ занятъ съ однимъ ученикомъ, остальные устроивали свою собственную жизнь, и часто между столами одни спали, другіе даже игрывали въ карты, или изобрѣтали другія забавы и развлеченія отъ скуки, втыкая, напримѣръ, въ хвостъ мухѣ перо и пуская ее въ такомъ видѣ путешествовать, на потѣху всего класса и т. п.

и хотя приблизительно *распредѣлить* учебный *матеріалъ* науки, приспособляя къ данному количеству времени и свои классныя объясненія. Такое распредѣленіе занятій, разумѣется приблизительное, должно быть представляемо для обсужденія въ педагогическій совѣтъ, и директоръ наблюдаетъ за его выполненіемъ. Безъ такого распредѣленія дѣло обыкновенно бываетъ такъ, что сначала учитель *спеціально* останавливается даже на второстепенныхъ вещахъ, а къ концу, когда все время уже ушло на мелочи, поверхностно проходитъ и существенное, едва сводя концы съ концами.

— Преподаватель наблюдаетъ, чтобы знаніе урока учениковъ не было *отрывочно*, но связно, и чтобъ, изучая урокъ, ученикъ имѣлъ ясное представленіе объ *общей связи изучаемой науки* и о мѣстѣ, какое принадлежитъ въ ней тому или другому частному вопросу. Это одинаково важно какъ въ учебномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи.

— Спрашиваніе преподаннаго должно быть по возможности *частое*. Оно должно быть не только средствомъ *повѣрить* знаніе, но вмѣстѣ однимъ изъ способовъ *объясненія* проходимаго, при чемъ главное—*самодѣятельность* ученика. Обычай нѣкоторыхъ педагоговъ посвящать бо́льшую половину класса своему краснорѣчію—есть антипедагогическое явленіе.

— Опытъ показываетъ, что полезно *повторять* спрашиваніе учениковъ *чаще*, даже въ *послѣдующій* день за спросомъ, и во всякомъ случаѣ не держаться разъ на всегда *опредѣленнаго порядка* при спросѣ. Иначе ученики, замѣтивъ порядокъ спрашиваемыхъ, будутъ готовиться *не всѣ*, но только тѣ, за кѣмъ чередъ; а спрошенные совсѣмъ оставятъ книги и вниманіе, до новой очереди, что́ вредно и въ нравственномъ, и въ учебномъ отношеніи.

— Самое усвоеніе уроковъ учениками ни въ какомъ случаѣ не должно быть механическое, но разумное и самодѣятельное. Преподаватель, при требованіи отъ учениковъ отчета въ классѣ, долженъ обращать особенное вниманіе на *пониманіе* того, о чемъ отвѣчаетъ ученикъ, вызывая отвѣчающаго разнообразными вопросами къ свободному изложенію изученнаго. При оцѣнкѣ успѣха учениковъ должны приниматься въ соображеніе свѣдѣнія, не столько добытыя *памятью*, сколько умственною ихъ дѣятельностью.

— Рекомендуется особенному вниманію преподавателей требованіе воспитательнаго обученія: всѣми мѣрами стараться, при передачѣ знанія, пробудить въ ученикахъ *любознательность* и *охоту* къ ученію. Знать—хорошо, но мало; нужно любить знаніе, умѣть находить

наслажденіе, въ умственномъ трудѣ. Здѣсь лежитъ основной мотивъ для самообразованія.

— Учитель долженъ по возможности стараться *облегчить* домашній трудъ учениковъ, дѣлая въ классѣ все, что̀ можно сдѣлать, чтобы выходя изъ класса, ученики *отчетливо* и *ясно усвоили* преподанное и знали, что̀ именно они пріобрѣли. Если въ классѣ все время безъ остатка наполнено занятіями, то не будетъ мѣста ни невниманію, ни шалостямъ, ни скукѣ.

— Уроки каждаго наставника должны быть *соразмѣрны съ силами* учениковъ и *временемъ* приготовленія ихъ. Несправедливо требовать отвѣта, котораго ученикъ не въ состояніи былъ приготовить. Учителямъ рекомендуется входить во взаимныя между собою соглашенія по сему предмету, особенно при повтореніяхъ. Заявленія учениковъ о несоразмѣрности урока съ временемъ для его приготовленія должно быть провѣряемо, и если справедливо, то удовлетворяемо *).

— Каждый наставникъ долженъ озаботиться, по возможности, узнать *нравственную исторію* ученика и на ней основывать воспитательное на него вліяніе. Подробныя свѣдѣнія о характерѣ, способностяхъ, развитіи и наклонностяхъ ученика имѣютъ самое широкое и важное примѣненіе въ воспитательной практикѣ. Рекомендуется всѣ таковыя свѣдѣнія вносить въ списокъ и затѣмъ, при обсужденіи проступковъ, малоуспѣшности и т. п., имѣть ихъ въ виду.

— Наставникъ долженъ внимательно слѣдить за *пропущенными уроками* и непремѣнно *отмѣчать* число ихъ и содержаніе въ общемъ спискѣ учениковъ. Мѣры для предотвращенія пропуска уроковъ (независимо отъ инспекторскаго надзора) рекомендуются слѣдующія: а) одною изъ общихъ причинъ небрежнаго посѣщенія уроковъ должно признать то обстоятельство, что ученики часто не даютъ должнаго значенія объясненіямъ учителя, ошибочно полагая, что достаточно и одного знанія учебника наизустъ. Для противодѣйствія этой ошибочной и вредной мысли полезно обязать учениковъ, завести каждому тетрадь для записи тѣхъ объясненій, какими наставникъ дополняетъ и разъясняетъ учебникъ. b) Каждый преподаватель долженъ слѣдить, какой именно урокъ опущенъ тѣмъ или другимъ ученикомъ, и при репетиціяхъ спрашивать нарочито эти *пропущенные* уроки, чтобъ удостовѣриться, насколько и какъ восполнено пропущенное.

— Учители единодушно должны противодѣйствовать *ложнымъ*

*) Для этой цѣли полезно имѣть особую книгу, куда ежедневно вносились бы *всѣ* уроки каждаго дня по классамъ *параллельно*, для удобства обозрѣнія и соображенія, не превышаетъ ли *вся масса дневныхъ уроковъ* силъ учащихся.

мнѣніямъ, которыя нерѣдко существуютъ между учениками относительно обученія. Такъ напримѣръ, нерѣдко воспитанники считаютъ главнымъ не знаніе, не уразумѣніе дѣла, но *баллъ*, выставляемый наставникомъ. „Баллопромышленность“ же рождаетъ поверхностность въ занятіяхъ, вызываетъ въ ученикахъ недостойныя попытки провести учителя, портя учениковъ нравственно. Или многіе лѣнятся, разсчитывая вознаградить пропущенное на *экзаменахъ*; другіе придаютъ особое значеніе извѣстному *предмету*, ради случайнаго его положенія, и пренебрегаютъ другими; многіе учатся только для перевода изъ класса въ классъ и пр.,—всѣ эти и подобныя мнѣнія въ высшей степени вредны для учебно-воспитательнаго дѣла: прямая обязанность преподавателей—и дѣломъ, и словомъ имъ противодѣйствовать.

— Относительно такъ-называемыхъ „безуспѣшныхъ или тупыхъ“ учениковъ преподаватель долженъ быть особенно внимателенъ и *остороженъ*, и долженъ стараться проникнуть *причину* этихъ грустныхъ явленій. Нерѣдко бываетъ причиной неуспѣшности ученика вовсе не его природная неспособность, но или неблагопріятныя обстоятельства, или дурныя вліянія, или болѣзненное расположеніе организма, иногда просто неумѣнье работать и т. п. Во всякомъ случаѣ учитель не долженъ и не имѣетъ права относиться къ этимъ ученикамъ презрительно или оставлять ихъ безъ вниманія, но обязанъ испытать всѣ необходимыя педагогическія мѣры для исправленія ученика, и, не ограничиваясь личною дѣятельностью, долженъ обратиться къ товарищамъ-преподавателямъ и просить ихъ содѣйствія и совѣта: plus vident oculi, quam oculus (умъ хорошо, а два лучше).

— Слѣдя внимательно и постоянно за развитіемъ характера, способностей и наклонностей ученика, за его успѣхами, наставникъ, замѣтивъ лѣность, небрежность и т. п. недобрые *навыки, немедленно* принимаетъ всѣ мѣры заблаговременно для подавленія ихъ въ зародышѣ; извѣщая объ этомъ начальство, онъ въ тоже время приглашаетъ и всѣхъ наставниковъ своего класса *единодушно* вліять на ученика.

— Наставникъ обязанъ заботиться объ *одинаковомъ* успѣхѣ *всѣхъ* учениковъ своего класса, а ни въ какомъ случаѣ не посвящать себя исключительно группѣ или нѣсколькимъ лучшимъ ученикамъ. Не тотъ классъ лучшій, гдѣ нѣсколько учениковъ знаютъ дѣло свое отлично, а остальные слабы, но гдѣ *большинство*, если не всѣ, хороши, удовлетворительны по успѣхамъ.

— Въ видахъ сближенія наставниковъ съ учениками, а особенно для пособія ученикамъ слабымъ, рекомендуется наставникамъ посѣщать учениковъ *внѣ* классныхъ занятій и руководить ихъ *домашними*

упражненіями, разумѣется, смотря по условіямъ обстановки и жизни ихъ (въ интернатахъ).

— Такъ какъ успѣхъ обученія много зависитъ отъ того *пріема*, какимъ руководятся ученики въ усвоеніи уроковъ, то учитель—особенно въ низшихъ классахъ—обязанъ *научить* своихъ слушателей *умѣнію трудиться*, показать имъ способы усвоенія знаній, какіе преподаватель считаетъ за лучшіе. Неумѣнье взяться за дѣло можетъ служить причиною неуспѣшности ученика. Это требованіе особенно важно относительно классовъ низшихъ и вообще учениковъ новопоступившихъ.

— Для объединенія преподавательской дѣятельности, для распространенія лучшихъ пріемовъ обученія, рекомендуется наставникамъ *взаимное* посѣщеніе лекцій другъ у друга, по общему, разумѣется, о томъ соглашенію. При чемъ посѣщающій наставникъ естественно находится въ роли слушателя и помѣщается вмѣстѣ съ учениками, за партами, не имѣя права вмѣшиваться въ преподаваніе или дѣлать какія-либо замѣчанія.

— Всего вреднѣе для воспитанника убѣжденіе, что онъ *неспособенъ*. Поэтому рекомендуется наставникамъ всѣми мѣрами вызывать бодрость и увѣренность въ ученикахъ особенно слабыхъ, поощряя ихъ успѣхи, и *никогда* учитель не долженъ высказывать при ученикахъ сужденія, что тотъ или другой ученикъ никуда не годится, тупъ, или неспособенъ.

— Возбуждая увѣренность въ успѣхѣ труда, вызывая самодѣятельность въ воспитанникѣ, наставникъ долженъ поступать весьма *осторожно*, чтобы не пробудить излишней *самоувѣренности* и опасной самонадѣянности въ ученикахъ. Также опасно и соревнованіе,—оно можетъ въ крайностяхъ переходить во враждебную завистливость.

— Идя впередъ, учитель какъ можно чаще долженъ обращаться назадъ, чтобъ ученики постоянно имѣли въ виду *все пройденное* и, хотя въ *общихъ* чертахъ, могли бы по всякому требованію пересказать его. При этомъ послѣдне-заданный урокъ спрашивается строго, а давно-пройденное оцѣнивается снисходительнѣе. Методъ *постоянныхъ* повтореній, принятый въ нѣмецкихъ гимназіяхъ повсюду, особенно по языкамъ, вездѣ даетъ прекрасные результаты.

— При спрашиваніи учитель долженъ доходить до *полнаго обнаруженія* степени знанія ученика, но въ тоже время долженъ не быть исключительнымъ и долженъ держать на готовѣ вниманіе *всего класса*, поднимая другихъ учениковъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ, нерѣшенныхъ спрашиваемымъ.

— Спрашиваніе должно совершаться безъ *скорой помощи* учителя,

дабы была *самостоятельность* въ отвѣтѣ; это полезно и въ томъ отношеніи, что безпомощное незнаніе обличается само собою. Вообще при спросахъ учитель только спрашиваетъ, и *меньше говоритъ*, а больше слушаетъ.

— Для возбужденія *самодѣятельности*, съ класснымъ обученіемъ должно быть соединено упражненіе учениковъ, по возможности *чаще*, въ сочиненіяхъ, сопровождаемыхъ всегда обстоятельнымъ *разборомъ* со стороны учителей *).

— Не ограничиваясь классными уроками, учитель долженъ *руководить* учениковъ въ *домашнемъ чтеніи* полезныхъ книгъ, каждый по своему предмету. Руководство это не должно ограничиваться общимъ выраженіемъ *желанія*, чтобъ ученики читали, или *выраженіями*, что „чтеніе полезно, пригодится“ и т. п.,—но каждый преподаватель долженъ самъ *показать*, не только, *что* именно читать, но и *какъ* читать, потому что чтеніе всякаго *вздора* и *безтолковое* чтеніе даже *хорошихъ* книгъ положительно вредно. Внѣ-классное чтеніе нерѣдко вліяетъ на нравственную личность ученика сильнѣе, чѣмъ классное преподаваніе. А между тѣмъ, наше время болѣе, чѣмъ когда-либо, періодъ броженія и борьбы враждебныхъ направленій, когда умы въ борьбѣ еще не выработали примиряющихъ началъ. Поэтому педагогически не безопасно для юношескаго возраста увлеченіе летучею литературой дня, лихорадочною, волнующеюся, озлобленно-полемическою. Она преждевременно можетъ подорвать вѣру въ идеалъ жизни, пробудить страсть къ легкомысленному критицизму съ чужаго голоса, можетъ сбить съ толку недозрѣвшій умъ юноши, пробудить нетерпимость къ чужому мнѣнію; а разъѣдающая сатира вызоветъ пессимизмъ, или болѣзненную апатію. Ученикъ же самъ по себѣ не можетъ имѣть настолько самостоятельнаго сужденія, ясности и глубины историческаго знанія, твердости убѣжденія, чтобы побѣдить эти вліянія.

При этомъ чрезмѣрно-обильное чтеніе не совмѣстимо съ классными работами и вредно въ педагогическомъ отношеніи.

II.

Учитель учитъ и воспитываетъ не только тѣмъ, что́ онъ читаетъ, говоритъ и дѣлаетъ въ классѣ, онъ учитъ и воспитываетъ всею своею

*) Въ виду особенной важности этого учебно-воспитательнаго средства, подробныя руководящія правила и требованія, которыми обусловливается практически-воспитательное значеніе сочиненій, предполагается разсмотрѣть въ особой статьѣ. (Статья эта будетъ напечатана въ слѣдующей книжкѣ журнала). *Ред.*

личностью, всею жизнію и всѣмъ складомъ и характеромъ своихъ дѣйствій, отъ внѣшняго образа своей жизни до проявленія внутреннихъ идей и воззрѣній; учитъ и воспитываетъ незамѣтно, непроизвольно, но тѣмъ не менѣе *неотразимо*. Педагогическое значеніе *примѣра* учителя весьма важно: praecepta docent, exempla trahunt (правила *учатъ*, а примѣры *увлекаютъ*). *Дѣло* для всѣхъ и всегда имѣетъ болѣе смысла и силы, чѣмъ слова. На массѣ учениковъ равно отражаются достоинства и недостатки учителя. Воспитательная сила изливается изъ одного источника—живой человѣческой *личности*. Нельзя дать другому того, чего самъ не имѣешь; нельзя вести другаго, когда самъ стоишь. Только личность можетъ успѣшно дѣйствовать на развитіе личности, только искренній и правдивый учитель можетъ образовать такихъ же учениковъ. Но кромѣ этой области воспитательнаго вліянія *личности*, учитель, какъ лицо юридическое, можетъ и долженъ *дѣйствительнымъ участіемъ*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушенія порядка и дисциплины, вліять на возстановленіе того и другого. *Частныя требованія*, вытекающія отсюда и служащія *средствами* воспитательнаго вліянія наставника на учениковъ, слѣдующія:

— Учитель долженъ жизнію своею служить образцомъ и идти впереди своихъ воспитанниковъ. Сюда относится культура религіознаго чувства, образованіе здоровыхъ нравственныхъ убѣжденій. Хотя спеціально-религіозное обученіе составляетъ обязанность законоучителя, но во всякомъ случаѣ и другіе учителя не должны по крайней мѣрѣ позволять себѣ насмѣшливыхъ или оскорбительныхъ отзывовъ о предметахъ вѣры и богопочтенія. Само собою понятно, что слова учителя должны отвѣчать дѣлу: всѣ убѣжденія безспильны, если жизнь имъ противорѣчитъ.

— Классная молитва, которою открываются занятія, прежде всего должна обратить вниманіе наставника, который слушаетъ ее съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и наблюдаетъ, чтобы произносилась она не спѣшно, раздѣльно, не „борзясь“. Желательно при этомъ, чтобы молитва въ классѣ читалась не болѣе двухъ разъ: при началѣ и при концѣ классовъ каждаго дня. Частое повтореніе до того механизируетъ молитву, что она является пустой и безсмысленною формой, которая только надоѣдаетъ ученикамъ, не производя на нихъ никакого добраго впечатлѣнія.

— Учитель не можетъ дать ученику того, чего самъ не имѣетъ: нельзя думать, чтобы лѣнь наставника могла пробудить въ ученикахъ дѣятельное и трудолюбивое настроеніе, дала имъ идею необходимости честнаго выполненія своего долга. Отсюда, преподаватель долженъ самъ, на дѣлѣ, имѣть и обнаруживать тѣ *качества*, аккія

составляютъ черты нравственнаго *воспитанія* ученика, какъ-то: исполнительность, правдивость, силу характера и твердость въ убѣжденіяхъ, здоровый взглядъ на жизнь и уваженіе къ труду, терпѣніе и настойчивость въ трудѣ, любовь къ ученикамъ, *единство* долга и чистаго удовольствія, науки и жизни, слова и дѣла и пр.

— Учитель не долженъ искать *внѣшней популярности* между учениками, потому что здѣсь нерѣдко приносится въ жертву общая дисциплина, истина, является поблажка и потачка; онъ долженъ дорожить ихъ любовью и привязанностью, основанною на стремленіи къ истинѣ и наукѣ, на расположеніи къ труду и знанію.

— Преподаватель долженъ быть *близокъ* къ ученикамъ, но безъ фамиліарности и излишества. Воспитывать въ отдаленіи также хорошо, какъ составлять планы сраженій, находясь за тысячи верстъ отъ мѣста битвы. Но эта близость не должна переходить границъ и обращаться въ панибратство. Любовь къ дѣтямъ должна быть разумною. Превосходство воспитателя, авторитетъ его предъ учениками, есть одно изъ самыхъ сильныхъ орудій воспитательной дѣятельности учителя.

— Наставникъ долженъ стараться снискать прочный авторитетъ, расположеніе и уваженіе воспитанниковъ, основаніемъ чего должна быть чистая, строго-серьезная и нравственно-безупречная личность наставника.

— Нравственное достоинство и уваженіе преподавателей должно единодушно поддерживаться всѣми членами корпораціи. Никто не долженъ подрывать взаимнаго уваженія учениковъ, или поддерживать неудовольствіе невыгоднымъ отзывомъ о товарищѣ и т. п.

— Учитель долженъ умѣть сохранить свой авторитетъ, особенно гдѣ возникаетъ оппозиція учениковъ. Ни по вопросу о баллахъ, ни въ другихъ случаяхъ учитель не долженъ вступать въ препирательства съ ученикомъ, особенно въ классѣ; но прямо и рѣшительно отнестись къ дѣлу, высказавъ положительныя основанія своего приговора. Само собою разумѣется, если учитель дѣйствительно ошибся, то онъ долженъ немедленно и также прямо поправить дѣло *).

— Одною изъ главныхъ задачъ нравственнаго воспитанія должно быть воспитаніе *чувства законности* въ ученикѣ, какъ основаніе дисциплины и общественнаго строя. Для этой цѣли ученики никогда не

*) Знали мы и такого учителя, у котораго половина класса всегда уходила на переговоры по поводу выставленія балловъ. Дѣло кончалось обыкновенно неудовольствіемъ съ обѣихъ сторонъ, а между тѣмъ, ученики, подмѣтивъ эту слабость учителя, нарочно, бывало, заводили споръ, чтобъ избавиться отъ спрашиванія.

должны слышать пренебрегательнаго или осуждающаго отзыва о распоряженіяхъ, имѣющихъ обязательную силу для учениковъ. Поступать иначе, значило бы, одною рукою строить, другою—разрушать.

— Если учитель встрѣтитъ шалости и проступки ученика *за предѣлами класса*, гдѣ притомъ нѣтъ инспектирующаго воспитателя, то прямая обязанность учителя остановить шалость, сдѣлать внушеніе за проступокъ, а при болѣе серьезныхъ явленіяхъ, донести о нихъ инспектирующему лицу. Вообще же, какъ воспитывающіе, такъ и учащіе, должны стараться развить въ ученикахъ пониманіе и значеніе какъ репутаціи *личной*, такъ и *коллективной* всего заведенія и вызывать желаніе поддерживать и охранять ее, какъ общее всѣхъ дѣло.

— Нарушеніе учениками приличія и общепринятыхъ условій вѣжливости, неучтивыя, грубыя, оскорбительныя шутки и т. подобные проступки, особенно ложь, должны быть строго преслѣдуемы. Наставники должны внимательно и строго слѣдить за выполненіемъ этого требованія, какъ въ классахъ, такъ и внѣ классовъ, внушая воспитанникамъ, что умѣнье хорошо держать себя, быть вѣжливымъ и приличнымъ, составляетъ характеръ хорошо развитаго и образованнаго человѣка. Такъ-называемое бурсачество, ухарство, глупое хвастовство грубостью и невѣжествомъ, доходящее до цинизма и забвенія приличій, не должны имѣть мѣста ни въ какомъ учебномъ заведеніи.

— Личность воспитанника должна быть *уважаема*. Учитель никогда не долженъ позволять себѣ вообще *насмѣшекъ* въ классѣ (и нигдѣ) надъ учениками, какъ-то, смѣяться надъ фамиліей, физіономіей ученика, или давать прозвища и грубо кричать на него *).

— Учитель долженъ быть всегда неизмѣнно *вѣжливъ* съ учениками и вести себя по отношенію къ нимъ *ровно* и *съ достоинствомъ*. Сильнѣйшая грубость не должна выводить его изъ терпѣнія. Крикъ и грубость со стороны учителя ставятъ его въ ложное отношеніе къ ученикамъ и вызываютъ „личности“. Онъ никогда не долженъ угрожать наказаніемъ подъ силой перваго впечатлѣнія. (Общая форма обращенія съ ученикомъ всегда должна быть на „вы“),

— Всякая школа есть только искусственная замѣна семьи. Недо-

*) Мы знали одного учителя, который, встрѣтивъ ученика, издали еще обыкновенно кричалъ на него: «эй, сѣрая шапка!» или «круглая шляпа!»—«сюда!» Въ классѣ же забавлялся классификаціей фамилій: a) *птичьи*—Лебедевъ, Вороновъ и пр. b) *классическія*—Долгинскій, Сперанскій и пр. c) *сладкія* (Sic)—Малининъ, Виноградовъ... d) *праздничныя:* Богородицкій, Крещенскій и т. д., при чемъ и разсаживалъ учениковъ по своей «системѣ». А другой учитель заставлялъ учениковъ для потѣхи юмористически описывать другъ друга въ классѣ и, разумѣется, эти описанія возбуждали гомерическій смѣхъ.

статокъ семейныхъ стихій (разумѣемъ интернаты), составляетъ самую слабую сторону учебныхъ заведеній; отсюда рождается огрубѣніе, одичаніе ученика, казарменность; здѣсь корень холодности, отчужденія, себялюбія и эгоизма, столь противныхъ юношеской натурѣ. Поэтому наставникъ, хотя въ возможной степени, долженъ стараться смягчать этотъ недостатокъ школы снисходительностью, ласковымъ обращеніемъ, доступностью и расположеніемъ къ ученикамъ.

— Бываютъ случаи запскиванія со стороны учениковъ, желаніе показать себя въ особенно-выгодномъ свѣтѣ и тѣмъ выиграть во мнѣніи учителя. Учитель долженъ зорко слѣдить за такими недостойными способами выставки, и ни въ какомъ случаѣ не поддаваться на льстивое и низкопоклонное обращеніе, но смотрѣть на дѣло, на дѣйствительное усердіе и успѣхъ въ занятіяхъ.

— Всѣми мѣрами должно противодѣйствовать проявленію въ ученикахъ *собялюбія* и *эгоизма*, нужно вызывать взаимо-помощь и содружество въ воспитанникахъ, какъ доброе начало истинно товарищескихъ отношеній и приготовленіе къ будущей жизни ученика въ обществѣ *). Съ этой стороны хотя и желательно, чтобы лучшіе воспитанники имѣли вліяніе на товарищей, но нужно осторожно относиться къ поддержкѣ ихъ вліянія, опасаясь возбудить зависть и недоброжелательство особымъ ихъ предпочтеніемъ.

— Учитель и внѣ класса долженъ быть снисходителенъ и добръ, и никогда не долженъ отказываться рѣшать вопросы, какіе тревожатъ иногда неустоявшійся умъ, когда ученики обратятся къ учителю.

— Учитель наблюдаетъ за *вниманіемъ* и *порядкомъ* своихъ слушателей въ классѣ. При этомъ должно имѣть въ виду, что вниманіе учениковъ прежде всего обусловливается классическою дѣятельностью самого преподавателя и способомъ его изложенія. Слѣдовательно, замѣчая въ ученикахъ невнимательность, учитель прежде всего долженъ обратиться *къ себѣ*, къ пріемамъ, характеру и методу своего преподаванія и въ нихъ искать разгадки грустнаго явленія — классной невнимательности учениковъ.

— Въ случаѣ нарушенія порядка въ классѣ, и особенно въ случаѣ повторенія этого проступка, послѣ замѣчанія учителя, наставникъ записываетъ шалуна въ книгу и доводитъ о немъ до свѣдѣнія инспектора; въ низшихъ же классахъ учитель можетъ посадить шалуна на нѣко-

*) «Divide et impera» (раздѣли и побѣждай) и до настоящаго даже времени служитъ девизомъ многихъ изъ *тонкихъ* педагогическихъ политиковъ, забывающихъ пословицу: «гдѣ тонко, тамъ и рвется»...

торое время слушать урокъ въ сторонѣ отъ другихъ учениковъ, на виду, дабы предотвратить возможность повторенія шалостей.

— Наставникъ долженъ обратить вниманіе на то, какъ проводятъ воспитанники *каникулы* и дни отпусковъ. При должномъ руководствѣ, это время можетъ быть употреблено ученикомъ съ большою пользой. Время это назначено *для отдыха*. Но отдыхъ вовсе не есть бездѣльничанье или ничего не дѣланіе. Если ученикъ не подвинется впередъ, то онъ по крайней мѣрѣ не долженъ забывать пріобрѣтеннаго. Кромѣ того, въ это время, если ученикъ *любознателенъ*, то онъ самъ будетъ искать себѣ умственныхъ занятій, каковое стремленіе должно быть правильно руководимо и удовлетворяемо. Для означенныхъ цѣлей желательно, чтобы преподаватели передъ днями роспуска заранѣе высказывали ученикамъ, какъ желательно, чтобъ они проводили время отдыха, предложили бы однимъ подходящее чтеніе, другимъ удобовыполнимыя работы и т. п., выразивъ въ то же время желаніе, чтобъ обо всемъ сдѣланномъ сообщено было наставнику. Разумѣется само собою, что всѣ эти занятія должны быть совершенно свободны.

— Наконецъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ воспитательныхъ средствъ въ рукахъ учителя должно признать его *вліяніе на внутреннюю жизнь и бытъ* учениковъ, ихъ стремленія, занятія и труды. Въ этомъ отношеніи особенную важность представляетъ образованіе между учениками *ассоціацій* съ учебными цѣлями. Опытъ показалъ, что такое содружество учениковъ благодѣтельно и возбуждаетъ ихъ къ особенному усердію и трудамъ, вызывая въ свободное время *бесѣды* о предметахъ, изучаемыхъ въ классахъ.

— Нельзя не признать также полезнымъ устроеніе и такъ-называемыхъ литературныхъ бесѣдъ и чтеній, гдѣ *руководимые* наставниками ученики или избираютъ образцовое изъ лучшихъ авторовъ, или сами составляютъ статьи, служащія матеріалами для такихъ чтеній. Такія бесѣды могутъ вносить освѣженіе и возбужденіе въ учебную жизнь заведенія. Если при заведеніи существуетъ или хоръ, или даже оркестръ, то желательно было бы соединять умственный отдыхъ и развлеченіе съ эстетическимъ удовольствіемъ, которое само по себѣ имѣетъ сильное облагораживающее вліяніе на молодыя натуры.

Въ заключеніе предлагаемыхъ соображеній и мѣръ воспитательнаго вліянія наставниковъ на учениковъ, необходимо сказать, что невозможно вполнѣ начертать *весь процессъ* такого вліянія, во всѣхъ его подробностяхъ, всевозможныхъ формахъ и моментахъ. Воспитаніе не такой предметъ, чтобъ его можно было математически, ясно, полно

и точно разъ на всегда объяснить, разложить и предложить къ исполненію. Въ своей *положительной* сторонѣ воспитаніе всецѣло опирается на личность учителя и индивидуальность учениковъ; предугадать, найдти и опредѣлить формы *возможныхъ* между ними отношеній, по самой сущности дѣла, было бы безуспѣшною попыткой. Однако возможно и не излишне, полагаемъ, намѣтить черты и этого вліянія, *главныя, выдающіяся;* указаніе же *отрицательныхъ* сторонъ въ воспитаніи мы признаемъ положительно нужнымъ. Область совершенствованія человѣка и педагога неисчерпаема и безгранична, поэтому здѣсь возможно только предложить *minimum* требованій, предоставляя все что *выше*—личной свободѣ педагога; всякія формулы въ этой области положительно *вредны*. Но все, что *ниже* minimuma, есть отрицательное явленіе, зло. Въ этой области нѣкоторыя явленія должны быть прямо и рѣшительно осуждаемы и преслѣдуемы: они суть отрицаніе закона. Поэтому мы признаемъ болѣе полезнымъ говорить не столько о томъ, что учитель *обязанъ* дѣлать, сколько о томъ, чего онъ *не долженъ* дѣлать. Конечно, многіе изъ предложенныхъ нами *отрицательныхъ* тезисовъ для многихъ покажутся анахронизмомъ въ наше время. Но такое мнѣніе вѣрно только относительно. Они анохранизмъ для нашихъ интеллектуальныхъ *центровъ*, для столицъ, гдѣ собраны всѣ лучшія наши педагогическія силы и гдѣ практика стоитъ въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки о воспитаніи; но далеко нельзя того же сказать о провинціяхъ, а вѣдь онѣ составляютъ главную *массу*. Съ грустію должны мы заявить, что всѣ наши отрицательные тезисы взяты прямо *съ натуры*, изъ живой, современной намъ дѣйствительности. Мы готовы подтвердить это фактами, разумѣется, безъ личныхъ указаній. Имѣя постоянную привычку вести педагогическія замѣтки, мы имѣемъ богатую коллекцію самыхъ удивительныхъ фактовъ по этой части. И Боже мой! Какая длинная галлерея анти педагогическихъ явленій встаетъ въ нашей памяти! Δεῦρ ἴθι, νύμφα φιλη, ἵνα θέσκελα ἔργα ἴδηαι! *) И все это не тѣни, не призраки, но живыя лица. Впрочемъ это длинная исторія и мы не коснемся ея теперь; мы хотѣли только сформулировать въ краткихъ афоризмахъ то, что́ дало намъ личное наблюденіе, и если хотя нѣчто высказанное нами послужитъ дѣлу, — наша цѣль достигнута.

---

*) «Поди сюда любезная нимфа, посмотрѣть на удивительныя дѣла».

С. М—ій.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АРИѲМЕТИКА.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ.

(Продолженіе).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Изустныя задачи на числа отъ 36 до 48.

141) Одинъ фунтъ бѣлаго хлѣба стоитъ 5 коп., а одинъ фунтъ ситнаго — копѣйкою меньше. Сколько будутъ стоить вмѣстѣ 5 фунтовъ бѣлаго хлѣба и 3 фунта ситнаго?

*142) Двое имѣли вмѣстѣ 37 коп., при этомъ у перваго было семью копѣйками меньше втораго. Сколько денегъ было у каждаго?

*143) Двое имѣли вмѣстѣ 37 копѣекъ, при чемъ у перваго было пятью копѣйками больше втораго. Сколько монетъ было у обоихъ вмѣстѣ, если у перваго были трехкопѣечники, а у втораго двухкопѣечники?

144) При ѣздѣ по желѣзной дорогѣ платится за версту по 2 коп., а при ѣздѣ на лошадяхъ по 3 коп. Какая поѣздка будетъ стоить дороже и на сколько: 19 верстъ по желѣзной дорогѣ, или 12 верстъ на лошадяхъ?

145) Одинъ мальчикъ имѣлъ два десятка орѣховъ, а другой полторы дюжины; они смѣшали ихъ вмѣстѣ, и потомъ подѣлились поровну. Сколько досталось каждому?

146) Разнощикъ, имѣя 38 грушъ, продалъ половину этого числа безъ четырехъ грушъ за 30 коп. По чемъ онъ продавалъ десятокъ?

147) Два ученика покупали тетради: одинъ купилъ 2 тетради безъ переплета за 16 коп., а другой — 3 такихъ же тетради, только въ переплетѣ, за 39 коп. Сколько стоилъ переплетъ каждой тетради?

148) Дворъ имѣетъ въ длину 39 аршинъ, а въ ширину 35 футовъ. На сколько длина его больше ширины?

149) Купецъ имѣлъ 39 руб.; двѣ трети этихъ денегъ онъ отдалъ въ долгъ знакомому, и черезъ мѣсяцъ получилъ отъ него обратно 11 руб. Какъ великъ оставшійся долгъ?

---

150) Служанку послали въ булочную за пирожнымъ и дали ей 4 гривенника; сколько пирожныхъ она можетъ купить, и сколько принесетъ сдачи, если одна штука стоитъ 3 копѣйки?

*151) Изъ двухъ деревень, между которыми 40 верстъ, вышли въ одно время два крестьянина на встрѣчу другъ другу. Черезъ сколько часовъ они встрѣтятся, если первый проходилъ въ часъ 3 версты, а второй 5 верстъ?

*152) Изъ двухъ городовъ, разстояніе между которыми 40 миль, вышли въ 9 часовъ утра два поѣзда на встрѣчу другъ другу, при этомъ первый проходилъ въ часъ три съ половиною мили, а второй—одною милею больше. Въ которомъ часу они встрѣтятся?

153) Для артели рабочихъ было куплено два хлѣба: первый вѣсомъ въ полпуда, а второй — четырьмя фунтами меньше. Сколько хлѣба достанется каждому работнику, если всѣхъ было 18 человѣкъ?

154) Въ лавкѣ находятся четыре гири: въ 1 фунтъ, въ 3 фунта, въ 9 и въ 27 фунтовъ. Какимъ образомъ взвѣсить этими гирями два ящика товару, если первый вѣситъ пудъ, а второй 20 фунтовъ? *).

155) Охотникъ отправился на охоту въ 6 часовъ утра, а вернулся въ 7 часовъ вечера. Сколько верстъ онъ прошелъ въ это время, если въ часъ проходилъ по 4 версты, а на отдыхъ употребилъ 3 часа?

156) У одной хозяйки 40 домашнихъ птицъ; изъ нихъ курицы составляютъ три восьмыхъ всего числа, гуси—двѣ пятыхъ, также всего числа, а остальное—утки. Сколько утокъ?

---

157) Двое вмѣстѣ имѣли 41 копѣйку, при этомъ у перваго было одною копѣйкою больше втораго. Сколько было монетъ у обоихъ вмѣстѣ, если у перваго были трех-копѣечники, а у втораго пятачки?

158) Въ трехъ классахъ одного пансіона находится 41 ученикъ: въ первомъ и во второмъ классахъ поровну, а въ третьемъ двумя больше втораго. Сколько учениковъ въ каждомъ классѣ?

159) Слуга былъ нанятъ съ платою по 9 руб. въ мѣсяцъ; про-

---

*) Этими гирями можно взвѣсить всякое цѣлое число фунтовъ отъ 1 до 40.

служа 6 недѣль безъ двухъ дней, онъ отошелъ. Сколько ему слѣдуетъ заплатить?

160) Для коррндора, длиною въ 6 саженъ, купленъ узкій коверъ; сколько придется заплатить за него, если 4 фута стоятъ 1 рубль?

*161) Для одного семейства было куплено три съ половиною дюжины тарелокъ. Сколько будутъ стоить всѣ эти тарелки, если 7 штукъ стоятъ одинъ рубль?

*162) Въ лавкѣ было куплено три съ половиною дюжины тарелокъ: мелкихъ и глубокихъ поровну; при этомъ 7 мелкихъ тарелокъ, а также 6 глубокихъ стоили одинъ рубль. Сколько стоили всѣ тарелки?

163) Нѣкто имѣлъ 42 рубля; третью часть этихъ денегъ онъ истратилъ въ 2 недѣли, а изъ остальныхъ издерживалъ ежедневно по 2 рубля. Во сколько времени онъ истратилъ всѣ деньги?

164) Работникъ имѣлъ 5 пятачковъ и 6 трех-копѣечниковъ; сколько фунтовъ хлѣба онъ можетъ купить на эти деньги, если фунтъ стоитъ 6 копѣекъ?

165) За 43 рубля было куплено 3 ковра: одинъ большой и два маленькихъ; при этомъ за большой коверъ было заплачено тремя рублями больше, чѣмъ за оба маленькихъ вмѣстѣ. Сколько стоилъ каждый коверъ?

166) Для одной лампы куплено 4 фунта керосину, по 11 коп. за фунтъ. На сколько времени достанетъ этого керосину, если въ вечеръ сгараетъ на 8 коп.?

167) Мальчикъ, имѣя 44 коп., три четверти этихъ денегъ издержалъ на покупку яблокъ, по полторы копѣйки за штуку. Сколько яблокъ онъ купилъ?

168) Въ бумажной лавкѣ въ двухъ ящикахъ лежало 44 карандаша, при этомъ въ первомъ ящикѣ было больше; когда же купецъ переложилъ изъ него во второй 4 штуки, то въ обоихъ стало поровну. Сколько было въ каждомъ?

---

169) Купецъ продалъ 9 фунтовъ чаю по 5 руб. за фунтъ; сколько онъ получилъ при этомъ прибыли, если ему самому весь чай стоилъ 36 рублей?

170) Для нѣкоторой работы было нанято нѣсколько мужчинъ и столько же женщинъ; каждый мужчина получалъ по 9 руб. въ мѣсяцъ, а каждая женщина по 6 руб. Сколько было тѣхъ и другихъ, если всѣ они вмѣстѣ получали 45 руб. въ мѣсяцъ?

171) Въ первомъ классѣ было роздано ученикамъ три съ полови-

ною дюжины карандашей, по 2 каждому, а во второмъ четыре съ половиною десятка, каждому по 3 карандаша. Сколько было учениковъ въ обоихъ классахъ вмѣстѣ?

172) Смѣшана мука двухъ сортовъ: 3 фунта по 7 коп. и 6 фунтовъ по 4 коп. Сколько будетъ стоить одинъ фунтъ смѣшанной муки?

*173) Въ трехъ комнатахъ стояло 45 стульевъ: въ первой—треть всего числа, во второй—одна пятая, а въ третьей—остальное. Сколько было стульевъ въ послѣдней комнатѣ?

*174) Въ четырехъ комнатахъ горѣло 45 свѣчъ: въ первой—одна треть всего числа, во второй—двѣ девятыхъ, въ третьей—одна пятая и въ четвертой—остальныя. Сколько свѣчъ горѣло въ послѣдней комнатѣ?

175) На этажеркѣ на трехъ полкахъ помѣщалось 45 книгъ, при этомъ на второй полкѣ было тремя больше, чѣмъ на первой, а на третьей—тремя больше, чѣмъ на второй. Сколько книгъ было на каждой полкѣ?

176) Переплетчику было отдано въ переплетъ 45 книгъ; третья часть изъ нихъ были большія, а остальныя маленькія; за три большихъ книги, а также за пять маленькихъ онъ бралъ одинъ рубль. Сколько онъ получилъ за всѣ книги?

---

177) У мальчика на двухъ страницахъ были написаны латинскія слова, на каждой по 23 слова, изъ нихъ онъ позабылъ 7 словъ. Сколько словъ онъ знаетъ?

178) У двухъ братьевъ вмѣстѣ было 46 руб., при чемъ у перваго было больше; когда же онъ отдалъ второму 5 руб., то у нихъ стало поровну. Сколько было у каждаго?

179) Серебряникъ имѣлъ кусокъ серебра въ 1 фунтъ 15 лотовъ; онъ сдѣлалъ изъ него 2 сахарницы, вѣсомъ по 10 лотовъ каждая, а изъ остальнаго 9 ложекъ. Сколько вѣсила каждая ложка?

180) Два работника заработали вмѣстѣ 47 руб.; какъ имъ раздѣлить эти деньги, если первый работалъ 5 недѣль, по 7 дней въ недѣлю, а другой—2 недѣли, по 6 дней?

---

181) Извощикъ купилъ 6 четвериковъ овса и выдавалъ изъ него каждой лошади въ день по полтора гарнца. Во сколько дней у него выйдетъ весь овесъ, если онъ имѣлъ пару лошадей?

182) Двѣ дести бумаги были раздѣлены восьми ученикамъ поровну, и каждый изъ нихъ изъ полученной бумаги сдѣлалъ по 2 равныхъ

тетради въ четвертку. Сколько страницъ было въ каждой тетради?

183) Оконная рама имѣетъ въ длину 3 аршина и въ ширину 20 вершковъ, а каждое стекло имѣетъ въ длину 12 вершковъ, а въ ширину 10 вершковъ. Сколько понадобится стеколъ для этой рамы?

184) Слуга прожилъ на одномъ мѣстѣ 4 года, и при этомъ въ каждые 3 мѣсяца сберегалъ по 2 рубля. Сколько денегъ онъ скопилъ во все время?

185) Аллея имѣетъ въ длину 16 саженъ, съ обѣихъ сторонъ ея, на разстояніи 8 аршинъ, поставлены скамейки. Сколько всѣхъ скамеекъ?

186) За письменный столъ и кресло заплачено 48 руб. Сколько стоитъ каждая вещь отдѣльно, если столъ втрое дороже кресла?

187) Три работника могутъ сдѣлать нѣкоторую работу въ 16 дней. Во сколько дней сдѣлаютъ такую же работу 4 работника?

188) Мальчикъ, имѣя 48 коп., пять двѣнадцатыхъ этихъ денегъ издержалъ на покупку книги, а на остальныя деньги купилъ 4 тетради. Сколько стоила каждая?

*189) Для переписки одного сочиненія было нанято 2 переписчика; первый изъ нихъ переписалъ пять восьмыхъ всего сочиненія, а второй—остальное. Сколько листовъ переписалъ каждый, если все сочиненіе содержало 48 листовъ?

*190) Для переписки сочиненія, содержавшаго 48 листовъ, было нанято 2 переписчика; первый переписалъ три восьмыхъ всего сочиненія, а второй—остальное. Сколько долженъ получить каждый, если за 3 листа платили по рублю?

Свѣдѣнія объ именованныхъ числахъ.

1 миля = 7 верстамъ.
1 сажень = 7 футамъ.
1 футъ = 12 дюймамъ.
1 пудъ = 40 фунтамъ.
1 десть = 24 листамъ.

Таблица умноженія. Рядъ четвертый.

$5 \times 1 = 5.$	$5 \times 6 = 30.$
$5 \times 2 = 10.$	$5 \times 7 = 35.$
$5 \times 3 = 15.$	$5 \times 8 = 40.$
$5 \times 4 = 20.$	$5 \times 9 = 45.$
$5 \times 5 = 25.$	$5 \times 10 = 50.$

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Письменныя задачи на умноженіе на число въ одну цифру.

191) Торговецъ купилъ на ярмаркѣ 5 цибиковъ чаю за 986 руб., а продавалъ каждый цибикъ за 237 руб. Сколько онъ получилъ прибыли?

192) Войско состояло изъ пѣхоты и кавалеріи, всего 9440 человѣкъ; пѣхоты было 3 полка, по 2836 человѣкъ въ каждомъ. Сколько было кавалеріи?

193) Нѣкто, имѣя 9,000 руб,, былъ долженъ 6 кредиторамъ, по 1,356 руб. каждому. Сколько денегъ у него останется, когда онъ отдастъ весь свой долгъ?

194) Крестьянинъ имѣетъ поле въ 6 десятинъ; на каждой десятинѣ онъ посѣялъ 128 гарнцевъ ржи. Спрашивается, сколько онъ собралъ ржи со всего поля, если урожай былъ въ 5 разъ больше посѣва?

195) Въ одной библіотекѣ книги лежали въ 8 шкапахъ, всего 8050 книгъ; въ первыхъ 7 шкапахъ было по 1015 книгъ. Сколько находилось книгъ въ послѣднемъ шкапу?

196) Одинъ работникъ можетъ приготовить въ день 576 кирпичей. Сколько могутъ приготовить два работника въ шесть дней?

197) Къ пристани были привезены дрова на 8 баркахъ, на каждой по 453 саженн, изъ нихъ продано 2876 саженъ. Сколько саженъ осталось?

198) Изъ одной скорострѣльной пушки можно сдѣлать въ минуту 285 выстрѣловъ. Сколько выстрѣловъ можно сдѣлать изъ трехъ пушекъ въ шесть минутъ?

199) Помѣщикъ имѣетъ два поля: первое въ 7 десятинъ, второе въ 9 десятинъ; съ каждой десятины перваго поля онъ собралъ 125 пудовъ сѣна, а съ каждой десятины втораго—134 пуда. Сколько онъ собралъ всего сѣна?

200) На двухъ телѣгахъ перевозили ядра: въ первой лежало 8 ядеръ, каждое вѣсомъ въ 213 фунтовъ, а во второй 9 ядеръ, вѣсомъ по 204 фунта каждое. Которая телѣга была нагружена тяжелѣе, и на сколько фунтовъ?

201) Въ одномъ лѣсу было 8300 деревьевъ; въ продолженіи семи лѣтъ ежегодно вырубали по 625 деревьевъ. Сколько деревьевъ осталось въ лѣсу?

202) Нѣкто имѣетъ трехъ-этажный домъ: въ нижнемъ этажѣ этого

дома находится 4 квартиры, и за каждую платятъ по 468 руб. въ годъ, во второмъ этажѣ 5 квартиръ, по 395 руб., и въ третьемъ—6, по 276 руб. Какъ великъ годовой доходъ съ этого дома?

203) На заводѣ было отлито 4 большихъ колокола и 9 меньшихъ; каждый большой колоколъ вѣсилъ 758 пудовъ, а меньшій — 305 пудовъ. Сколько вѣсили всѣ колокола вмѣстѣ?

204) Въ 12 часовъ дня вышелъ изъ Петербурга поѣздъ въ Варшаву, дѣлающій по 32 версты въ часъ. Сколько верстъ останется ему пройти до Варшавы въ 10 часовъ вечера, если между этими городами 1049 верстъ и если на остановки на станціяхъ пошелъ одинъ часъ?

205) Въ одномъ отрядѣ было 7000 солдатъ; во время сраженія было убито 287 человѣкъ и ранено въ 5 разъ больше. Сколько человѣкъ осталось въ строю?

206) Въ бассейнъ проведено 2 трубы: черезъ первую вливается въ часъ 342 ведра, а черезъ вторую вытекаетъ 156 ведеръ. Сколько воды будетъ въ бассейнѣ, если обѣ трубы открыть на 8 часовъ?

207) Почтовый поѣздъ проходитъ въ часъ 42 версты, а пассажирскій 31 версту; первый поѣздъ былъ въ дорогѣ 8 часовъ, а второй—9 часовъ. Который прошелъ больше, и чѣмъ именно?

208) Перваго мая въ 12 часовъ дня отправился изъ Петербурга въ Америку пароходъ, проходящій въ сутки 245 верстъ, а черезъ два дня по тому же пути отправился другой пароходъ, дѣлающій въ сутки 315 верстъ. На какомъ разстояніи другъ отъ друга будутъ эти пароходы десятаго мая, также въ 12 часовъ?

209) Дорогу, длиною въ 6 верстъ 37 саженъ, начали мостить двѣ партіи рабочихъ съ двухъ концевъ: одна партія мостила въ недѣлю 237 саженъ, а другая 186 саженъ. Сколько останется мостить черезъ 6 недѣль?

210) Нѣкто имѣетъ четырехъ-этажный домъ; въ нижнемъ этажѣ этого дома находится 4 лавки, а въ верхнихъ этажахъ по 7 квартиръ въ каждомъ. Какъ великъ годовой доходъ съ этого дома, если за лавку платится въ годъ 549 руб., а за квартиру 324 рубля?

Общіе выводы.

1. Умноженіе есть дѣйствіе, въ которомъ данное число увеличивается въ нѣсколько разъ.

2. То число, которое умножаютъ, называется *множимымъ;* то число, на которое умножаютъ,—*множителемъ*, и то, что получается,—*произведеніемъ*.

3. Для того, чтобы умножить одно число на другое, обыкновенно подписываютъ множителя подъ единицами множимаго, и затѣмъ умножаютъ каждый разрядъ отдѣльно, начиная съ единицъ. При этомъ, если при умноженіи какого нибудь разряда получится произведеніе, больше десяти, то десятки его придаютъ къ числу, получаемому отъ умноженія слѣдующаго разряда.

4. Для обозначенія умноженія употребляется косой крестъ (×), который ставится съ лѣвой стороны противъ множителя.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Изустныя задачи на числа отъ 48 до 60.

211) Было нанято два работника: одинъ работалъ 7 недѣль, а другой 25 дней; за работу они получали по рублю въ сутки, не исключая и праздниковъ. Сколькими рублями первый получилъ больше втораго?

212) Между двумя деревнями 49 верстъ; изъ нихъ вышли въ одно время два крестьянина на встрѣчу другъ другу: первый проходитъ въ часъ 3 версты, а другой — 4 версты. Черезъ сколько часовъ они встрѣтятся?

213) Одинъ мальчикъ, имѣя 9 пятачковъ и два двух-копѣечника, купилъ двѣ книги равной цѣны и при этомъ получилъ сдачи 9 копѣекъ. Сколько стоила каждая книга?

214) Въ одномъ классѣ было 6 скамеекъ и на каждой сидѣло по 4 ученика, а въ другомъ было одною скамейкою меньше, но за то на каждой сидѣло однимъ ученикомъ больше. Сколько учениковъ было въ обоихъ классахъ?

215) Извощикъ купилъ 50 гарнцевъ овса и каждой изъ своихъ лошадей выдавалъ въ день по 2 гарнца, а 6 гарнцевъ отдалъ другому извощику. Черезъ сколько дней у него выйдетъ весь овесъ, если онъ имѣлъ двухъ лошадей?

216) Въ залѣ были поставлены стулья въ 5 рядовъ: въ первомъ ряду 8 стульевъ, во второмъ—9, въ третьемъ—10 и т. д. въ каждомъ слѣдующемъ ряду однимъ стуломъ больше. Сколько было въ залѣ всего стульевъ?

*217) Крестьянинъ купилъ въ городѣ 1 пудъ 10 фунтовъ соли; въ деревнѣ эту соль раздѣлили между собою 10 семействъ поровну. Сколько придется заплатить каждому, если фунтъ стоитъ 3 коп.?

*218) Торговецъ купилъ въ деревнѣ 25 паръ цыплятъ, по рублю

за 5 штукъ, а продавалъ ихъ по рублю за 2 пары. Сколько онъ получилъ прибыли?

219) Сторожъ получаетъ въ мѣсяцъ 17 руб. жалованья; сколько денегъ онъ сбережетъ въ 3 мѣсяца, если проживетъ въ это время 42 рубля?

220) Поваръ, имѣя 50 коп., покупалъ яйца, по 3 коп. за штуку; сколько штукъ онъ купилъ, если ему уступили одну копѣйку?

221) У двухъ мальчиковъ вмѣстѣ была 51 копѣйка, но у перваго вдвое больше втораго. Сколько было денегъ у каждаго?

222) Въ году 52 недѣли; изъ нихъ 8 недѣль идетъ на каникулы, по 2 недѣли на Святки и на Пасху и 3 недѣли на отдѣльные праздники. Сколько учебныхъ недѣль въ году?

223) У разносчика было 4 десятка апельсиновъ, онъ прикупилъ еще дюжину, и потомъ продавалъ каждый день по 13 штукъ. Во сколько дней онъ продастъ все?

224) Въ двухъ классахъ было 52 ученика, при томъ въ первомъ классѣ было четырьмя больше втораго. Сколько скамеекъ было въ каждомъ классѣ, если на каждой сидѣло по 4 ученика?

225) Ученикъ, имѣя 53 коп., купилъ 5 карандашей по 4 коп. и нѣсколько тетрадей, по 11 коп. каждая. Сколько тетрадей онъ купилъ?

226) Пѣшеходъ прошелъ въ первый день 28 верстъ, во второй— 12, а въ третій — четверть перваго разстоянія и половину втораго. Сколько верстъ онъ прошелъ въ 3 дня?

---

227) У огородника было налито 3 бочки воды, по 18 ведеръ каждая; сколько воды у него останется послѣ поливки 27 грядъ, если на каждую шло по 2 ведра?

228) Мальчикъ имѣлъ нѣсколько орѣховъ, сначала онъ раскладывалъ ихъ на 6 кучекъ, по 9 орѣховъ въ каждой, при этомъ у него не достало одного орѣха, тогда онъ разложилъ ихъ на 4 кучки по 13 въ каждой, и одинъ орѣхъ остался лишній. Сколько было орѣховъ у мальчика?

229) Изъ двухъ городовъ, между которыми 54 версты, выѣхали два путешественника на встрѣчу другъ другу: первый проѣзжаетъ въ часъ 12 верстъ, а второй—вдвое меньше. Черезъ сколько часовъ они встрѣтятся?

230) По желѣзной дорогѣ въ полтора часа можно проѣхать 54 версты. Сколько верстъ можно проѣхать въ полчаса на лошадяхъ, если ѣзда на лошадяхъ втрое тише ѣзды по желѣзной дорогѣ?

231) Для одного заведенія куплено четыре съ половиною дюжины ложекъ. Сколько заплачено за нихъ, если за три ложки платили по 2 рубля?

232) Больной выпилъ стклянку лекарства въ 2 дня и 6 часовъ, принимая черезъ 3 часа по ложкѣ. Сколько ложекъ онъ принялъ?

233) Въ первомъ классѣ одной гимназіи ученики имѣютъ 3 дня по 5 уроковъ и 3 дня по 4 урока. Сколько будетъ уроковъ въ 2 недѣли?

234) Для одного заведенія было куплено 2 головы сахару, по 27 фунтовъ вѣсомъ каждая. Во сколько дней выйдетъ весь этотъ сахаръ, если въ день выходитъ по 6 фунтовъ?

235) Въ кондитерской было куплено 14 штукъ пирожныхъ по 5 коп. и по 3 коп. Сколько было тѣхъ и другихъ, если за все заплачено 54 коп.?

---

236) Мастеръ, имѣя 1 пудъ 15 фунтовъ мѣди, сдѣлалъ изъ нея нѣсколько кастрюль, вѣсомъ по 5 фунтовъ, и потомъ продавалъ ихъ по 3 руб. Сколько онъ получилъ денегъ?

237) Крестьянка несла на рынокъ пять съ половиною десятковъ яицъ; дорогою 7 штукъ разбилось, а остальныя она продала по гривеннику за дюжину. Сколько она получила денегъ?

238) Путешественникъ въ 3 дня проѣхалъ 55 верстъ: въ первый день одну пятую всей дороги, во второй—двѣ пятыхъ, а въ третій—остальное. Сколько верстъ онъ проѣхалъ въ третій день?

239) Разнощикъ продавалъ апельсины: въ первый день онъ продалъ 8 штукъ, во второй—вдвое больше перваго, а въ третій—вдвое больше втораго. Сколько онъ продалъ всего апельсиновъ?

240) Крестьянинъ посѣялъ 8 четвериковъ ржи, а собралъ въ 7 разъ больше; четвертую часть собранной ржи онъ оставилъ для себя, а остальное продалъ. Сколько четвериковъ онъ продалъ?

241) Мальчикъ имѣлъ 2 тетради, въ 56 страницъ каждая; онъ исписалъ уже четвертую часть первой тетради и седьмую часть второй. Сколько страницъ онъ исписалъ?

*242) Для меблировки квартиры куплено стульевъ на 56 руб., по 4 руб. за стулъ; купленные стулья поставлены въ двухъ комнатахъ поровну. Сколько въ каждой?

*243) Поваръ купилъ 12 фунтовъ муки по 6 коп. и по 4 коп. за фунтъ, и заплатилъ за все 56 коп. Сколько онъ купилъ муки каждаго сорта?

244) У мальчика на трехъ страницахъ написаны французскія сло-

ва, по 19 словъ на каждой; онъ знаетъ изъ нихъ 43 слова. Сколько словъ ему еще остается выучить?

*245) У швеи было 57 аршинъ полотна; она сшила изъ него нѣсколько рубашекъ, при чемъ на каждую шло по 3 аршина, а потомъ продавала ихъ по 2 рубля. Сколько она получитъ денегъ за всѣ рубашки?

*246) Одинъ работникъ можетъ окончить нѣкоторую работу въ 57 дней, занимаясь по 10 часовъ въ день. Во сколько дней сдѣлаютъ такую же работу 3 работника, занимаясь въ день по 5 часовъ?

247) Въ 9 часовъ утра со станціи желѣзной дороги былъ отправленъ товарный поѣздъ, дѣлающій по 19 верстъ въ часъ, а въ 10 часовъ—пассажирскій поѣздъ, дѣлающій по 29 верстъ въ часъ. Который изъ поѣздовъ будетъ дальше отъ станціи, и на сколько верстъ, въ 12 часовъ дня?

*248) Перевозчикъ перевезъ черезъ рѣку въ продолженіе дня 29 человѣкъ, при чемъ получилъ отъ каждаго по 2 коп. Сколько денегъ у него останется, если онъ долженъ отдать хозяину 50 коп.?

*249) Одинъ ученикъ купилъ въ бумажной лавкѣ 2 тетради и 7 карандашей за 58 коп., а другой—въ той же лавкѣ и по той же цѣнѣ 2 тетради и 6 карандашей за 54 коп. Что стоитъ одинъ карандашъ и одна тетрадь?

250) Два брата имѣютъ вмѣстѣ 59 лѣтъ, при чемъ первый старше втораго однимъ годомъ. Сколько лѣтъ каждому?

251) Три ученика купили нѣсколько стальныхъ перьевъ: первый—двѣ дюжины, второй—два десятка и третій полтора десятка. Сколько перьевъ они купили вмѣстѣ?

---

252) Писарь купилъ двѣ съ половиною дести бумаги, по 20 коп. за десть; во сколько дней у него выйдетъ вся бумага, если ежедневно онъ издерживаетъ по 4 листа?

253) У портнаго было 2 куска сукна: первый въ 28 аршинъ, а второй—четырьмя аршинами больше; изъ всего этого сукна онъ сдѣлалъ нѣсколько паръ платья, при чемъ на каждую шло по 5 аршинъ. Сколько паръ платья вышло всего?

254) Урокъ ариѳметики продолжается часъ; половину этого времени ученики употребили на рѣшеніе пзустныхъ задачъ, треть — на рѣшеніе письменныхъ задачъ, а остальное время на записываніе задачи къ слѣдующему уроку. Сколько минутъ пошло на послѣднюю работу?

255) Весь Невскій проспектъ можно пройти въ четыре пятыхъ

часа, а проѣхать—вдвое скорѣе. Во сколько минутъ можно пройти и проѣхать Невскій проспектъ?

256) Разнощикъ купилъ 5 дюжинъ сливъ, по 4 коп. за дюжину, а продавалъ ихъ по 5 коп. за десятокъ. Сколько онъ получилъ прибыли на всѣ сливы?

*257) Мальчикъ, имѣя 60 коп., купилъ полтора десятка яблокъ и издержалъ на это три четверти всѣхъ своихъ денегъ. Сколько стоило одно яблоко?

*258) Серебряникъ имѣлъ кусокъ чистаго серебра, вѣсомъ въ 15 лотовъ, и цѣною въ 14 руб.; онъ прибавилъ къ нему 15 золотниковъ мѣди, и изъ полученнаго сплава сдѣлалъ ложки, вѣсомъ по 6 золотниковъ. Сколько онъ получилъ прибыли на всѣ ложки, если за каждую бралъ по 2 рубля?

259) Каникулы продолжались 2 мѣсяца; пять двѣнадцатыхъ этого времени ученикъ провелъ въ городѣ, а остальное время въ деревнѣ. Сколько дней онъ прожилъ въ деревнѣ?

260) Богомолецъ въ 4 дня хотѣлъ пройти 60 верстъ: въ первый день онъ прошелъ четверть всего разстоянія, во второй—пятую часть и въ третій—шестую. Сколько верстъ ему осталось пройти въ четвертый день?

Свѣдѣнія объ именованныхъ числахъ.

1 годъ = 365 днямъ.
1 годъ = 52 недѣлямъ.
1 сутки = 24 часамъ.
1 часъ = 60 минутамъ.
1 минута = 60 секундамъ.

Таблица умноженія. Рядъ пятый.

6 × 1 = 6.	6 × 6 = 36.
6 × 2 = 12.	6 × 7 = 42.
6 × 3 = 18.	6 × 8 = 48.
6 × 4 = 24.	6 × 9 = 54.
6 × 5 = 30.	6 ×10 = 60.

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Письменныя задачи на умноженіе на число въ двѣ цифры.

261) Въ хлѣбномъ магазинѣ было 2200 пудовъ муки; изъ него выдали 8 человѣкамъ по 37 пудовъ и 10 человѣкамъ по 35 пудовъ. Сколько муки осталось?

262) У казначея было 3030 руб.; онъ выдалъ изъ этихъ денегъ 6 человѣкамъ по 79 руб. и 10 человѣкамъ по 64 руб. Сколько денегъ у него осталось?

263) Часовыхъ дѣлъ мастеръ продалъ 10 золотыхъ часовъ, по 84 рубля за каждые, и 20 серебряныхъ, по 29 руб. Сколько онъ получилъ при этомъ прибыли, если ему самому всѣ часы стоили 1295 р.?

264) Въ одномъ учебномъ заведеніи 30 пансіонеровъ и 40 приходящихъ учениковъ; каждый пансіонеръ платитъ въ годъ 225 руб., а приходящій ученикъ 30 руб. Сколько платятъ всѣ ученики вмѣстѣ?

265) Въ магазинѣ было 70 кусковъ голландскаго полотна, по 48 аршинъ въ кускѣ, и 90 кусковъ русскаго полотна, по 36 аршинъ въ кускѣ; изъ этого количества продано 3728 аршинъ обоихъ сортовъ вмѣстѣ. Сколько аршинъ полотна осталось?

266) Мальчикъ купилъ двѣ разлинованныхъ тетради: въ первой было 38 страницъ, и на каждой страницѣ было 24 строки, а во второй 33 страницы, на каждой по 19 строкъ. Въ какой тетради больше строкъ, и чѣмъ больше?

267) Продается имѣніе, содержащее въ себѣ 42 десятины пашни, 55 десятинъ лѣсу и домъ — за 6050 руб.; десятина пашни стоитъ 36 руб., а десятина лѣсу 29 руб. Сколько стоитъ домъ?

268) При постройкѣ одного зданія было нанято 66 плотниковъ и 77 каменьщиковъ; каждый плотникъ получилъ по 12 руб. въ мѣсяцъ, а каждый каменьщикъ однимъ рублемъ больше. Сколько придется заплатить всѣмъ за 2 мѣсяца?

269) Два помѣщика мѣняются землями; у одного 88 десятинъ пашни, а у другаго 99 десятинъ лѣсу; десятина пашни стоитъ 27 р., а десятина лѣсу дешевле тремя рублями. Чье имѣніе дороже?

270) Въ магазинъ было привезено двѣ бочки сахару: въ первой было 44 головы сахару, а каждая вѣсила по 19 фунтовъ, а во второй 36 головъ, и каждая вѣсила 21 фунтъ. Въ которой бочкѣ было больше, и чѣмъ больше?

271) Путешественникъ былъ въ дорогѣ 3 дня: въ первый день онъ ѣхалъ 14 часовъ, и проѣзжалъ по 42 версты въ часъ, во второй день—15 часовъ, по 36 верстъ въ часъ, и въ третій—16 часовъ, по 32 версты въ часъ. Сколько верстъ онъ проѣхалъ всего?

272) Пятьдесятъ четыре солдата, идя на ученье, получили по 48 патроновъ; послѣ ученья у одной половины осталось по 27 патроновъ, а у другой—по 30. Сколько выстрѣловъ сдѣлали на ученьѣ всѣ солдаты?

273) Ведро воды вѣситъ 30 фунтовъ, ведро масла—28 фунтовъ и ведро спирту—24 фунта. Сколько будутъ вѣсить вмѣстѣ: бочка воды въ 39 ведеръ, масла въ 38 ведеръ и спирту въ 37 ведеръ?

274) Два курьера выѣхали въ одно время изъ города: первый проѣзжаетъ въ часъ 2 мили, а второй—12 верстъ. На сколько первый обгонитъ втораго черезъ 4 дня, если первый ѣдетъ по 18, а второй по—16 часовъ въ день?

275) Для одного полка было куплено 63 верховыхъ лошади, по 105 руб. каждая, и 11 обозныхъ, по 65 руб. каждая. Сколько стоили всѣ лошади?

276) Въ одной крѣпости было заготовлено 3000 кулей муки, каждый вѣсомъ по 9 пудовъ; сколько останется муки черезъ 8 недѣль и 2 дня, если каждый день выходитъ по 37 кулей?

277) Экипажный мастеръ продалъ въ продолженіе года 27 дрожекъ, по 108 руб. каждыя, и 18 саней, по 70 руб. каждыя. Сколько онъ получилъ при этомъ прибыли, если на матеріалъ истратилъ 2,288 руб.?

278) Въ чайный магазинъ было привезено 27 пудовъ чаю, по 80 руб. за пудъ, 49 пудовъ кофе, по 16 руб. за пудъ, и 64 пуда сахару, по 9 руб. за пудъ. Сколько стоилъ весь привезенный товаръ?

279) Въ одной библіотекѣ было 14 шкаповъ и въ каждомъ 64 книгъ, а въ другой — 13 шкаповъ, въ каждомъ по 684 книгъ. На сколько книгъ первая библіотека больше второй?

280) Двое знакомыхъ вышли въ одно время изъ разныхъ мѣстъ на встрѣчу другъ другу, и встрѣтились черезъ часъ съ четвертью. Какъ велико разстояніе между этими мѣстами, если первый проходилъ въ минуту 31 сажень, а второй 29 саженъ?

Общіе выводы.

1. Для того, чтобы умножить какое-нибудь число на десять, должно приписать къ нему нуль съ правой стороны; потому что при этомъ единицы его обращаются въ десятки, десятки въ сотни, а сотни въ тысячи.

2. Если множитель состоитъ изъ двухъ цифръ, то его подписываютъ подъ множимымъ такъ, чтобы единицы пришлись подъ единицами и десятки подъ десятками; потомъ умножаютъ множимое сначала на единицы, а потомъ на десятки множителя, и полученныя произведенія складываютъ.

3. Если множитель оканчивается нулемъ, то умножаютъ только на цифру десятковъ, и къ полученному произведенію приписываютъ нуль съ правой стороны, такъ какъ въ произведеніи получаются также десятки.

4. Если множимое—число именованное, то въ произведеніи также получается число именованное, и непремѣнно того же наименованія, какъ и множимое.

5. Множитель не можетъ быть именованнымъ числомъ, такъ какъ онъ показываетъ только, во сколько разъ увеличивается множимое.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ОТВѢТЫ НА ЗАДАЧИ.

Отдѣлъ V.

141) 37 коп.
142) У перваго 15 коп., а у втораго 22 коп.
143) 15 монетъ.
144) Первая дороже на 2 коп.
145) По 19 орѣховъ.
146) По 20 коп.
147) 5 коп.
148) На 8 саженъ.
149) 15 руб.
150) 13 пирожныхъ и 1 коп. сдачи.
151) Черезъ 5 часовъ.
152) Въ 2 часа дня.
153) 2 фунта.
154) $1 + 3 + 9 + 27 = 40$; $27 + 3 - 9 - 1 = 20$.
155) 40 верстъ.
156) 9 утокъ.
157) 11 монетъ.
158) Въ первомъ и второмъ по 13, а въ третьемъ—15.
159) 12 руб.
160) $10^1/_2$ руб.
161) 6 руб.
162) $6^1/_2$ руб.
163) Въ 4 недѣли.
164) 7 фунтовъ и 1 коп. останется.
165) Большой коверъ—23 руб., маленькіе—по 10 руб.
166) На $5^1/_2$ дней.
167) 22 яблока.
168) Въ первомъ 26 карандашей, во второмъ—18.
169) 9 руб.
170) По трп.
171) 36 ученпковъ.
172) 5 коп.
173) 21 стулъ.
174) 11 свѣчъ.
175) На первой — 12, на второй—15 и на третьей—18.
176) 11 руб.
177) 39 словъ.
178) У перваго 28 руб., у втораго—18.
179) 3 лота.
180) Первому 35 руб., второму—12.
181) Въ 16 дней.
182) 24 страницы.
183) 6 стеколъ.
184) 32 рубля.
185) 12 скамеекъ.
186) Столъ 36 р., кресло—12.
187) Въ 12 дней.
188) 7 коп.
189) Первый 30 листовъ, второй—18.
190) Первый 6 р., второй—10.

Отдѣлъ VI.

191) 199 руб.
192) 932 человѣка.
193) 864 рубля.
194) 3840 гарнцевъ.

195) 945 книгъ.
196) 6912 кирпичей.
197) 748 саженъ.
198) 5130 выстрѣловъ.
199) 2081 пудъ.
200) Вторая на 132 фунта.
201) 3925 деревьевъ.
202) 5503 рубля.
203) 5777 пудовъ.
204) 761 версту.
205) 5278 человѣкъ.
206) 1488 ведеръ.
207) Почтовый на 57 верстъ.
208) Они сойдутся.
209) 499 саженъ.
210) 9000 руб.

Отдѣлъ VII.

211) 24 руб.
212) Черезъ 7 часовъ.
213) 20 коп.
214) 49 учениковъ.
215) Черезъ 11 дней.
216) 50 стульевъ.
217) 15 коп.
218) $2^1/_2$ рубля.
219) 9 руб.
220) 17 штукъ.
221) У перваго 34 коп., у втораго—17 коп.
222) 37 недѣль.
223) Въ 4 дня.
224) Въ первомъ 7, во второмъ—6.
225) 3 тетради.
226) 53 версты.
227) Ничего не останется.
228) 53 орѣха.
229) Черезъ 3 часа.
230) 6 верстъ.
231) 36 руб.
232) 18 ложекъ.
233) 54 урока.
234) Въ 9 дней.
235) Первыхъ 6, вторыхъ 8.
236) 33 рубля.
237) 40 коп.
238) 22 версты.
239) 56 штукъ.
240) 42 четверика.
241) 22 страницы.
242) По 7 стульевъ.
243) Перваго сорта 4 фунта, втораго—8 фунтовъ.
244) 15 словъ.
245) 38 руб.
246) Въ 38 дней.
247) Второй—на 1 версту.
248) 8 коп.
249) Карандашъ 4 к., тетрадь 15 коп.
250) Первому 30, второму 29.
251) 59 перьевъ.
252) Въ 15 дней.
253) 12 паръ платья.
254) 10 минутъ.
255) Пройти — въ 48 минутъ, проѣхать—въ 24 минуты.
256) 10 коп.
257) 3 коп.
258) 6 руб.
259) 35 дней.
260) 23 версты.

Отдѣлъ VIII.

261) 1554 пуда.
262) 1916 руб.
263) 125 руб.
264) 7950 руб.
265) 2872 аршина.

266) Въ первой больше на 285 строкъ.
267) 2943 руб.
268) 3586 руб.
269) Оба равной цѣны.
270) Въ первой больше на 80 фунтовъ.
271) 1640 верстъ.
272) 1053 выстрѣла.
273) 3122 фунта.
274) На 240 верстъ.
275) 7330 р.
276) 854 куля.
277) 1888 руб.
278) 3520 руб.
279) На 180 книгъ.
280) 4500 саженъ.

Р. Чернявскій.

ВЗГЛЯДЪ

на преподаваніе пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Германіи, еще со временъ Песталоцци, обученіе пѣнію стояло въ числѣ предметовъ школьной программы, хотя въ общихъ, невыработанныхъ чертахъ. Находили, что хоровое пѣніе, какъ искусство, внѣ школы недостаточно развивалось и прививалось въ обществѣ и въ цѣломъ народѣ; что въ самой жизни, исключая спеціальныхъ хоровъ и хоровъ изъ любителей, не существовало дружнаго стремленія къ достиженію правильнаго, общаго хороваго пѣнія.

Весь успѣхъ пѣнія въ народной массѣ ограничивался народными пѣснями и пѣніемъ одноголосныхъ хораловъ въ церкви. При этомъ каждый пѣлъ, не стѣсняясь никакими музыкальными условіями, подлаживаясь къ звукамъ церковнаго органа или къ пѣнію цѣлой массы людей.

Первою задачею школа поставила себѣ обученіе церковному пѣнію одноголосныхъ хораловъ, составлявшее долгое время предметъ исключительныхъ занятій. Затѣмъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ: разучивались небольшія сочиненія свѣтскаго содержанія, подъ названіемъ „арій“, назначенныя для исполненія при тѣхъ или другихъ случаяхъ, преимущественно торжественныхъ.

Въ пѣніи участвовали дѣти по выбору, съ болѣе или менѣе выработанными уже музыкальными способностями; изъ нихъ находились такіе, которые, по выдающимся способностямъ, дѣлались руководителями прочихъ, слабѣйшихъ своихъ товарищей.

Обученіе пѣнію шло по слуху, чисто путемъ механическимъ, подражательнымъ. По нотамъ безсознательно припоминалось только повышеніе и пониженіе голоса въ разученномъ напѣвѣ. Главной силой и поддержкой въ хоровомъ пѣніи были передовыя по своимъ способностямъ лица, безъ которыхъ успѣхъ и веденіе дѣла становились

невозможными. Прочія лица, по мѣрѣ возможности и умѣнья, прилаживались къ передовымъ своимъ товарищамъ *).

Возрождавшаяся въ то время въ педагогикѣ эпоха нагляднаго обученія положила предѣлъ такого рода занятіямъ пѣніемъ. Песталоцци, въ основныхъ чертахъ, высказалъ свой взглядъ на правильное обученіе пѣнію. Наглядность и сознательность составляли главный принципъ.

Указанія Песталоцци объ обученіи пѣнію примѣнилъ на практикѣ *Негели* (Nägeli), въ своемъ учебникѣ для пѣнія (Gesangbildungslehre nach Pästalozzischen Grundsätzen. Zürich 1810).

Недостатокъ этого учебника заключался въ томъ, что онъ былъ выведенъ не изъ практики, безъ разработанныхъ пріемовъ преподаванія; почему и трудно прививался къ школамъ. Другой трудъ Негели, „сборникъ напѣвовъ", распространился быстро.

Напѣвы, одноголосные и двухголосные, составляли пріятную новость, какъ по легкому способу ихъ разучиванія по слуху, такъ и по бѣдности народной музыкальной литературы. Между тѣмъ все-таки оказывалось, что въ школѣ, при правильномъ обученіи пѣнію по нотамъ, гдѣ оно проводилось, достигается положительный, хотя вначалѣ и медленный успѣхъ, но что въ такой долгій періодъ времени дѣти, кромѣ отвлеченныхъ упражненій, естественно скучныхъ для нихъ, лишены собственно того пѣнія, которое удовлетворяло бы ихъ музыкальное, эстетическое чувство.

Слѣдствіемъ этого явилась необходимость ввести обученіе пѣнію по нотамъ, одновременно съ обученіемъ пѣнію по слуху.

Матеріаломъ для послѣдняго служили одноголосные и многоголосные напѣвы духовнаго и свѣтскаго содержанія. И здѣсь по возможности соблюдалась система въ преподаваніи: отъ одноголоснаго послѣдовательно переходили къ двухголосному и т. д. Германская литература хороваго пѣнія въ этомъ случаѣ обогащалась различными сборниками. Въ ней встрѣчались пѣсни на всевозможные случаи: религіозныя, патріотическія и даже сословныя, исполнявшіяся, и до сихъ поръ исполняющіяся, извѣстнымъ классомъ людей. Развитію пѣнія въ народѣ способствовали сами композиторы, обогащая вокальную литературу своими безчисленными произведеніями. Въ реестрѣ именъ встрѣчались и встрѣчаются знаменитѣйшіе композиторы. Въ методахъ и руководствахъ для обученія пѣнію также не имѣлось недостатка. Обширная музыкальная дѣятельность въ Германіи представила возможность педагогамъ испытать и выработывать всевозможные пріемы для обученія пѣнію. Таковыя руководства появлялись цѣлыми

*) Тоже самое существуетъ и въ настоящее время въ хорахъ, при способѣ обученія по слуху.

десятками. Между ними особенное вниманіе обратилъ на себя *цыфирный методъ* обученія пѣнію *Натора* (Natorp), извѣстный впрочемъ до него. (Essen. Bei Badeker. 1813).

Его приняли съ воодушевленіемъ и находили болѣе удобнымъ нежели обученіе по нотамъ.

Многіе учители, не умѣвшіе сами пѣть по нотамъ, находили возможнымъ обучать по цыфрамъ. Явились приверженцы цыфирнаго и нотнаго обученія. Вслѣдствіе чего возникъ споръ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, покуда наконецъ опытъ не доказалъ состоятельность или несостоятельность мнѣній той и другой партіи.

(*Примѣчаніе.* По цыфирному методу обученія пѣнію, при помощи толковаго преподавателя, достигаются не менѣе успѣшные результаты, нежели по всякому другому методу. Заключая въ себѣ все необходимое для изученія пѣнія, цыфирный методъ весьма несложенъ по своей письменности: вся тональная система, съ небольшими иногда приложеніями (точки или черточки), изображается цифрами отъ единицы до семи. Въ Москвѣ, въ 1868 году, изданъ цыфирный методъ обученія пѣнія Шеве, переведенный г. Альбрехтомъ. Но цыфирный методъ не практиченъ по неясной передачѣ понятія о высотѣ тоновъ, о долготѣ ихъ протяженія, о характерѣ тоновъ; онъ исключаетъ изъ своей системы всѣ существующія въ музыкальномъ искусствѣ гаммы и основываетъ свои упражненія и піесы на начальной гаммѣ *до мажоръ* или *ля миноръ*. Основные тоны двухъ гаммъ, находящихся на различной высотѣ, иногда на разстояніи четырехъ тоновъ, изображаются одинаковыми цыфрами. Самымъ важнымъ неудобствомъ для изученія пѣнія по цыфирному методу представляется то, что со временемъ, во всякомъ случаѣ, необходимо подчиниться нотной системѣ, установленной музыкальнымъ искусствомъ. Тогда придется переучиваться вновь и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляться наглядности, простотѣ и ясности настоящей нотной системы. Цыфирный методъ обученія пѣнію—слишкомъ древній, испытанный; возвращаться къ нему, значитъ, испытывать его вновь. Цыфры могутъ замѣняться другими знаками, подобно тому, какъ иногда, для различныхъ цѣлей, это дѣлается съ буквами азбуки. Въ настоящее время споръ объ обученіи пѣнію по цыфрамъ или по нотамъ—рѣшенъ и имѣетъ уже одно лишь историческое значеніе) *).

*) Не будучи спеціалистами въ этомъ дѣлѣ, мы не можемъ противопоставить словамъ автора какія-либо теоретическія соображенія. Но, сколько намъ извѣстно, на практикѣ цыфирный методъ оказывается весьма пригоднымъ и все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, въ особенности при первоначальномъ обученіи.
Ред.

Другія распри, о сліяніи курса обученія по нотамъ съ обученіемъ пѣнію по слуху, или, объ отдѣльномъ веденіи того и другаго, образовали цѣлую литературу курсовъ, методовъ обученія, пѣсень для обученія по слуху, и пѣсень, систематически расположенныхъ для обученія по нотамъ.

Наконецъ, явилась потребность распредѣлить и методы преподаванія и выборъ напѣвовъ по отдѣламъ, сообразно съ общимъ развитіемъ той массы учащихся, съ которою приходилось имѣть дѣло. Программа пѣнія составлялась согласно объему общей программы того или другаго учебнаго заведенія; для начальныхъ школъ—въ ограниченномъ объемѣ, для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній — въ болѣе выработанныхъ формахъ. Но обученіе пѣнію по нотамъ составляло общее правило, хотя оно и велось одновременно съ обученіемъ по слуху.

Высказанное здѣсь въ общихъ чертахъ о ходѣ развитія и обученія хоровому пѣнію въ Германіи, есть извлеченіе изъ учебниковъ пѣнія и другихъ педагогическихъ сочиненій; о практическихъ же результатахъ этого дѣла положительныхъ свѣдѣній не имѣется. Приходится основываться на теоретическихъ выводахъ, которые Германія выработала по части преподаванія хоровому пѣнію, и, перенося на нашу почву, руководствоваться соображеніями, согласными съ духомъ, характеромъ и требованіями нашего народа.

Въ Германіи развитію пѣнія въ народѣ, кромѣ прямаго вліянія музыкальнаго искусства, много способствовалъ церковный органъ, грандіозный и многосторонній по оттѣнкамъ музыкальный инструментъ. Въ Россіи же народъ довольствовался однимъ собственными голосовыми средствами и врожденною богатою способностію къ пѣнію, безъ всякой посторонней помощи. И надобно удивляться этой способности и этому умѣнью „подлаживаться“ въ многоголосномъ пѣніи, доводящему иногда пѣніе до возможнаго совершенства. Тѣмъ болѣе удивляться слѣдуетъ дѣтямъ, напримѣръ, мальчикамъ въ хорахъ, исполняющимъ труднѣйшія сочиненія въ родѣ концертовъ Бортнянскаго, и дѣвочкамъ, подъ руководствомъ регента изъ нихъ же, исполняющимъ церковныя службы, съ довольно частными измѣненіями въ порядкѣ молитвъ. Можетъ быть, именно вслѣдствіе такого рода пѣнія, т. е. пѣнія по слуху, посредствомъ подражанія, и, вслѣдствіе способности подлаживаться къ общему строю, достигающаго скорѣйшихъ результатовъ, нежели выучкой пѣнію по нотамъ,—правильное, систематическое изученіе пѣнія обращало и обращаетъ на себя весьма мало вниманія.

Слѣдуетъ сказать, что до какого бы совершенства пѣніе по слуху

ни доходило, оно не способно подготовлять учениковъ къ дальнѣйшей самодѣятельности въ пѣніи. Съ послѣднимъ разученнымъ сочиненіемъ разрывается связь со всею прочею музыкою, или приходится пользоваться постоянною помощію руководителя. Простой примѣръ: можно, не зная грамоты, заучить по слуху на память и прекрасно декламировать, положимъ, сто стихотвореній и все таки остановиться въ совершенномъ безсиліи передъ сто первымъ. Такого рода изученіе пѣнія употребляется въ простомъ безграмотномъ народѣ, творческія произведенія котораго передаются изъ рода въ родъ изустно. Передача художественнаго произведенія посредствомъ изустнаго изложенія дается трудно. Въ пѣніи, для усвоенія художественнаго произведенія, требуется масса людей, достаточно музыкально грамотная, владѣющая умѣньемъ читать и пѣть по нотамъ на столько, чтобы разучиваніе художественнаго сочиненія производилось при наивозможно меньшемъ числѣ спѣвокъ. Долгое разучиваніе непосильно труднаго сочиненія утомляетъ поющихъ, вызываетъ нерасположеніе къ дѣлу, и, самое важное, притупляетъ и музыкальный вкусъ и способности. Выборъ сочиненій, конечно, долженъ соотвѣтствовать музыкальному развитію хоровой массы людей. Ошибочно и неразумно выбирать ради тщеславія такого рода сочиненія, которыя съ осторожностію и не всегда удачно исполняются даже первоклассными хорами. Къ сожалѣнію, существуютъ факты, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ такъ называемыхъ концертахъ, имѣющихъ, впрочемъ, претензію замѣнить собою экзамены по музыкѣ и пѣнію, рѣшаются исполнять такія сочиненія, какъ напримѣръ, фугу 1-го дѣйствія оперы „Жизнь за Царя“: „Онъ у насъ опять“ и финальный хоръ той же оперы: „Славься“ и т. п. Спрашивается, сколько времени потребуется для разучиванія подобныхъ гигантскихъ музыкальныхъ произведеній съ такими лицами, которые имѣютъ весьма смутное понятіе о процессѣ чтенія нотъ, и, кромѣ того, не обладаютъ голосовыми средствами, необходимыми для выполненія означенныхъ сочиненій? И какая педагогическая цѣль достигается такими мучительными способами преподаванія, какъ заучиваніемъ непосильно труднаго хороваго сочиненія по слуху, въ долбяшку, въ теченіи иногда очень долгаго времени?

Обученіе по слуху имѣетъ нѣкоторое оправданіе по отношенію къ дѣтямъ, обязаннымъ участвовать въ церковномъ хорѣ. Здѣсь, дѣйствительно, не имѣется иногда ни средствъ, ни времени для проведенія правильнаго, систематическаго курса пѣнія. Здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду подготовлять, кромѣ основныхъ молитвъ богослуженія, молитвы, постоянно измѣняющіяся въ каждой церков-

ной службѣ. Такая задача, иногда сбивающая и церковнаго уставщика, естественно остается неразрѣшимой и непонятной для дѣтей. И только случайная удача и врожденное музыкальное чутье способствуютъ пѣнію въ тѣхъ церковныхъ хорахъ, гдѣ участвуютъ дѣти. Кромѣ обученія по слуху, другой способъ едва-ли бы могъ достигать желаемыхъ, быстрыхъ результатовъ для церковнаго пѣнія съ дѣтьми.

Но церковное пѣніе не должно служить исключительной задачей обученія въ школѣ. Оно вводится только тогда, когда ученики достаточно къ тому подготовлены. Церковные напѣвы не могутъ быть измѣняемы ради какихъ либо педагогическихъ цѣлей, поэтому не должны служить матеріаломъ для практическихъ упражненій. Пользоваться ими при обученіи по слуху слѣдуетъ весьма осторожно; но лучше совсѣмъ ими не пользоваться, потому что, при процессѣ разучиванія по слуху, придется безконечное число разъ твердить безсознательно одно и тоже, покуда предлагаемое не усвоится окончательно; а это въ отношеніи церковныхъ напѣвовъ—неприлично. Свѣтскіе напѣвы могутъ быть такъ разучиваемы *).

О нотахъ церковнаго пѣнія слѣдуетъ сказать, что для учебныхъ заведеній онѣ совсѣмъ непригодны; — въ мужскихъ потому, что не соотвѣтствуютъ только ихъ голосовымъ средствамъ, а въ женскихъ потому, что противорѣчатъ и характерамъ голосовъ. Переложеніе церковныхъ напѣвовъ на ноты, разсчитано по голосовымъ средствамъ первоклассныхъ хоровъ. Такіе хоры составляются изъ лучшихъ голосовъ; слѣдовательно, нельзя предположить, чтобъ цѣлая масса людей обладала такими же голосовыми средствами. Изъ этого выходитъ, что рѣдко въ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчаются порядочные дисканты, которые по церковнымъ нотамъ должны пѣть постоянно довольно высоко, и почти не встрѣчаются порядочные теноры и басы между молодыми людьми, съ едва только начинающими образовываться мужскими голосами.

Женскіе хоры поютъ по тѣмъ же церковнымъ нотамъ, положеннымъ на смѣшанный хоръ: первый дискантъ и первый альтъ какъ написано, второй дискантъ по теноровымъ, второй альтъ по басовымъ нотамъ.

Изъ этого видно, съ какимъ неудобствомъ и неурядицей сопряжено разучиваніе церковныхъ напѣвовъ.

Поневолѣ добросовѣстному учителю приходится, во избѣжаніе огромной затраты времени и труда, при разучиваніи, перекладывать всѣ сочиненія въ такіе тоны, которые соотвѣтствовали бы голосо-

*) Кажется, это уже педантизмъ. *Ред.*

вымъ средствамъ поющихъ. А такое дѣло, если принять въ соображеніе полное собраніе молитвъ для церковнаго пѣнія, можно считать чрезвычайно обширнымъ.

Независимо отъ церковнаго пѣнія, въ школахъ изучается и свѣтское.

Насколько вообще преподаваніе пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ достигаетъ музыкально-образовательныхъ цѣлей, слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе.

Въ возраждающихся народныхъ школахъ о пѣніи не можетъ быть и рѣчи, до тѣхъ поръ, покуда въ учительскихъ семинаріяхъ этотъ предметъ, вмѣстѣ съ достаточнымъ общимъ музыкальнымъ образованіемъ и съ изученіемъ одного изъ музыкальныхъ инструментовъ, необходимаго для обученія пѣнію, не войдетъ въ составъ общей программы. То пѣніе, которое существуетъ въ настоящее время въ учительскихъ семинаріяхъ и курсахъ, не имѣетъ опредѣленнаго назначенія, кромѣ того, что ученики распѣваютъ кое что для своего удовольствія, и то по слуху.

Въ нѣкоторыхъ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, гдѣ имѣются учители пѣнія, часто обучающіе съ голоса, безъ помощи музыкальнаго инструмента, пѣніе преподается такъ, что остается пожелать, чтобы оно лучше вовсе не преподавалось.

Неестественный крикъ вмѣсто пѣнія, безпорядокъ въ самой обстановкѣ класса пѣнія, шалости учениковъ, все это производитъ на чувство одуряющее впечатлѣніе. Программа пѣнія ограничивается изученіемъ неизмѣнныхъ двухъ—трехъ молитвъ и столькихъ же пѣсенъ свѣтскаго содержанія.

Обучаются не всѣ, а только желающіе, и тѣ остаются въ классѣ по собственному произволу, а иногда по просьбѣ учителя.

За успѣхами въ пѣніи почти никто не слѣдитъ; все дѣло предоставлено учителю пѣнія безконтрольно, безотвѣтственно.

Нельзя однако умолчать о томъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ дѣйствительно пѣніе доходитъ до того, что къ экзаменному акту или къ другому какому либо случаю, разучивается молебенъ по слуху, а иногда кое-что и изъ свѣтскаго пѣнія. Но это дѣло случая и личнаго отношенія учителя или начальства къ предмету пѣнія.

Переходъ отъ уѣздныхъ училищъ къ гражданскимъ гимназіямъ будетъ не рѣзокъ. Въ послѣднихъ, кажется, за недостаткомъ класснаго времени, пѣніе преподается по вечерамъ, только въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ имѣются пансіоны, для всѣхъ желающихъ приходящихъ учениковъ и для пансіонеровъ, живущихъ въ гимназіи постоянно.

Приходящимъ ученикамъ, живущимъ иногда далеко отъ гимназіи, приходится являться туда во второй разъ нарочно для пѣнія. Но ученики предпочитаютъ лучше заняться дома приготовленіемъ уроковъ, за которые, въ случаѣ незнанія, получатъ дурной баллъ, нежели пустымъ препровожденіемъ времени—пѣніемъ, не приносящимъ ни пользы, ни даже, за отсутствіемъ въ занятіяхъ эстетическаго элемента, простаго удовольствія.

За пѣніемъ въ гимназіяхъ также весьма мало слѣдятъ; оно предоставлено произволу. Требованія по этому ограничиваются только нѣсколькими обще-извѣстными молитвами. Древній обычай братствъ и общинъ составлять хоровое пѣніе при каждомъ возможномъ случаѣ, а главное при трапезѣ, сохранился и въ учебныхъ заведеніяхъ. Дѣти, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, поютъ утреннія и вечернія молитвы и молитвы за обѣденнымъ столомъ. Поютъ, кто какъ умѣетъ. Разучивавшіе и неразучивавшіе молитвы—одинаково принимаютъ участіе въ общемъ пѣніи. Иногда такое пѣніе выходитъ плохо до невѣроятности. Проще и естественнѣе было бы замѣнить пѣніе обыкновеннымъ чтеніемъ молитвъ. Въ гимназіяхъ, гдѣ есть церковь, хоръ пѣвчихъ составляется изъ учениковъ.

За то въ пѣніи и вообще въ музыкальномъ искусствѣ далеко опередили другихъ военныя гимназіи. Тамъ, какъ извѣстно, раза два, три въ годъ даются концерты *) съ хоромъ и съ усиленнымъ оркестромъ изъ воспитанниковъ.

Въ программу концертовъ входятъ довольно крупныя сочиненія: исполняются хоры изъ Жизни за Царя, изъ Рогнѣды, хоры Бетховена и другихъ чужеземныхъ композиторовъ. Къ сожалѣнію, не исполняется простая народная пѣсенка, разработанная порядочно для голосовъ; что было бы и проще, и естественнѣе.

Воспитывать дѣтей на такихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, смысла которыхъ они не понимаютъ, или которыя противорѣчатъ народному музыкальному чувству, значитъ, вмѣсто пользы, приносить положительный вредъ. Не сходно ли это отчасти съ прежнимъ обученіемъ грамотѣ по часослову и другимъ книгамъ, безъ послѣдовательнаго изученія азбуки?

Инструментальная часть, введенная также въ военныхъ гимназіяхъ, не менѣе интересна:—мальчики съ большимъ воодушевленіемъ исполняютъ оркестромъ марши и польки. Но такъ какъ овладѣть музыкальнымъ инструментомъ труднѣе, нежели заучить по слуху голосомъ хоровую партію, то ясно, что всякое систематическое изуче-

*) Названіе нѣсколько громкое.

ніе инструмента отложено, и учитель вынужденъ заниматься только разучиваніемъ піесъ, которыя назначены для исполненія въ концертѣ.

Разучиваніе піесъ уподобляется той извѣстной игрѣ дѣтей, когда они собираются изобразить различными голосами и нарочно придуманными словами — трезвонъ колоколовъ. Одинъ изъ дѣтей назначаетъ каждому изъ товарищей звуки, которые они стараются запомнить отдѣльно и затѣмъ, по данному общему знаку, вмѣстѣ или одинъ за другимъ, начинаютъ каждый свое, и сбивчивое и нескладное, отчего, разумѣется, всегда бываетъ путаница и игра кончается смѣхомъ. Тоже самое почти встрѣчается въ оркестровомъ классѣ съ тѣми дѣтьми, которые, обучаясь только первый годъ, слѣдовательно, слабые еще по техникѣ, участвуютъ съ прочими, водя или по пустымъ струнамъ скрипки, или въ назначенныхъ мѣстахъ нажимая однимъ или двумя пальцами. Для такихъ учениковъ составляются особыя ноты, ради того только, чтобы усилить числомъ лицъ составъ оркестра.

На приготовленіе къ такому концерту времени употребляется не мало: не нѣсколькими уроками, не недѣлями, а долгими мѣсяцами надобно считать его. И, наконецъ, результатомъ долгихъ трудовъ является все-таки жалкое, невыносимое для музыкальнаго уха исполненіе. Самыя сочиненія искажаются до невозможности. Да оно иначе и быть не можетъ: созданныя и задуманныя художественно, они разсчитаны для такихъ исполнителей, которые и по физическимъ средствамъ, и по музыкальной подготовкѣ, а главное, по эстетическому настроенію, способны къ болѣе или менѣе точному выполненію художественнаго произведенія. Слѣдуетъ спросить теперь, жалкая ли это насмѣшка надъ музыкальнымъ искусствомъ, или серьезное дѣло? И второй вопросъ: къ чему все это ведетъ? Если смотрѣть на существованіе музыки и пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ на предметъ забавы, какъ на развлеченіе отъ другихъ занятій, то, конечно, хотя съ неимовѣрнымъ трудомъ, но цѣль эта достигается. Но если считать, что они служатъ разнымъ образомъ проводниками музыкальнаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ, то преподаваніе ихъ должно подвергнуться рѣшительному измѣненію, начиная съ самаго основанія.

Обученіе музыкѣ не можетъ быть обязательнымъ въ учебномъ заведеніи потому, что оно требуетъ огромной затраты времени, занятія съ отдѣльными лицами, и инструментовъ для каждаго учащагося. На такія денежныя траты учебное заведеніе разсчитывать не можетъ; оно ограничивается только обученіемъ способнѣйшихъ къ музыкѣ учениковъ. Всѣмъ прочимъ предоставляется заниматься музыкой частнымъ образомъ. Поэтому, музыка, какъ предметъ необязательный, служитъ

не главнымъ проводникомъ музыкальнаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ, а исключительнымъ.

Перейдемъ прямо къ обученію пѣнію, которое ведется, какъ всякій учебный предметъ, цѣлымъ классомъ. Въ пѣніи каждый ученикъ обладаетъ своимъ природнымъ музыкальнымъ инструментомъ, голосомъ. Дѣло школы выучить владѣть этимъ инструментомъ.

Пѣніе есть врожденная потребность человѣка, и ему должны обучаться всѣ дѣти, а не избранные, проявляющіе при извѣстномъ испытаніи музыкальныхъ способностей и слухъ и голосъ, необходимые для пѣнія.

Отстранять дѣтей съ неразвитыми музыкальными способностями отъ пѣнія, какъ до сихъ поръ дѣлается, значитъ—уничтожать значеніе его, какъ предмета образовательнаго.

Дѣло школы именно въ томъ и заключается, чтобы развивать способности, а не пользоваться только тѣми, которыя или раньше были разработаны, или совершенствовались сами собой отъ природы. Тотъ фактъ, что дѣти, обладающіе обыкновеннымъ слухомъ и голосомъ, способны къ пѣнію, сомнѣнію не подлежитъ *).

Совершенно неспособныя къ пѣнію дѣти встрѣчаются весьма рѣдко. Это дѣти, страдающіе болѣзнями грудныхъ, дыхательныхъ и слуховыхъ органовъ. Дѣти съ обыкновеннымъ слухомъ и голосомъ, хотя музыкально неразвитымъ, достигаютъ посредствомъ упражненій тѣхъ условій, которыя предлагаются начальнымъ искусствомъ пѣнія, преимущественно хороваго, границы и требованія котораго общедоступны.

Какъ обыкновенный разговоръ, такъ и пѣніе, производятся одними и тѣми же средствами голосовыхъ, слуховыхъ и дыхательныхъ органовъ; послѣднее потому только и называется искусствомъ, что при воспроизведеніи его, одновременно участвуютъ нѣсколько способностей, именно: слуха, голоса, ритмическаго и тональнаго чувства.

Способность слуха различаетъ съ математическою вѣрностью высоту и звучность музыкальныхъ тоновъ.

Способность голоса исполняетъ правильно и вѣрно различныя сочетанія музыкальныхъ тоновъ, при опредѣленной ихъ высотѣ и звучности.

Способность ритмическаго чувства приводитъ въ надлежащій стройный порядокъ всякое послѣдованіе тоновъ.

---

*) Въ заграничныхъ школахъ хоровое пѣніе включено въ число обязательныхъ предметовъ для *всѣхъ* учениковъ. Дѣти поютъ цѣлымъ классомъ; неспособные къ пѣнію составляютъ рѣдкое исключеніе. Первый годъ нѣкоторые изъ дѣтей поютъ дѣйствительно нѣсколько фальшиво, но со временемъ и у нихъ развиваются и слухъ, и голосъ. *Ред.*

Способность тональнаго чувства представляетъ въ умѣ различные музыкальные тоны, по ихъ высотѣ и звучности.

Вышеприведенныя способности могутъ быть развиваемы и совершенствуемы каждая отдѣльно и въ соединеніи между собой.

Въ учебныя заведенія дѣти поступаютъ въ музыкальномъ отношеніи вовсе не подготовленными, за весьма малымъ исключеніемъ занимавшихся музыкой или пѣніемъ дома. Поэтому вообще слѣдуетъ считать такую массу учениковъ музыкально неразвитою, требующею самаго элементарнаго начала, которое оказывается не лишнимъ даже для болѣе или менѣе подготовленныхъ и способнѣйшихъ учениковъ.

Для уравненія и развитія музыкальныхъ способностей въ массѣ учениковъ, при правильномъ систематическомъ курсѣ, служитъ общее хоровое пѣніе. Оно на столько удобный способъ для общаго обученія пѣнію, что не уничтожая въ ученикахъ индивидуальности, тѣмъ не менѣе уравниваетъ естественно имѣющееся разнообразіе между ихъ способностями.

Въ хоровомъ пѣніи численность приводится къ единичности. Множество отдѣльныхъ голосовъ составляютъ одну недѣлимую голосовую партію. Понятно, что хоровое пѣніе достигается только развитіемъ и подготовкою отдѣльныхъ учениковъ, которыхъ способности менѣе развиты. Поэтому школа хороваго пѣнія ставитъ себѣ главною задачей—подвести всѣхъ учениковъ подъ близкій музыкальный уровень, посредствомъ такихъ упражненій, которыя выведены ею изъ практики.

Такое дѣло вполнѣ возможно, если отстранить ту мысль, что дѣти съ неразвитыми органами пѣнія неспособны къ пѣнію; оно требуетъ только правильнаго, разумнаго метода преподаванія.

Конечно, въ первомъ курсѣ, гдѣ музыкальныя способности учениковъ не развиты и слишкомъ разнообразны, число уроковъ должно быть больше; или, въ крайнемъ случаѣ, назначаются подготовительные уроки.

Ученики съ малоразвитыми способностями, такіе, которые окончательно не могутъ идти вмѣстѣ со всѣми, присутствуютъ въ классѣ и прислушиваются къ поющимъ, что также часто развиваетъ слухъ. Затѣмъ нѣкоторую часть времени, послѣ общаго урока, учитель занимается отдѣльно со слабыми учениками, и по мѣрѣ успѣховъ переводитъ ихъ въ общій хоръ. Занятія съ малоспособными учениками было бы желательно сосредоточить въ отдѣльномъ классѣ, такъ, чтобы таковые, поступая по наукамъ въ высшіе классы, могли бы въ пѣніи пользоваться начальными упражненіями.

Во второй курсъ переводятся ученики съ окончательно разви-

тымъ голосомъ и музыкальнымъ слухомъ, необходимыми для хороваго пѣнія.

Первый курсъ считается приготовительнымъ; прочіе курсы доводятся до умѣнья читать и пѣть по нотамъ, безъ приготовленія, такія сочиненія, которыя по складу и трудности равнялись бы отдѣльнымъ партіямъ хоровыхъ сочиненій.

Безъ обученія музыкальной грамотѣ, чтенію и пѣнію по нотамъ, преподаваніе пѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ никогда не сдѣлается предметомъ музыкальнаго воспитанія и всегда будетъ служить только забавой и безполезной тратой времени. Все заученное по слуху въ учебномъ заведеніи никакого примѣненія ни въ общественной, ни въ семейной жизни не встрѣтитъ, такъ какъ заученныя отдѣльныя партіи голосовъ, составляющія сколокъ цѣлаго хороваго сочиненія, въ отдѣльности ничего собою не выражаютъ, кромѣ безсмысленнаго послѣдованія звуковъ. А участіе въ пѣніи съ новыми лицами, и исполненіе новыхъ сочиненій, требуетъ положительно знанія и умѣнія читать и пѣть по нотамъ, знанія, котораго при изученіи пѣнія по слуху ни въ какомъ случаѣ не получается.

Возвращаясь къ прежнему вопросу, слѣдуетъ наконецъ опредѣлить: какимъ путемъ на разумныхъ основаніяхъ слѣдуетъ обучать пѣнію въ учебныхъ заведеніяхъ?

Возьмемъ сельскую школу, на предполагаемыхъ новыхъ основаніяхъ. Учитель сельской школы — лицо, получившее полное образованіе въ уѣздномъ училищѣ и закончившее его въ учительскихъ курсахъ или въ учительской семинаріи, слѣдовательно, лицо, совершенно достаточно подготовленное для обученія въ сельской школѣ. Программа обученія въ сельской школѣ предполагается слѣдующая: 1) Обученіе чтенію и письму. 2) Приложеніе необходимѣйшихъ грамматическихъ правилъ на практикѣ. 3) Обученіе Закону Божію. 4) Обученіе начальнымъ правиламъ ариѳметики и счетоводства. 5) Необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, преимущественно отечественной. 6) Гимнастика и ремесла. При такомъ объемѣ общеобразовательной программы, обученіе пѣнію въ сельскихъ школахъ могло бы быть также примѣнено въ нѣкоторой мѣрѣ, а именно: разучивались бы церковные напѣвы, преимущественно одноголосные, а въ благопріятномъ случаѣ, при успѣшномъ ходѣ дѣла, и двухголосные. Изъ свѣтскаго пѣнія избирались бы сначала народныя пѣсни, порядочно переложенныя на ноты, и затѣмъ пѣсни художественнаго содержанія, принадлежащія собственно музыкальному искусству. Съ послѣдними

разумѣется, пришлось бы обращаться осторожно, примѣняя ихъ только въ томъ случаѣ, когда пониманіе учениковъ будетъ достаточно къ тому подготовлено. Методъ обученія употреблялся бы слуховой. Обращаться сразу къ нотамъ—преждевременно. И только когда обученіе пѣнію по слуху идетъ успѣшно, при общемъ расположеніи учениковъ къ занятію, можно бы было постепенно вводить нотныя упражненія, въ объемѣ ограниченномъ, соотвѣтствующемъ уровню общаго образованія въ сельскихъ школахъ. Результатомъ обученія пѣнію въ сельскихъ школахъ было бы слѣдующее. Кромѣ вліянія на развитіе музыкальныхъ способностей, и эстетическаго чувства учениковъ, современемъ само собою образовалось бы правильное хоровое пѣніе, которое прежде всего примѣнилось бы къ церковному богослуженію. Такой желательный успѣхъ пѣнія въ сельскихъ школахъ былъ бы вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ встрѣтилъ бы искреннее сочувствіе всего сельскаго населенія. — Рѣшеніе этой задачи зависитъ отъ того, будутъ ли сами учителя сельской школы къ тому подготовлены, съумѣютъ ли взяться за дѣло обученія пѣнію и получатъ ли достаточное для того музыкальное образованіе.

(Примѣчаніе. Обученіе пѣнію въ сельскихъ школахъ возлагается на сельскаго же учителя, такъ какъ пригласить для этого дѣла спеціалиста—не представляется возможности, и по матеріальнымъ средствамъ школы, и за недостаткомъ таковыхъ учителей).

Конечно, высказанное предположеніе объ обученіи пѣнію въ сельскихъ школахъ навсегда останется однимъ предположеніемъ, покуда въ учительскихъ семинаріяхъ общее музыкальное образованіе будетъ находиться въ томъ жалкомъ состояніи какъ въ настоящее время.

Обученіе пѣнію въ городскихъ училищахъ (приходскихъ, уѣздныхъ) можетъ быть ведено въ болѣе обширной программѣ. Городскіе дѣти, и по образованію, и по воспитанію, развитѣе сельскихъ дѣтей. Вліяніе городской жизни выработало въ нихъ особаго рода характеръ. Тѣ случайности городской жизни, которыя на сельскаго мальчика произвели бы извѣстнаго рода впечатлѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленіе, остаются для городскаго мальчика, если не незамѣченными, то по крайней мѣрѣ, не поражающими его.

Такъ, музыка и пѣніе, какъ произведенія искусства, не могутъ быть не знакомы городскимъ дѣтямъ. Въ церквахъ они слышатъ порядочное, иногда хорошее пѣніе; дома, на улицахъ—слышатъ музыку. Поэтому въ городскихъ школахъ обученіе пѣнію по нотамъ не встрѣтитъ особеннаго нерасположенія, если оно будетъ вводиться постепенно. Обученіе пѣнію по нотамъ не безъ причины пугаетъ дѣтей и даже взрослыхъ. Прежняя метода пѣнія, безсознательная, ме-

ханическая, какъ старинное обученіе грамотѣ по церковному, заключается въ томъ, что восемь нотъ, на которыхъ основано почти все пѣніе, изучаются безъ всякаго систематическаго послѣдованія и развитія въ учащихся самодѣятельности.

Изъ десяти учениковъ одинъ, способнѣйшій, дѣйствительно выучивается съ помощью всевозможныхъ средствъ пѣть по нотамъ; за то всѣ прочіе потрачиваютъ время совершенно даромъ. Такой методъ обученія не развиваетъ духовныя музыкальныя силы, а притупляетъ ихъ. Можно сдѣлать сравненіе такого рода. Табличка умноженія выучивается на память безсознательно; математическое соображеніе, не участвуя при этомъ, лишается всякаго интереса; дѣло становится тупымъ. Извѣстная польза отъ быстроты вычисленія посредствомъ таблички умноженія естественно получается, но, въ общей сферѣ математики, процессъ такого вычисленія никакого значенія не имѣетъ. Что же сказать послѣ того, когда цѣлая система обученія пѣнію основывается на подобномъ механическомъ дѣйствіи? Разница между изученіемъ таблички умноженія и изученіемъ музыкальныхъ звуковъ та, что въ первомъ случаѣ приходится заучить на память только извѣстное, небольшое число сочетаній цифръ, тогда какъ во второмъ случаѣ, заучить безконечное число различныхъ сочетаній музыкальныхъ тоновъ не представляется никакой возможности. Опытъ показываетъ, что въ хорахъ, даже первоклассныхъ, гдѣ употребляется механическій способъ обученія пѣнію, весьма и весьма немногіе поютъ сразу незатѣйливую мелодію. Тамъ разучиваніе новыхъ сочиненій производится не иначе, какъ по предварительному подыгрыванію учителя.

Для болѣе яснаго очертанія механическаго отношенія къ дѣлу обученія пѣнію, проводится еще одинъ фактъ, часто встрѣчающійся. Учитель предлагаетъ ученику съ неразвитымъ музыкальнымъ слухомъ извѣстный звукъ на фортепіано; тотъ, не вслушавшись внимательно, бе́ретъ его неправильно; учитель снова предлагаетъ звукъ со всевозможною силою, стучитъ по клавишамъ, указываетъ ученику брать голосомъ выше или ниже, смотря по тому, какъ надобно, но главное— заставляетъ пѣть громче, громче; ученикъ продолжаетъ пѣть фальшиво. Спрашивается, понятенъ ли такому учителю процессъ исполненія музыкальныхъ звуковъ? И его требованія, въ отношеніи вышесказаннаго ученика, не идутъ ли совершенно въ разрѣзъ съ условіями музыкальнаго слуха и голосовыхъ способностей? Не недостатокъ слуха былъ причиною неправильнаго исполненія звука (предлагаемый звукъ слышался ученикомъ ясно), а недостатокъ вниманія, того вниманія, которое проникнуло бы, обдумало и прочувствовало высоту звучности предлагаемаго тона.

Громкое исполненіе звука парализуетъ сосредоточенность вниманія, отчего понятіе о высотѣ звучности тона изчезаетъ. Безъ предварительнаго сосредоточеннаго вниманія на предлагаемомъ звукѣ — голосъ не въ состояніи его исполнить. Когда же ясное представленіе о высотѣ звука получилось, то исполненіе его произведется сейчасъ же, за исключеніемъ случая болѣзни дыхательныхъ органовъ.

При неразвитомъ музыкальномъ слухѣ, опыты исполненія звуковъ производятся такъ: сначала обращается самое глубокое вниманіе ученика на предлагаемомъ звукѣ; затѣмъ осторожно, тихимъ голосомъ, чтобы не развлечь вниманія и не затемнить его силою звука, дѣлается опытъ исполненія. Чаще всего опыты удаются и рѣдко не удаются. Тогда причина неудачи кроется въ чемъ нибудь другомъ, и почти навѣрное объясняется болѣзнью дыхательныхъ или слуховыхъ органовъ.

Способность уловить и исполнять голосомъ различные музыкальные тоны, отдѣльные и въ сочетаніи ихъ между собой, называется въ музыкѣ *тональнымъ чувствомъ*, также *тональнымъ соображеніемъ* или *внутреннимъ слухомъ*.

Только посредствомъ развитія и образованія тональнаго чувства возможно сознательное пѣніе по нотамъ. Это есть единственный прямой путь къ тому. Всякій другой способъ обученія можетъ назваться вполнѣ безсознательнымъ, если образованіе тональнаго чувства производится механически.

Отступленіе отъ взгляда на обученіе пѣнію въ городскихъ школахъ было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы высказать нѣкоторымъ образомъ несообразность, безполезность и даже вредъ механическаго обученія пѣнію по нотамъ. Или обучать окончательно по слуху, или же обученіе по нотамъ должно быть естественнымъ.

Такимъ образомъ въ городскихъ двух-, трех—и четырех-классныхъ школахъ обученіе пѣнію могло бы заключаться въ слѣдующей программѣ:

Всѣ ученики по способностямъ раздѣляются на три группы. Съ каждой группой проходится отдѣльный курсъ пѣнія.

Первый курсъ заключается въ одноголосномъ пѣніи по слуху. Матеріалъ: одноголосные напѣвы, гаммы и другія упражненія. Цѣль: образованіе музыкальнаго слуха, голоса, ритмическаго чувства. Теоретическая часть. Изученіе нотъ.

Обученіе одноголосному пѣнію тѣмъ еще полезно, что представляетъ возможность дѣтямъ пользоваться заученными напѣвами и внѣ класса, во всякое время, не только въ сообществѣ товарищей, но и

въ отдѣльности. И чѣмъ больше разученныхъ напѣвовъ, тѣмъ больше ими будутъ пользоваться.

Отъ заученной хоровой партіи многоголоснаго сочиненія ничего въ памяти не остается, кромѣ отрывковъ и частей напѣвовъ, несвязныхъ, имѣющихъ смыслъ только въ цѣломъ многоголосномъ исполненіи.

Со втораго курса, въ который переводятся ученики съ развитыми уже музыкальными способностями и съ понятіемъ о нотахъ, начинается правильное, систематическое обученіе пѣнію по нотамъ, помимо обученія по слуху, которое составляетъ занятіе, удовлетворяющее музыкальнымъ эстетическимъ требованіямъ учениковъ.

При обученіи по слуху, можно вполнѣ довольствоваться двухголоснымъ, иногда трехголоснымъ пѣніемъ.

Слѣдуетъ сказать, что въ массѣ учениковъ, составляющихъ классъ пѣнія, встрѣчаются весьма много лицъ съ слабыми голосами, такими, которые для хороваго пѣнія оказываются не непригодными, но мало полезными.

При обученіи многоголосному пѣнію по слуху, они составляютъ лишнее бремя и мѣшаютъ другимъ, а самое пѣніе становится тяжелымъ, неяснымъ.

Разучиваніе многоголосныхъ сочиненій, въ такомъ составѣ хора, идетъ медленно и составляетъ чрезмѣрный трудъ и для учителя, и для учениковъ. Приходится безконечное число разъ повторять одну фразу, какъ съ отдѣльными голосами, такъ и съ цѣлымъ хоромъ, покуда она окончательно не усвоится всѣми, и затѣмъ, въ общемъ, все таки довольствоваться плохимъ исполненіемъ, вслѣдствіе чего разучиваемое сочиненіе теряетъ и интересъ свой отъ частаго повторенія, долбяжки, и наскучаетъ, и притупляетъ музыкальное чувство учащихся.

Часто приходится слышать вопросы людей свѣдущихъ и не свѣдущихъ въ пѣніи, при разговорѣ о составѣ того или другаго хора: „есть ли голоса?“ Вопросъ совершенно правильный по отношенію голосовъ, пригодныхъ для выполненія художественныхъ хоровыхъ сочиненій. Но требуется ли въ школѣ именно многоголосное хоровое пѣніе и должно ли оно быть исключительной задачей изученія? Нѣтъ.

Хоровое пѣніе есть только та удобная форма, посредствомъ которой возможно обученіе пѣнію цѣлой массы людей. Одноголосное пѣніе цѣлой массы людей—также хоровое.

Отъ степени музыкальнаго развитія и голосовыхъ средствъ зависитъ многоголосное пѣніе въ школахъ. Гдѣ оно возможно, дается безъ особеннаго труда, тамъ пусть и примѣняется,—а то лучше доволь-

ствоваться двухголоснымъ пѣніемъ, оно также гармоническое пѣніе, не унисонное; въ немъ уже имѣется натуральное раздѣленіе голосовъ на высокіе и низкіе.

Въ школахъ, кромѣ того, препятствуетъ многоголосному пѣнію постоянное и постепенное физическое развитіе дѣтей, во время котораго пѣть или вовсе не слѣдуетъ, или должно пѣть очень осторожно. Пѣніе на высокихъ или низкихъ нотахъ въ этомъ случаѣ приноситъ положительный вредъ. При одноголосномъ и двухголосномъ пѣніи, объемъ тоновъ упражненій и напѣвовъ можетъ быть расположенъ въ среднемъ, грудномъ, почти разговорномъ регистрѣ голосовъ. Строго говоря, пѣніе въ школахъ должно служить способомъ только теоретическаго изученія музыки, т. е. изученія музыкальной грамоты, которое постепенно, само собою разумѣется, приводитъ и къ самостоятельному пѣнію по нотамъ, и къ необходимому пониманію музыкальнаго искусства вообще.

Требованіе, относительно пѣнія въ школахъ, можетъ быть поставлено такое: ученики, по окончаніи предполагаемаго курса пѣнія, обязаны прочитать и спѣть съ листа, безъ приготовленія, напѣвы, равняющіеся по трудности отдѣльнымъ партіямъ хоровыхъ сочиненій или пѣсенкѣ.

Теоретическія познанія учениковъ испытываются по программѣ элементарной теоріи музыки, въ объемѣ, соотвѣтствующемъ практически пройденнымъ занятіямъ.

Относительно введенія обученія пѣнію въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, приходится сказать тоже, что было сказано о томъ же въ низшихъ городскихъ школахъ. Программа пѣнія, по мѣрѣ возможности, само собой разширится, если тому будутъ благопріятствовать обстоятельства. Успѣшный ходъ дѣла зависитъ также отъ того, какъ отнесется начальство къ предмету обученія пѣнію. Если оно за нимъ будетъ также слѣдить и потребуетъ отъ него отчетности, какъ отъ всякаго другаго образовательнаго предмета, то нечего и говорить объ успѣхѣ: онъ будетъ.

Въ гимназіяхъ общая педагогическая подготовка поступающихъ учениковъ значительно основательнѣе, нежели въ ученикахъ низшихъ городскихъ школъ.

Можно разсчитывать, что въ семействахъ, дѣти которыхъ поступаютъ въ гимназіи, рѣдко кто либо изъ членовъ его не обучается пѣнію или музыкѣ. Въ музыкальныхъ семействахъ дѣти пріобрѣтаютъ наклонности къ пѣнію или къ музыкѣ и незамѣтно вырабатываютъ въ себѣ музыкальныя способности. Съ такими дѣтьми занятія пѣніемъ идутъ успѣшнѣе.

Дѣти съ развитыми музыкальными способностями вліяютъ благотворно на слабѣйшихъ въ этомъ отношеніи товарищей, недостатка въ которыхъ не имѣется. Въ послѣднихъ является невольное желаніе достигнуть того же (ибо кто изъ дѣтей не любитъ пѣніе или музыку); и если при этомъ найдется толковый учитель, то успѣхъ дѣла пѣнія окажется несомнѣннымъ.

Не предлагая отвлеченной программы пѣнія для школъ, мы желаемъ въ настоящей статьѣ вывести ее изъ опыта и изъ фактовъ въ томъ видѣ, какъ она выработалась при занятіяхъ въ трехъ младшихъ классахъ въ одной изъ С.-Петербургскихъ гражданскихъ гимназій. Далѣе трехъ младшихъ классовъ было рѣшено обученіе классному пѣнію не вести, по причинѣ усложняющихся занятій учениковъ по другимъ предметамъ, а болѣе потому, что съ четвертаго класса гимназіи ученики преимущественно начинаютъ спадать съ голоса.

Мы не будемъ скрывать ни неудачъ, ни успѣховъ по этому дѣлу.

Для начальныхъ занятій, по два урока въ недѣлю, каждый по часу, былъ предложенъ первый классъ гимназіи, состоявшій приблизительно изъ пятидесяти учениковъ младшаго возраста. Пѣніе было объявлено обязательнымъ для всѣхъ. Музыкальныя способности учащихся раздѣлялись на три категоріи. Одну часть общей массы составляли ученики съ достаточно развитымъ музыкальнымъ слухомъ и голосомъ. Вторую и третью часть составляли ученики съ слабо развитыми и совершенно неразвитыми музыкальными способностями. Пятьдесятъ учениковъ, раздѣленныхъ по музыкальнымъ способностямъ, составляли примѣрно слѣдующія числа. Хорошихъ 10; слабыхъ 25; совершенно неразвитыхъ 15. Въ общей сложности получилась масса учениковъ менѣе нежели слабая по музыкальнымъ способностямъ. Первую важную ошибку составляло то, что обученіе пѣнію началось сразу съ гаммъ и другихъ упражненій, и по нотамъ, т. е. началось съ обученія музыкальной грамотѣ съ такою массою учениковъ, которая не умѣла еще говорить музыкально, т. е. не умѣла спѣть по слуху простой напѣвъ.

Отвлеченныя упражненія становились естественно скучными и трудными для неподготовленныхъ учениковъ. Утомленіе, ропотъ, нежеланіе заниматься стали проявляться все сильнѣе. И хотя къ концу перваго учебнаго полугодія, съ большимъ трудомъ для учителя и учениковъ, получились нѣкоторые результаты отъ такого рода занятій (какъ напримѣръ, голоса и способности учениковъ болѣе или менѣе выровнялись, пѣлось кое что весьма не сложное по нотамъ, пріобрѣлись нѣкоторыя свѣдѣнія изъ теоріи музыки), но, при всемъ томъ, продолжать такимъ образомъ дѣло—оказалось невозможнымъ. Кромѣ

того, указанные успѣхи были достигнуты не всѣми учениками; музыкальныя способности нѣкоторыхъ оставались неразработанными. Дѣло окончательно разстроивалось.

На этой точкѣ сдѣланъ былъ опытъ обученія пѣнію по слуху. Ученикамъ было предложено нѣсколько одноголосныхъ пѣсень. Занятія оживились. Пѣсни разучивались очень быстро и съ большою охотою. Съ каждымъ классомъ ученики знакомились съ новыми пѣснями.

Вліяніе на развитіе музыкальныхъ способностей посредствомъ обученія пѣнію по слуху было сильнѣе, и результаты успѣшнѣе, нежели посредствомъ гаммъ и нотныхъ упражненій. Ученики, съ совершенно неразвитымъ слухомъ и голосомъ, старательно слѣдовали за болѣе успѣвавшими товарищами. Желаніе пѣть становилось общимъ. Способности массы учащихся выравнивались и уже къ концу учебнаго года пѣніе по слуху, а также пѣніе гаммъ по слуху, было вполнѣ удовлетворительно. Оставались два, три ученика, музыкальный слухъ и голосъ которыхъ не совсѣмъ еще развились. Такимъ ученикамъ, прислушивавшимся къ общему пѣнію, вліяющему также на развитіе способностей, учитель удѣлялъ нѣкоторое время для отдѣльныхъ занятій съ ними. Со временемъ они примкнули къ общему хору.

Самый важный успѣхъ пѣнія заключался въ томъ, что масса учениковъ, неумѣвшая вовсе пѣть на первыхъ урокахъ, къ концу учебнаго года исполняла пѣсенки свѣтлыми, свѣжими и довольно звучными голосами.

Занятія пѣніемъ во второмъ году, по два урока въ недѣлю, распредѣлились такъ: прошлогодный курсъ поведенъ далѣе, а вмѣсто него примкнулъ новый первый курсъ, съ новымъ первымъ классомъ поступившихъ въ гимназію учениковъ. Нѣсколько учениковъ изъ прошлогодняго курса осталось въ первомъ классѣ, вслѣдствіе невыдержаннаго экзамена по другимъ предметамъ. Такіе ученики, можетъ быть способные къ пѣнію, должны были заниматься съ первымъ новымъ курсомъ, и проходить снова прошлогодніе упражненія. Вторая ошибка немаловажная. Вмѣсто того, чтобы переводить изъ одного курса пѣнія въ другой по успѣхамъ и по способностямъ, приходилось дѣлать на оборотъ.

Желательно, чтобы въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ уроки пѣнія назначались въ такое время, когда можно пользоваться свободно всѣми учениками, которыхъ необходимо также распредѣлять, согласно ихъ музыкальнымъ способностямъ и познаніямъ, на разные классы. Вновь поступающіе ученики назначаются по испытанію также

въ соотвѣтствующій ихъ познаніямъ классъ пѣнія. Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ пѣніе назначается въ свободное отъ научныхъ занятій время; тамъ распредѣленіе учениковъ по музыкальнымъ способностямъ вполнѣ возможно.

Въ бывшемъ первомъ курсѣ, настоящемъ второмъ, оказывались ученики, которые, при занятіяхъ во второмъ курсѣ, не могли слѣдовать съ прочими товарищами въ общемъ дѣлѣ пѣнія, составляли не малую помѣху, тогда какъ нѣкоторые, довольно хорошіе ученики по пѣнію, оставались несправедливо въ первомъ курсѣ. Такое обстоятельство, упущенное изъ виду, образовало въ занятіяхъ втораго курса постоянное колебаніе и останавливало успѣхъ цѣлаго класса учениковъ. При занятіяхъ пѣніемъ, особенно при нотныхъ упражненіяхъ, малѣйшая ошибка кого либо изъ поющихъ сильно дѣйствуетъ на окружающихъ его. Тѣмъ болѣе это сильнѣе отражается на дѣтяхъ. Такимъ образомъ, во второмъ курсѣ занятія заключались въ буквальномъ повтореніи пройденнаго, или разработывались новые пріемы обученія тому же. Продолжалось одноголосное пѣніе по слуху, пѣніе по нотамъ, которому ученики не сочувствовали, вспоминая прежнія трудныя, безполезныя занятія, и какъ новое, вводилось двухголосное пѣніе по слуху. Послѣднее также шло довольно успѣшно.

Занятія съ новымъ первымъ классомъ во второмъ году начались съ обученія по слуху. Постепенно вводились и нотныя упражненія. Успѣхъ послѣднихъ былъ бы несомнѣненъ, если бы обученіе производилось по такому учебнику пѣнія, въ которомъ систематически распредѣлены упражненія отъ легчайшихъ къ болѣе труднымъ. Къ сожалѣнію, такого рода учебники пѣнія для дѣтей не существуютъ. Тѣ учебники, которыми въ настоящее время пользуются для обученія пѣнію, кажутся практичными только людямъ уже нѣсколько знакомымъ съ пѣніемъ и музыкой, но нисколько не практичными для дѣтей и взрослыхъ, начинающихъ учиться.

Составъ практическихъ упражненій такихъ руководствъ, сходный по выбору и по систематическому расположенію съ составомъ упражненій рутинныхъ школъ для фортепіано, скрипки и другихъ инструментовъ, упражненій, неупотребляемыхъ порядочными учителями, ни въ какомъ случаѣ для обученія пѣнію не пригоденъ. Родъ такихъ упражненій прививается не иначе, какъ механически, и то съ помощію подъигрыванія; посредствомъ такого исполненія гаммъ, упражненій въ интервалахъ тоновъ и другихъ упражненій, развивается главнымъ образомъ голосъ, но не тональное и ритмическое чувство; на развитіе послѣднихъ не обращалось, и до сихъ поръ не обращается никакого вниманія.

Такъ что, наконецъ, какъ встрѣчается на дѣлѣ, при участіи въ хоровомъ пѣніи, приходится невольно обращаться къ разучиванію хоровыхъ сочиненій по слуху. Оказывается, что изъ всей массы учащихся только нѣкоторые въ состояніи пѣть по нотамъ, обучаясь по вышесказанному методу, всѣ же прочіе, не дошедшіе до этой премудрости, слѣпо подлаживаются къ первымъ.

Поэтому при занятіяхъ съ дѣтьми, учителю, не имѣвшему надлежащаго матеріала для обученія пѣнію по нотамъ, приходилось самому составлять, вырабатывать и выписывать на классной нотной доскѣ упражненія такого рода, которыми достигалась бы извѣстная музыкальная педагогическая цѣль и въ то же время свободное ихъ исполненіе массою учащихся.

Оказывалось, что въ первомъ курсѣ даже и такого рода упражненія не совсѣмъ легко воспринимались; что объясняется неразвитостію музыкальныхъ способностей учащихся въ отношеніи музыкальнаго слуха, голоса, ритмическаго, а главное—тональнаго чувства. Нотныя упражненія въ первомъ курсѣ примѣнялись въ видѣ опыта, и затѣмъ оставлены; но главное занятіе, независимо отъ слухового пѣнія, составляли изустныя упражненія. Они заключались въ слѣдующемъ: 1) Въ постановкѣ голоса. (Цѣль: правильное исполненіе звуковъ). 2) Въ исполненіи тоновъ гаммы въ различныхъ ритмахъ. (Цѣль: развитіе голоса и ритмическаго чувства). 3) Въ исполненіи отдѣльныхъ тоновъ гаммы въ послѣдовательномъ разнообразномъ порядкѣ, то повышающемся, то понижающемся, то повторяющемся на одной ступени, по диктовкѣ учителя, безъ помощи музыкальнаго инструмента. (Цѣль: развитіе тональнаго чувства). 4) Въ пріученіи къ чтенію нотъ съ листа, безъ пѣнія, посредствомъ исполненія систематически и постепенно расположенныхъ въ различныхъ ритмахъ упражненій. (Цѣль: подготовка къ свободному чтенію нотъ въ ритмѣ, необходимая для дальнѣйшихъ вокальныхъ упражненій). 5) Въ усвоеніи свѣдѣній, относящихся къ проходимымъ практическимъ упражненіямъ. (Ритмическія задачи. Размѣщеніе нотъ въ различныхъ тактахъ).

Примѣчаніе. Всѣ упражненія, не исключая пѣсенъ, разучиваемыхъ по слуху, исполняются по указанію извѣстныхъ педагогическихъ пріемовъ цѣлымъ хоромъ, по отдѣленіямъ хора и отдѣльными учениками. (Цѣль: развитіе въ ученикахъ самодѣятельности и соревнованія).

По переводѣ учениковъ изъ перваго курса во второй,—за исключеніемъ весьма немногихъ, неоказавшихъ успѣха,—обученіе пѣнію по нотамъ пошло быстрѣе. Во второмъ новомъ курсѣ (не прошлогоднемъ, который поведенъ далѣе почти по прежнему), приступлено прямо:

1) къ пѣнію по нотамъ, тѣхъ или подобныхъ упражненій, которыя въ первомъ курсѣ исполнялись при одномъ чтеніи. Успѣхъ былъ очевидный и положительный. Пѣніе по нотамъ съ листа исполнялось учениками самостоятельно, безъ всякой помощи учителя, а тѣмъ болѣе подъигрыванія. Всѣ упражненія, безъ интерваловъ тоновъ, выводились изъ разнообразнаго послѣдованія тоновъ гаммы, какъ сказано было выше, и усложнялись постепенно только со стороны ритмическаго элемента. 2) Къ пѣнію по слуху, двухъ, рѣдко трехголосному, которое шло паралельно съ пѣніемъ по нотамъ. 3) Затѣмъ, во второй половинѣ учебнаго года, приступалось къ изустнымъ упражненіямъ въ интервалахъ тоновъ. (Цѣль: развитіе тональнаго чувства). 4) Къ изустнымъ двухголоснымъ упражненіямъ. (Цѣль: развитіе голосовъ, подготовка къ многоголосному пѣнію). 5) Къ изустнымъ упражненіямъ въ тонахъ аккордовъ, расположенныхъ на разные голоса. (Цѣль: подготовка къ гармоническому пѣнію). 6) Къ опытамъ въ пѣніи по нотамъ съ листа, посредствомъ упражненій, составленныхъ изъ интерваловъ тоновъ.

Примѣчаніе. Всѣ упражненія перваго и втораго курса составлены въ ладѣ до мажоръ, C dur. Теоретическую часть составляли: a) Понятіе объ интервалахъ тоновъ. b) Разсмотрѣніе величины интерваловъ, построенныхъ на всѣхъ ступеняхъ гаммы до мажоръ. c) Понятіе о знакахъ измѣненія тоновъ. d) Образованіе различныхъ интерваловъ тоновъ посредствомъ знаковъ измѣненія. e) Разсмотрѣніе построенія гаммъ. Формула гаммъ мажорной и минорной (мелодической и гармонической). Построеніе различныхъ гаммъ.

Исполненіе интерваловъ тоновъ составляетъ самую трудную задачу въ пѣніи. Предварительные опыты и упражненія въ интервалахъ тоновъ, продѣлываемые во второмъ курсѣ, должны служить нѣкоторымъ руководствомъ при переводѣ учениковъ изъ втораго курса въ третій. Въ различной степени, но ученики должны имѣть общее понятіе объ исполненіи интерваловъ тоновъ. Безъ этого они переводимы въ слѣдующій третій курсъ быть не могутъ. Третій курсъ (одинъ часъ въ недѣлю), начинающійся прямо съ упражненій въ интервалахъ тоновъ, не можетъ имѣть въ составѣ своемъ учениковъ, отставшихъ отъ общаго курса. Здѣсь требуются ученики съ окончательно выработанными музыкальными способностями слуха, голоса, ритмическаго и нѣкоторымъ образомъ тональнаго чувства. На этой ступени обученіе пѣнію по слуху становится лишнимъ, именно потому, что имѣется уже положительно нѣкоторая возможность пѣть прямо по нотамъ. Въ третьемъ курсѣ проходится: 1) Одноголосные напѣвы съ интервалами тоновъ по нотамъ съ листа. 2) Одноголосные

напѣвы въ новыхъ ладахъ, мажорныхъ и минорныхъ. 3) Послѣдовательныя упражненія въ двухголосномъ пѣніи по нотамъ. 4. (Опыты въ исполненіи систематически составленныхъ трехъ и четырехголосныхъ небольшихъ хоровъ). 5) Теоретическая часть: понятіе объ аккордахъ. Сочетаніе аккордовъ. Общія понятія о музыкальномъ искусствѣ. Объясненіе техническихъ терминовъ, часто встрѣчающихся въ пѣніи и музыкѣ.

Конечно, въ концѣ учебнаго года и отъ третьяго курса учениковъ, все таки дѣтей, еще нельзя ожидать ни блестящаго исполненія хоровыхъ сочиненій, ни рѣшительно быстраго чтенія нотъ. Этого никто и требовать не станетъ, сознавая, что только практика и время совершенствуютъ всякое дѣло; но во всякомъ случаѣ, отчета въ пройденномъ въ теченіи всего учебнаго времени, отъ всякаго ученика потребовать должно.

Поэтому, въ каждомъ учебномъ заведеніи программа пѣнія должна находиться въ числѣ прочихъ учебныхъ предметовъ. Исполненіе означенной программы пѣнія поставляется начальствомъ въ обязанность каждому учителю пѣнія. Со стороны учителей пѣнія будетъ зависѣть разработывать болѣе программу пѣнія. Но главная цѣль должна преслѣдоваться неизмѣнно: цѣль эта заключается въ умѣньи читать и пѣть по нотамъ съ листа.

Ученики, страдающіе болѣзнями дыхательныхъ и горловыхъ органовъ, отъ пѣнія освобождаются, однако съ обязательствомъ заниматься теоретическою стороною пѣнія, исполненіемъ задачъ и упражненій, относящихся къ элементарной теоріи музыки, какъ главною частью музыкальнаго образованія.

Еще одинъ вопросъ—о классной обстановкѣ пѣнія—остается нерѣшеннымъ.

Общее мнѣніе существуетъ такое, что пѣть стоя есть самое удобное положеніе, ибо оно представляетъ всему тѣлу свободу дѣйствій: наоборотъ, пѣть сидя—неловко. Соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ, слѣдуетъ сказать, что дѣйствительно для концертнаго пѣнія, для пѣнія на сценѣ и вообще для такого пѣнія, гдѣ разсчитано на изящное исполненіе или гдѣ требуется особенно сильное пѣніе, положеніе стоя—и необходимо, и удобно, хотя иногда и приходится переминаться съ ноги на ногу по нѣскольку часовъ, что не особенно благопріятно дѣйствуетъ на эстетическое чувство. Но тамъ, гдѣ требуется внушить дѣтямъ серьозное отношеніе къ дѣлу пѣнія, гдѣ классная обстановка пѣнія не должна по возможности рѣзко отличаться отъ обстановки другихъ классовъ, гдѣ, наконецъ, ученикамъ также приходится записывать часто въ тетради, а учителю поддерживать внима-

ніе учениковъ въ теченіе цѣлаго класса, и гдѣ встрѣчаются упражненія, при которыхъ не только переминаться съ ноги на ногу, но шевельнуться нельзя, дабы не разсѣять внутренняго вниманія, тамъ сидѣть въ классѣ пѣнія составляетъ необходимое условіе. При собственно вокальныхъ механическихъ упражненіяхъ, служащихъ для развитія голоса, пѣть стоя возможно, даже удобнѣе, нежели сидя.

Защищать классную обстановку, въ которой ученики размѣщались бы сидя на скамейкахъ, разставленныхъ полукругомъ или въ видѣ «покоя», тѣмъ болѣе необходимо, что при другой обстановкѣ, при пѣніи, гдѣ ученики стоятъ, приходится иногда встрѣчать возмутительныя сцены. Школа не вправѣ допустить въ стѣнахъ своихъ гаерства и глумленія надъ тѣми предметами обученія, которые она сама признала орудіями для общечеловѣческаго воспитанія.

Н. Бр.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

М. Г.

Подписавшись на издаваемый вами педагогическій журналъ «Семья и Школа», я полагаю, что имѣю право ожидать въ этомъ журналѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній, встрѣчаемыхъ мною въ дѣлѣ домашняго воспитанія моихъ дѣтей. Поэтому рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою выяснить, на этотъ разъ, одинъ вопросъ, касающійся физическаго воспитанія. Если вы исполните мою просьбу, то, вѣроятно, не одинъ я буду вамъ благодаренъ.

У меня одинъ сынъ 11-ти и двѣ дочери 6-ти и 9-ти лѣтъ; всѣ они, разумѣется, суть мое сокровище, которому посвящается вся моя жизнь. Не мало прочитали мы съ покойною матерью этихъ дѣтей (она умерла въ концѣ 1869 г.) разныхъ педагогическихъ сочиненій и, смотря серьезно на дѣло воспитанія, старались вести его, по возможности, раціонально. Многаго мы, кажется, достигли, но, безъ сомнѣнія, кое что упустили и кое въ чемъ ошиблись. Одиннадцатилѣтній мой сынъ — мальчикъ, развитый умственно, если не слишкомъ, то совершенно достаточно для своего возраста; для физическаго же его развитія и укрѣпленія были также употребляемы зависящія отъ насъ средства: гимнастическія упражненія, чистый комнатный и внѣшній воздухъ и хорошая пища. Мальчикъ имѣетъ хорошій и, повидимому, здоровый цвѣтъ лица; хотя тѣломъ худощавъ, но въ немъ довольно живости и крѣпости мышцъ. При всемъ этомъ нерѣдко замѣчается какая-то вялость: отвѣчая урокъ у доски, онъ поровнитъ, какъ бы ему сѣсть, и бываетъ иногда разсѣянъ; но все это еще я надѣюсь поправить и, частію, уже поправляется, какъ мнѣ кажется. Порокъ же, съ которымъ я не могу сладить и который побуждаетъ меня обратиться къ вамъ, заключается въ томъ, что мой мальчикъ мочится нерѣдко въ постели. Это замѣчается съ 5-ти, 6-ти лѣтняго возраста его. Онъ подверженъ запорамъ, но мы обходимся безъ слабительныхъ, прибѣгая очень, очень рѣдко къ промывательнымъ; вечеромъ всѣ дѣти мои пьютъ молоко, употребляя при этомъ небольшое количество бѣлаго хлѣба; мы пробовали мальчику не давать молока, замѣняя его мясною пищею вечеромъ; давали молоко часа за 3½ до сна, но и это не помогало; холодныя купанья прошлымъ лѣтомъ и осенью также, относительно упомянутаго порока, были безуспѣшны; даже пробовали будить его очень рано утромъ или ночью—и это рѣдко помогало, потому что онъ спитъ крѣпко и, когда его разбудятъ, не понимаетъ — для чего его раз-

будили, и тотчасъ же засыпаетъ. Убѣжденія, объясненія ему вреда, происходящаго отъ его порока, и даже легкія взысканія не дѣйствуютъ; онъ при этомъ плачетъ и, повидимому, сознаетъ порокъ свой, но это не помогаетъ.... Вообще онъ, какъ говорится, плаксивъ, что, въ связи съ упомянутою выше вялостью, можетъ быть, имѣетъ связь и съ почнымъ безпорядкомъ. Онанизма подозрѣвать я не имѣю никакого основанія; вялость же проявляется, по временамъ, съ нѣкоторою лѣнью, медлительностью въ занятіяхъ.

Вотъ, Милостивый Государь, тема для статьи вашего журнала. Разработайте возбужденный мною вопросъ и я увѣренъ, многіе вамъ низко поклонятся: вѣдь удовлетворяя просьбы, подобныя моей, вы окажете истинное благодѣяніе. Мальчикъ у меня, безпристрастно могу сказать, прекрасный, нравственный, умненькій, любознательный, а порокъ или пороки, выше указанные, кажется, относятся къ физической сторонѣ; физическое же воспитаніе важно.... но объ этомъ странно говорить вамъ.

Искренно уважающій васъ и благодарный вамъ за вашу дѣятельность

№ билета 3355.

Отвѣтъ. Редакція журнала «Семья и Школа» поставила себѣ задачею быть практически полезною для воспитанія какъ дома, такъ и въ школѣ, это она заявила и въ программѣ своей; но быть полезнымъ, не отвѣчая на вопросы, возникающіе на практикѣ, почти невозможно; поэтому она считаетъ обязанностію отвѣтить на всѣ тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ интересуетъ или затрудняетъ воспитателей и учителей какъ дома, такъ и въ школѣ.

Ночное мочеиспусканіе въ постели подъ себя есть довольно обыкновенное явленіе и въ закрытыхъ заведеніяхъ (5—7 мальчиковъ изъ 100), и въ домашнемъ быту, большею частію оно есть результатъ небрежности нянекъ и лицъ близко стоящихъ къ дѣтямъ. Правильно веденное дитя обыкновенно въ возрастѣ около года уже перестаетъ мочиться подъ себя. Обыкновенный пріемъ отученія дѣтей отъ этой привычки заключается въ слѣдующемъ: въ теченіи двухъ, трехъ ночей внимательно слѣдятъ за сномъ ребенка и не тревожатъ его до тѣхъ поръ, пока онъ спитъ покойно; передъ испусканіемъ мочи ребенокъ, какъ бы онъ крѣпко ни спалъ, болѣе или менѣе ворочается; въ это время немедля ни минуты, но осторожно, чтобы не испугать, поднимаютъ ребенка и держатъ нѣсколько времени надъ горшечкомъ, пока не помочится.

Ежели дѣти въ опредѣленные часы, какъ это и должно быть, получаютъ свою пищу и питье, то, при здоровомъ состояніи, всѣ отдѣленія и испражненія совершаются въ свое опредѣленное время; поэтому послѣ двухъ, трехъ почей наблюденій, нянюшка или мать всегда замѣтитъ время и часы, когда нужно сажать ребенка. Послѣ двухъ, трехъ мѣсячнаго акуратнаго сажанія ребенка въ эти часы онъ до того отвыкаетъ отъ привычки мочиться въ постели, что если бы его и забыли посадить, то онъ безпокойствомъ и плачемъ непремѣнно призоветъ къ себѣ кого-нибудь. Отъ родителей, слѣдующихъ этому правилу, мнѣ не случалось слышать жалобъ, чтобы заботы были напрасны.

Въ возрастѣ 7—9 лѣтъ, вслѣдствіе половыхъ явленій, у ребенка вновь появляется этотъ порокъ; но и тутъ въ большинствѣ случаевъ (по завѣренію начальниковъ двухъ учебныхъ заведеній, каждое мальчиковъ въ 300) совѣтъ мой приносилъ пользу, и если съ одной стороны ребенокъ привыкъ мочиться до того, что не оказываетъ въ постели никакого предварительнаго безпокойства, то и тутъ напряженіе половаго органа можетъ служить указателемъ

времени, когда надо сажать его. Въ случаяхъ, гдѣ такого напряженія не существуетъ и гдѣ 2—3 мѣсячное сажаніе въ опредѣленные часы не помогаетъ, слѣдуетъ обратиться къ врачу, которому и предоставляемъ теперь слово.

Ю. С.

Ночное мочеиспусканіе у дѣтей въ постели подъ себя.

Уже давно врачи признали этотъ порокъ за болѣзненное явленіе и, не имѣя возможности вполнѣ уяснить себѣ его, начали испытывать съ большею или меньшею пользою разные методы леченія. Но вообще это болѣзненное явленіе туго поддавалось леченію и чаще проходило само собою вслѣдствіе какихъ либо сильныхъ нравственныхъ вліяній или съ наступленіемъ періода совершеннолѣтія.

При неопредѣленности въ лечебныхъ показаніяхъ, конечно, не мало погибало дѣтей, какъ иногда отъ слишкомъ энергическаго леченія, такъ и отъ значительныхъ нравственныхъ потрясеній, которыя приготовлялись имъ очень усердными родителями и воспитателями.

Мальчики чаще бываютъ одержимы этою болѣзнію, чѣмъ дѣвочки; притомъ не только въ очень юномъ возрастѣ, но и по достиженіи совершеннолѣтія.

Нынѣ этотъ вопросъ на столько уясненъ, благодаря раціонально разработаннымъ лечебнымъ показаніямъ, что упорство болѣзненнаго состоянія можно отнести къ исключеніямъ.

Если мы прослѣдимъ образованіе этого порока, то, къ немалому удивленію, подойдемъ къ періоду развитія у дѣтей понятія связи непріятнаго чувства мокроты съ процессомъ мочеиспусканія, что происходитъ къ концу перваго года жизни или въ началѣ втораго.

Небрежное обращеніе съ ребенкомъ въ этотъ періодъ его жизни можетъ обратить ему въ привычку испусканіе мочи въ постель; но до трехъ лѣтъ обыкновенно не обращаютъ должнаго вниманія на это, а затѣмъ уже признаютъ за явленіе болѣзненное.

Вообще дѣтскій возрастъ отличается большою сократительностью мускуловъ, отъ того всѣ резервуары въ дѣтскомъ организмѣ легче опоражниваются, отъ того, даже въ физіологическомъ состояніи, мы встрѣчаемъ родъ конвульсивныхъ движеній.

Мускулы мочеваго пузыря находятся отчасти подъ вліяніемъ узловатой нервной системы и также подъ вліяніемъ голово-спиннаго мозга; и потому могутъ сокращаться и ослабляться непроизвольно, то есть, что называется рефлекторно, и также произвольно, сознательно. Во время бдѣнія выпорожненію мочеваго пузыря препятствуетъ простое сокращеніе мускула, находящагося у выхода мочеваго канала изъ пузыря, равно какъ и произвольное удержаніе. Во время сна произвольная сократимость мускуловъ прекращается, непроизвольная же усиливается въ такой степени, что переспливаетъ сокращеніе мускула у выхода мочеваго пузыря (запирающаго пузырь).

Въ дѣтскомъ возрастѣ менѣе выражена связь предшествующаго ощущенія позыва съ опорожненіемъ, и послѣднее происходитъ болѣе механически.

Такимъ образомъ мы находимъ у дѣтей въ самомъ механизмѣ мочеиспусканія всѣ условія къ развитію порока; и уже болѣе или менѣе крѣпкій сонъ, послѣ усталости, или сонъ съ сновидѣніемъ, соотвѣтствующимъ случаю, или,

наконецъ, просто лѣнь—бываютъ производящею причиною мочеиспусканія въ постель.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ можно убѣдиться, что порокъ этотъ не встрѣчается въ конституціонально здоровомъ организмѣ т. е. въ такомъ, который, вслѣдствіе пропорціональности въ частяхъ тѣла и гармоническої дѣятельности въ органахъ, легче противостоитъ всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ.

Подвергаются этому болѣзненному состоянію дѣти, такъ называемыя золотушныя, рахитическія, сырыя или лимфатическія, въ тѣхъ случаяхъ, если позволяютъ имъ много пить, если они очень утомляются въ теченіе дня, если забудутъ заставить ихъ помочиться передъ отходомъ ко сну; наконецъ, самая теплота постели дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на мускулъ, запирающій пузырь. У нѣкоторыхъ дѣтей замѣчали испусканіе мочи въ постель всякій разъ, когда они спятъ на спинѣ, или въ очень теплой комнатѣ.

Мало по малу это входитъ въ привычку—испускать мочу въ извѣстное время сна, чѣмъ и объясняется упорство болѣзни, даже при удаленіи всѣхъ располагающихъ причинъ.

Часто родители такихъ дѣтей находятъ ихъ здоровыми, потому что дѣти имѣютъ свѣжій цвѣтъ лица, довольно веселы и могутъ заниматься. При ближайшемъ разсмотрѣніи такихъ субъектовъ, найдемъ какую либо неисправность въ отправленіяхъ желудка и кишекъ, часто недостатокъ здороваго аппетита, по временамъ блѣдность лица, скорая усталость при мускульномъ или умственномъ напряженіи, раздражительность и даже отвращеніе отъ игръ и другихъ занятій. Иногда такія дѣти жалуются на неспосный зудъ носа, губъ, вѣкъ, имѣютъ обложенный языкъ, твердый, вздутый животъ и темныя, съ тяжелымъ запахомъ испражненія. Въ другихъ случаяхъ найдемъ ослизненіе кишечнаго канала или глисты.

Такъ какъ всѣ эти явленія не выражаютъ собою никакой опредѣленной болѣзненной формы, то обыкновенно и не обращаютъ на это особеннаго вниманія, считаютъ такихъ дѣтей здоровыми. Но въ какомъ печальномъ состояніи находится у нихъ кроветвореніе, какъ ослаблена у нихъ всякая мускульная энергія, и какъ далеко отстоитъ такой организмъ отъ конституціонально здороваго! Въ этихъ случаяхъ насильственными или лекарственными мѣрами ничего нельзя достигнуть, напротивъ, все можно сдѣлать выжидательно, діэтетически. Установите правильную діэту, соотвѣтственно случаю, давайте менѣе жидкой, а болѣе кашицеобразную пищу, не позволяйте много пить молока; далѣе, необходимо назначить опредѣленный часъ для ѣды, не позволять ѣсть часто понемногу; ребенокъ долженъ быть возможно часто на чистомъ воздухѣ и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю принимать ванну. Изрѣдка хорошо, если ванну дѣлаютъ съ примѣсью сѣнной трухи или изъ сосновыхъ побѣговъ. Вообще, отвлеченіе на кожу, осторожное обтираніе тѣла водою и пріученіе дѣтей къ температурѣ комнатной воды—составляетъ хорошее подспорье въ этомъ болѣзненномъ состояніи.

Далѣе, не менѣе важно заботиться о правильности стула у дѣтей, не допускать продолжительныхъ запоровъ или развитія вѣтровъ. Здѣсь много помогаетъ правильно приспособленная гимнастика.

Напротивъ, неосторожное употребленіе холодной воды энервируетъ дѣтей и скорѣе располагаетъ ихъ къ ночному недержанію мочи.

Надобно всегда имѣть въ виду, что привычки въ дѣтскомъ организмѣ скоро усвоиваются, но медленно уступаютъ заботливости; поэтому необходимо обра-

щать вниманіе на то, чтобы ребенокъ мочился отходя ко сну, чтобы онъ не мочился слишкомъ часто въ теченіи дня, не удовлетворялъ бы частому позыву, а иногда удерживался бы; въ исключительныхъ случаяхъ можно допустить пробужденіе дѣтей, если замѣчено время, когда они спускаютъ мочу въ постель.

Регулируя ѣду, питье и дѣятельность ребенка по часамъ, мы можемъ возстановить лучшія привычки въ немъ и отучить отъ порока.

Но діэтетическимъ содержаніемъ еще не исчерпывается весь уходъ за такими дѣтьми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится обращаться для скорѣйшаго пособія къ помощи лекарства. Здѣсь я укажу только на два, три средства, имѣющія за собою большее число случаевъ излеченія, а именно:

А. *Листъ белладоны* (fol. belladonn.) или винная настойка на листьяхъ. Листъ дается въ пилюляхъ отъ $^{1}/_{7}$ грана на ночь въ теченіи недѣли, потомъ по $^{2}/_{7}$, по $^{3}/_{7}$, даже до $^{5}/_{7}$ грана на пріемъ къ ночи. Настойка дается въ капляхъ съ водою, отъ одной до семи капель, также за нѣкоторое время до спа, и на ночь.

В. Іодистое желѣзо въ формѣ сиропа. *Syrup. ferri jodati* дается съ водою въ пріемѣ отъ 8 до 15 капель за одинъ разъ, повторяя пріемы до трехъ или четырехъ разъ въ день; такъ какъ вкусъ этого лекарства непріятенъ, то можно разводить его значительнымъ количествомъ воды и давать дѣтямъ какъ простое питье. Для сего разводятъ суточнымъ количествомъ воды, потребляемой ребенкомъ.

С. *Chloral hydrat* по 10 гранъ (даже 15) въ вечеру, а послѣ недѣли уменьшается его количество до 8 и 7 гранъ. Несмотря на глубокій сонъ, происходящій за употребленіемъ этого лекарства, ребенокъ не пускаетъ мочи подъ себя.

Изъ механическихъ средствъ я могу указать какъ на заслуживающее нѣкоторое вниманіе—намазываніе praeputii рицинымъ коллодіумомъ, *Collodii ricinati*

Что же касается другихъ средствъ, направляемыхъ для уменьшенія очень щелочной или кислой реакціи мочи, равно противоглистныхъ и укрѣпляющихъ, то они могутъ быть назначаемы по усмотрѣнію врача, соотвѣтственно данному случаю и сложенію организма: золотушно-рахитическому или лимфатическому.

Что касается вліянія преждевременнаго развитія половой системы, предшествующаго онанизму, то оно выражается особеннаго рода нервною впечатлительностью органовъ чувствъ. Кромѣ усиленной общей впечатлительности дѣтей, раздражительности, плаксивости и пр., замѣчаютъ вліяніе на нихъ значительнаго свѣта, сильнаго звука и запаха. Это происходитъ отъ обремененія головнаго мозга массою впечатлѣній, какъ прямое слѣдствіе слишкомъ частаго обращенія ребенка въ кругу взрослыхъ, раздражающаго вліянія разныхъ разсказовъ, продолжительнаго сидѣнья по вечерамъ на одномъ мѣстѣ, подкрѣпляемыхъ соотвѣтственною такому уходу за дѣтьми пищею и сластями.

Такія дѣти тоже довольно скоро утомляются, нетерпѣливы и нерѣдко лѣнивы. Между прочимъ они могутъ имѣть относительно здоровый видъ и даже порядочную мускулатуру, но за то отличаются трусливостью, неаккуратностью и сонливостью.

Въ такихъ случаяхъ употребленіе одного изъ приведенныхъ трехъ медицинскихъ средствъ, при соблюденіи правильнаго ухода за ребенкомъ и должнаго вниманія къ силѣ привычки, не заставитъ долго ожидать выздоровленія.

Д—ръ Д—ій.

ЗАМѢТКА

О народныхъ школахъ.

Наблюдая нѣкоторое время, по званію члена училищнаго совѣта, за преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Тамъ только существованіе школы можетъ считаться прочнымъ, гдѣ имѣется для нея особое помѣщеніе, хотя бы *простая изба.*

2) Тѣ только школы (конечно изъ числа неполучающихъ пособія отъ земства или правительства) пользуются нѣкоторымъ благосостояніемъ, которыя имѣютъ хотя бы самый ничтожный (наприм. рублей въ 100) неприкосновенный училищный капиталъ, на проценты съ котораго покупаются для школы азбуки, бумаги, чернила, карандаши и т. д.

3) Наибольшимъ благосостояніемъ пользуются школы тамъ, гдѣ имѣется попечитель школы. И я полагаю, что гг. члены училищныхъ совѣтовъ, какъ это замѣтилъ почтеннѣйшій баронъ Корфъ, больше всего должны (для благосостоянія школъ) заботиться о пріисканіи, по возможности, для каждой изъ нихъ попечителя.

М. Левченко.

Подписчику М. Л. Редакція проситъ Васъ выслать ей для просмотра предлагаемый вами вашъ архивъ (состоящій изъ двухъ тетрадей въ листъ, дести по полторы); эти тетради будутъ вамъ возвращены согласно вашему желанію. Матеріалъ для исторіи школъ, такъ сказать, какъ вы выражаетесь, *въ неприбранномъ видѣ, по домашнему,* для редакціи дороже всякаго риторическаго отчета.

М. Г.

Прочитавъ отчетъ о засѣданіи Педагогическаго Общества, напечатанный въ 3-й книжкѣ вашего журнала, я замѣтилъ въ немъ одну, весьма важную, неточность, которая касается лично меня, какъ участника въ спорахъ, происходившихъ 20-го марта по поводу реферата г. Мѣдникова о книгѣ Столпянскаго. Неточность эта не могла быть мною замѣчена при чтеніи въ корректурѣ вашего стенографическаго отчета, такъ какъ я повѣрялъ только то, что говорилъ самъ, не имѣя времени и даже не считая нужнымъ читать возраженія другихъ оппонентовъ. Между тѣмъ, неточность, на которую я хочу указать, — неточность, представляющая въ фальшивомъ свѣтѣ мое возраженіе, — произошла именно оттого, что рѣчь моего оппонента, г. Сиповскаго, не передана буквально такъ, какъ она была произнесена на самомъ дѣлѣ.

Г. Сиповскій, говоря о впечатлѣніи, произведенномъ на него рефератомъ г. Мѣдникова, выразился такъ: «я вижу, что книга г. Столпянскаго *не умна*», и это послѣднее выраженіе дало мнѣ поводъ сказать то, что напечатано въ отчетѣ на страницѣ 12. Но нынѣ, въ печати, вышеприведенное выраженіе — неизвѣстно кѣмъ и по чему — смягчено такимъ образомъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги г. Столпянскій *наивенъ* до крайности» (стр. 9). Слово *наивенъ* едва ли соотвѣтствуетъ слову, употребленному въ дѣйствительности, и эта разница уже потому бросается въ глаза, что я, въ своемъ возраженіи, настаиваю именно на томъ характерномъ эпитетѣ, котораго не оказывается теперь въ печатномъ отчетѣ; г. же Сиповскій отвѣчаетъ мнѣ фразою: «Зачѣмъ вы извращаете мои слова»? (см. стр. 12). Для лицъ, неприсутствовавшихъ на засѣданіи 20 марта и знакомящихся съ нимъ по стенографическому отчету, дѣйствительно, можетъ показаться, что я *извратилъ* слова г. Сиповскаго — тѣмъ болѣе, что стенографія (обыкновенно, самое точное воспроизведеніе произнесенныхъ рѣчей) является въ этомъ случаѣ какъ бы на его сторонѣ. Подобнаго вывода на мой счетъ я вовсе не желаю, и не могу допустить, такъ какъ имѣю обычай слѣдить внимательно не только за развитіемъ мысли, но и за способомъ выраженія моихъ собесѣдниковъ, не навязывая имъ того, чего они не говорили на самомъ дѣлѣ, и не чувствуя, съ своей стороны, ни малѣйшей надобности смягчать или выпускать слова, произнесенныя мною въ публичномъ собраніи. Я увѣренъ, что всѣ члены Педагогическаго Общества, слышавшіе нашъ споръ, подтвердятъ справедливость моей поправки.

Вы много обяжете меня, помѣстивъ эту замѣтку въ ближайшемъ нумерѣ вашего журнала.

4 мая 1871 г.

А. Пятковскій.

При заявленіи нами въ Педагогическомъ Обществѣ предложенія печатать въ журналѣ «Семья и Школа» стенографическіе отчеты засѣданій, членами Общества было выражено желаніе, чтобы стенографическая запись была доставляема, до напечатанія, тѣмъ изъ гг. членовъ, которые участвовали въ преніяхъ, для провѣрки записаннаго. На основаніи этого, корректурные листы стенографическихъ отчетовъ каждаго засѣданія посылаются редакціею всѣмъ, говорившимъ въ томъ засѣданіи. Мы увѣрены, что никто изъ этихъ лицъ не нашелъ въ первоначальной записи никакихъ искаженій или измѣненій его словъ. Сдѣланныя же ими самими въ корректурныхъ листахъ поправки (большею частію, впрочемъ, только въ выраженіяхъ)—редакція на свою отвѣтственность принять не можетъ.

Что же касается собственно того мѣста, на которое указываетъ въ своемъ письмѣ г. Пятковскій, то редакція считаетъ своею обязанностью заявить, что хотя мѣсто это дѣйствительно и смягчено г. Сиповскимъ, тѣмъ не менѣе и въ первоначальной записи не было выраженія: «книга не умна». Въ подтвержденіе этого редакція проситъ г. Пятковскаго вспомнить эпизодъ, случившійся въ этомъ мѣстѣ засѣданія, послѣ словъ, сказанныхъ г. Сиповскимъ. Эпизодъ этотъ, не внесенный въ стенографическій отчетъ, можетъ убѣдить г. Пятковскаго въ томъ, что слова эти были сказаны дѣйствительно не въ той формѣ, въ какой воспроизвелъ ихъ г. Пятковскій. *Ред.*

ПО ПОВОДУ

«Дополненія къ бесѣдѣ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ 20 марта 1871 года».

Непріятно быть непонятымъ, но еще непріятнѣе, когда, не понявъ вашей мысли, перетолкуютъ ее по своему и негодуютъ на ваши мнимыя заблужденія. Эти мысли были вызваны во мнѣ «Дополненіемъ къ бесѣдѣ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ по поводу разбора книги г. Столпянскаго» (см. № 3 журнала «Семья и Школа»). Въ этомъ «Дополненіи» допущены превратныя толкованія нѣкоторыхъ заявленій словами: «изъ устъ защитниковъ г. Столпянскаго мы слышимъ: *«не нужно критики!»* Какъ будто безъ критики возможна наука, возможно педагогическое дѣло! *Вѣдь это все равно, что сказать: долой здравый смыслъ!...* И въ столь очевидномъ дѣлѣ явились столпянцы и антистолпянцы».

Такимъ образомъ, на говорившихъ противъ рецензіи книги г. Столпянскаго взводится обвиненіе, что они противники критики вообще, противники здраваго смысла и пр.

Нельзя не удивляться странному пріему—влагать въ чужія уста свои толкованія.

Мы очень хорошо помнимъ, что ничьи уста въ Педагогическомъ Обществѣ не только въ этомъ засѣданіи, но и въ другихъ, на которыхъ мы присутствовали, не изрекали подобныхъ абсурдовъ.

Кому угодно было такъ истолковать слова оппонентовъ г. рецензента, тому надо было сначала доказать слѣдующія положенія:

1) Рецензія, прочтенная 20 марта въ Педагогическомъ засѣданіи, есть лучшее выраженіе критики, и всякій, находящій ее не вполнѣ удовлетворительною, говоритъ противъ критики вообще.

2) Всякій, кто говоритъ о неумѣстности прочтенной рецензіи въ Педагогическомъ Обществѣ, находитъ всякую критику неумѣстною здѣсь.

3) Кто находитъ рецензію какой нибудь книги несостоятельною, тотъ есть защитникъ автора разбираемой книги.

Только доказавшій послѣднее положеніе имѣлъ бы право окрестить всѣхъ, говорившихъ противъ рецензіи, прозвищемъ: «столпянцы».

Мы считаемъ нужнымъ разъяснить нѣсколько болѣе дѣло, чтобы прочитав-

шіе стенографическій отчетъ и дополненіе къ нему не пришли къ такимъ же печальнымъ результатамъ, какъ авторъ «Дополненія».

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ началѣ засѣданія 20 марта прочтена рецензія, въ которой искусно и остроумно собраны и сопоставлены смѣшныя и нелѣпыя мѣста разбираемой книги; иногда не совсѣмъ опредѣленныя выраженія доводятся рецензентомъ до абсурда (пріемъ по преимуществу полемическій): Слышится дружный, громкій смѣхъ. Но этотъ смѣхъ вызывается отдѣльными мѣстами книги, иногда толкованіями ихъ рецензента. Съ системою, съ пріемами автора книги рецензія не знакомитъ. Но скажутъ мнѣ: что же дѣлать, когда въ книгѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Въ такомъ случаѣ не стоитъ и тратить на разборъ такой книги полтора часа. Если, кромѣ смѣшныхъ и нелѣпыхъ мѣстъ въ ней нѣтъ ничего, то это одна изъ тѣхъ книгъ, о которыхъ въ библіографическихъ очеркахъ говорится обыкновенно очень кратко, иногда заявляется только, что это—книга, стоящая ниже всякой критики. Но книга г. Столпянскаго вредна, говорятъ нѣкоторые.

Въ такомъ случаѣ рецензія должна была обратить вниманіе главнымъ образомъ на доказательство этого вреда: приведенныя рецензентомъ мѣста изъ книги далеко не всѣхъ привели къ заключенію, что книга вредна. Говорятъ, г. Столпянскій самъ просилъ разобрать его книгу въ Педагогическомъ Обществѣ. Лучше, по нашему убѣжденію, было не согласиться на его просьбу, если приходилось только осмѣивать его книгу. Мы думаемъ, что и при разборѣ плохой книги можно дать очень много положительнаго: можно указать, чего именно въ ней нѣтъ, что должно быть въ подобныхъ книгахъ, удовлетворяющихъ вполнѣ своей цѣли. Такимъ образомъ выясняется планъ, задача подобныхъ книгъ. Такого рода рецензія или статья могла бы быть предметомъ интересныхъ и полезныхъ преній въ Педагогическомъ Обществѣ. Она могла бы раскрыть глаза, если не г. Столпянскому, то тѣмъ, которые покупаютъ его книги; наконецъ она была бы находкой для составителей руководствъ для народныхъ учителей. Прочтенная же рецензія, при всемъ ея остроуміи, могла имѣть только одну цѣль—наказать автора разбираемой книги за самоувѣренность. Она несомнѣнно должна была вызвать автора на возраженія полемическаго характера, потому что надъ его книгой смѣются, а не доказываютъ ея несостоятельность. Если эта рецензія будетъ напечатана когда либо въ томъ видѣ, какъ была читана, то многіе согласятся съ нами. Такимъ образомъ Педагогическое Общество на этотъ разъ обратилось въ мѣсто наказанія. Въ немъ должна была возникнуть устная полемика. Намъ казалось то и другое не умѣстно въ Педагогическомъ Обществѣ. Тяжело положеніе человѣка, когда онъ, сидя одинъ у себя въ комнатѣ, читаетъ печатныя насмѣшки надъ собою; но каково положеніе его, когда онъ, явясь въ Общество въ ожиданіи серьезнаго разбора своего труда, видитъ, что его трудъ дѣлается предметомъ публичнаго осмѣянія. Согласитесь, что сцена не особенно привлекательная. Многіе изъ присутствовавшихъ не знаютъ въ лицо г. Столпянскаго и, конечно, смѣялись бы и въ его присутствіи; другіе же, знавшіе его въ лицо, вѣроятно, удерживались бы отъ смѣха, вслѣдствіе ли фальшивой гуманности, излишняго благодушія, или вслѣдствіе чего то иного,—объ этомъ предоставляемъ судить другимъ.

Эти соображенія побудили меня сказать нѣсколько словъ. При этомъ я сохранялъ полное уваженіе и къ Обществу, и къ почтенному рецензенту; я желалъ только разъясненій моихъ недоразумѣній. Сначала дѣло пошло такъ

какъ слѣдуетъ, и, вѣроятно, рецензентъ или убѣдилъ бы меня въ ошибочномъ взглядѣ на дѣло, или согласился бы со мною; но на этотъ разъ было дано другое направленіе преніямъ. Когда я высказалъ сожалѣніе, что у насъ гораздо болѣе тратится умственныхъ силъ на порицанія, на насмѣшки, на критику, чѣмъ на положительные труды; то одинъ изъ членовъ увидѣлъ въ этихъ словахъ защиту вредныхъ книгъ, и, обратившись къ Обществу, выразившему сочувствіе высказанной мною мысли, заявилъ: «если Общество намѣрено своимъ сочувствіемъ поддерживать успѣхъ подобныхъ произведеній (ранѣе было упомянуто о книгахъ вредныхъ для народнаго образованія), то *нельзя поздравить Общество съ такого рода сочувствіемъ*.

Сдѣлавши безъ всякаго основанія предположеніе о поддержаніи вредныхъ книгъ, мой оппонентъ лишилъ Общество своего поздравленія. Меня это огорчило: я былъ отчасти виновникомъ этой немилости; но скоро успокоился на той мысли, что Общество, лишившись поздравленія одного изъ своихъ членовъ, не понесло большой потери: оно не получило только того, чего вовсе и не искало. Затѣмъ, тотъ же членъ, воспользовавшись неудачнымъ выраженіемъ моимъ, передѣлалъ его въ болѣе удобную для себя форму, т. е. перенесши на книгу то, что я сказалъ объ авторѣ, не смотря на мое замѣчаніе, спѣшитъ изобличать меня въ непониманіи того, что такое рецензія. «Рецензенту удалось, говоритъ онъ, внушить слушателямъ, что *книга не умна* (этого я и не говорилъ). Я обращаюсь ко всѣмъ, кто когда нибудь бралъ въ руки перо съ цѣлью написать рецензію, *кто, наконецъ, умѣетъ держать его* (обращеніе такимъ образомъ выходитъ за предѣлы Педагогическаго Общества), и спрашиваю, что составляетъ главную цѣль рецензіи, какъ не доказать, что книга умна или не умна?»

Я пробовалъ возразить на это; но меня перебили, спѣша докончить обличенія. Затѣмъ говорили другія лица; я былъ отвлеченъ отъ возраженія на эти странныя слова. — Между прочимъ они, какъ мнѣ кажется, и были ступенью къ тому выводу, который сдѣланъ авторомъ «Добавленія», что нѣкоторые члены не понимали значенія критики.

Мы думали, что задача рецензіи можетъ быть нѣсколько шире, чѣмъ опредѣленіе уменъ или не уменъ авторъ; или, какъ обличившему насъ угодно было перепначить, умна или неумна книга. Это одна изъ задачъ рецензента, но она далеко не опредѣляетъ еще рецензіи. Возьмемъ примѣры: предъ нами книга, представляющая собраніе юридическихъ актовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Рецензентъ можетъ говорить о пользѣ или безполезности подобной книги, о тщательности или небрежности; но объ умѣ собравшаго и издавшаго эти акты ему и въ голову не придетъ толковать. — Является книга компилятивнаго свойства; въ ней приведены мнѣнія, взгляды лучшихъ педагоговъ, цѣлыя страницы изъ ихъ сочиненій, библіографическія указанія очень тщательны; всюду же, гдѣ авторъ этой книги пускается въ соображенія свои собственныя, онъ вполнѣ несостоятеленъ. Рецензентъ, указавши на несостоятельность соображеній самого автора, можетъ рекомендовать книгу, какъ далеко не безполезную.

Положимъ, что составлена исторія какого нибудь учрежденія; приводятся въ большомъ количествѣ и тщательно матеріалы, а выводы изъ нихъ историка крайне нелѣпы. Подобная книга не умна, составитель ея ограниченный человѣкъ; но книга его можетъ быть полезною, и за нее могутъ сказать спасибо. Главная задача рецензента будетъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ доказать

не то, что книга умна или не умна, а указать на то, какъ и какую пользу могутъ извлечь читатели изъ нея. Наконецъ, при разборѣ очень умной книги рецензентъ иногда долженъ обратить главное вниманіе на вредъ ея, если книга приводитъ читателя къ невѣрнымъ выводамъ.

Подобныя соображенія должны быть не чужды всякому писавшему или читавшему рецензіи; а также не должно быть чуждо и правило, что, не уяснивши себѣ чужой мысли, не слѣдуетъ выступать съ рѣзкими обличеніями ея нелѣпости.

Мы никогда не толковали бы объ этомъ, если бы уважаемый авторъ «Дополненія» печатно не уличалъ насъ въ небывалыхъ заблужденіяхъ.

Онъ очень горячо относится къ дѣлу, что было видно изъ его одушевленной рѣчи, а также и изъ «Дополненія», гдѣ онъ говоритъ:

«Я только вступилъ въ члены уважаемаго Общества, я шелъ сюда учиться, трудиться, чаялъ найти разрѣшеніе недоумѣній и вопросовъ... я былъ полонъ надеждъ. Но я былъ *пораженъ и ошеломленъ* публичнымъ провозглашеніемъ и защитою педагогическихъ абсурдовъ» и т. д. Если почтенный сочленъ думалъ, что только и будутъ разрѣшаться недоразумѣнія и вопросы, которые тревожили и занимали его, если онъ не думалъ, что должны въ самомъ Обществѣ возникать новыя недоразумѣнія, новые вопросы, то онъ самъ виноватъ, что его такъ скоро постигло разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, ожидать только неопровержимыхъ истинъ, желать слышать только непогрѣшимыхъ педагоговъ, и вдругъ услышать невѣрныя мнѣнія, даже абсурды — есть отъ чего быть *пораженнымъ и ошеломленнымъ*. Смѣемъ думать, что подобное прискорбное душевное состояніе и на этотъ разъ было причиною, что онъ услышалъ нѣчто такое, чего никто и не говорилъ и, я думаю, и въ мысляхъ не имѣлъ. Вообще, сильная впечатлительность только вредитъ дѣлу.

Пренія тогда могутъ привести къ чему нибудь положительному, когда будутъ происходить sine ira et studio.

Наконецъ прежде, чѣмъ изобличать оппонентовъ рецензіи въ отрицаніи критики вообще и здраваго смысла, авторъ «Дополненія» долженъ былъ разсудить, что не могутъ тѣ отвергать въ принципѣ критику вообще, кто самъ относился критически къ прочтенной рецензіи. Но нашъ почтенный сочленъ былъ такъ сильно пораженъ и ошеломленъ, что ничто подобное не приходитъ ему въ голову. Онъ приходитъ въ Общество *учиться*, но, по его мнѣнію, говорятъ ошибочно, не вѣрно; казалось бы, что должно явиться желаніе въ этомъ случаѣ исправить ошибку, разъяснить дѣло, т. е. *научить;* но у разочарованнаго автора Дополненія является желаніе *проучить* тѣхъ, которые осмѣливаются ошибаться, и онъ взводитъ на нихъ несправедливыя обвиненія.

Если часто будутъ такъ относиться къ заявленіямъ, даже и ошибочнымъ, то надо полагать, что слово останется только на долю непогрѣшимыхъ, если только найдутся такіе. Положимъ, что найдутся; но труднѣе будетъ пріискать слушателей для нихъ, вѣрящихъ въ ихъ непогрѣшимость.

Въ самомъ дѣлѣ, войдите въ положеніе человѣка, желающаго высказаться, но не увѣреннаго, что все высказываемое имъ — неопровержимая истина. Онъ долженъ колебаться, говорить ли ему или нѣтъ. При нѣкоторой робости, онъ рѣшитъ, что лучше молчать. А что, думаетъ онъ, если не ясно выскажусь, и кто нибудь изъ очень опытныхъ педагоговъ скажетъ: «ну, съ этимъ я васъ не поздравляю» или: «помилуйте, вы говорите вещи, которыхъ не

скажетъ и гимназистъ, умѣющій держать перо въ рукахъ». Это еще ничего. А вдругъ кто нибудь изъ уважаемыхъ педагоговъ, не вполнѣ поняви, въ чемъ дѣло, будетъ неожиданно пораженъ и ошеломленъ и печатно заявитъ, что его надежды на Педагогическое Общество разрушены. Нѣтъ, ужь лучше не говорить.

Будемъ надѣяться, что пренія въ Педагогическомъ Обществѣ не часто будутъ принимать подобный характеръ. Припомнимъ, что всѣ мы собираемся для взаимной помощи, для совокупнаго и дружнаго разъясненія нашихъ недоразумѣній, а не для рѣзкихъ обличеній въ ошибкахъ, свойственныхъ всѣмъ людямъ. На томъ же языкѣ, на которомъ провозглашается догматъ непогрѣшимости одного человѣка, существуетъ изрѣченіе: «hominum est errare.» Наконецъ будемъ помнить, что не уловить на словѣ, не сбить говорящаго въ Обществѣ, не запутать его въ противорѣчіяхъ—задача всякаго члена, а помочь ему выпутаться изъ недоразумѣній. Надо всѣмъ намъ заботиться, чтобы пренія наши не превращались въ словесные турниры, на которыхъ пристало блистать храбрымъ рыцарямъ фразы, а не мирнымъ педагогамъ.

В. Сиповскій.

ЗАСѢДАНІЕ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

(3 апрѣля 1871 г.).

Засѣданіе началось чтеніемъ отзыва г. Нараповича о книгѣ г. Ткачева: «Исторія Греціи». Въ началѣ своего чтенія референтъ заявилъ, что по недостатку времени онъ не могъ приготовить разбора книги г. Ткачева, но считаетъ не безполезнымъ прочесть коротенькій отзывъ объ пей, съ указаніемъ наиболѣе выдающихся достоинствъ и недостатковъ. Затѣмъ г. Нараповичъ сообщилъ въ чемъ состоитъ содержаніе новаго учебника, указалъ на оригинальность нѣкоторыхъ пріемовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общепринятой рамкой учебниковъ. «Г. Ткачевъ, сказалъ референтъ, задался задачей—по возможности картинно нарисовать положеніе греческаго народа въ наиболѣе интересныя эпохи его жизни; такимъ образомъ, авторъ отступаетъ отъ господствующей рутины и проводитъ новую, свѣжую мысль, которая сама за себя говоритъ. Но г. Ткачевъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ совладалъ съ своей задачей и, вдавшись въ мелочныя подробности, упустилъ изъ виду болѣе крупныя черты греческой жизни. Наконецъ, авторъ вовсе не указываетъ чѣмъ онъ пользовался при составленіи книги, и слишкомъ смѣло обобщаетъ отрывочныя извѣстія, находимыя имъ въ Гомерѣ и другихъ источникахъ; вслѣдствіе чего трудъ его носитъ на себѣ слѣды поспѣшности и недостаточно серьезной переработки».

Референтъ указалъ на нѣсколько мѣстъ въ книгѣ для подтвержденія своихъ словъ, — наконецъ, указавъ на значительные пробѣлы, выразилъ свое сожалѣніе на счетъ того, что г. Ткачевъ нашелъ нужнымъ такъ слѣпо придерживаться программы заведенія, въ которомъ онъ преподаетъ, и заключилъ свое чтеніе тѣмъ, что привелъ слѣдующія слова самого автора:

«Исторія Греціи съ III вѣка представлена кратко, и вообще выпускается въ учебникахъ *въ томъ соображеніи,* что жизнь Греціи, въ два послѣдніе ея вѣка, во многомъ приняла направленіе, противорѣчащее нашимъ современнымъ понятіямъ о нравственности и благочестіи, и потому, *по мнѣнію лицъ, завѣдующихъ воспитаніемъ, безпристрастное ея изображеніе не можетъ быть допущено* въ училищахъ, особенно женскихъ».

Этотъ аргументъ, по мнѣнію г. Нараповича, не требуетъ никакихъ комментарій,—каждый пойметъ, насколько пригодны такія стѣсненія въ дѣлѣ педагогическомъ.

По прочтеніи реферата г. Нараповича, предсѣдатель предложилъ собранію представить свои замѣчанія по поводу прочитаннаго.

Г. Семевскій. Позвольте мнѣ сдѣлать небольшое заявленіе. Мнѣ кажется, что г. референтъ сдѣлалъ существенный промахъ, въ томъ отношеніи, что не остановился на статьѣ, которая умышленно выпущена составителемъ учебника, вслѣдствіе неизвѣстныхъ соображеній, быть можетъ, уважительныхъ, а, быть можетъ, и не стоющихъ уваженія. Было бы очень желательно, чтобы референтъ указалъ, что въ той части, которую составитель книги совершенно выпустилъ, заключаются такія данныя, которыя могли бы быть съ большимъ удобствомъ помѣщены въ учебникѣ. Такъ что замѣчаніе мое представляется скорѣе въ видѣ сожалѣнія о томъ, что референтомъ не было сдѣлано надлежащей оцѣнки тому чрезвычайно оригинальному заявленію составителя учебника, почти въ первый разъ встрѣчающемуся, а именно, что де составитель такую-то часть опустилъ совершенно, по тѣмъ соображеніямъ, что де въ заведеніи, гдѣ онъ преподаетъ, эта часть не допускается. Было бы хорошо, если бы референтъ доказалъ, что, напротивъ, вовсе не представлялось надобности выпускать эту часть, что ее надо было ввести въ учебникъ.

Г. Нарановичъ. Составитель учебника вамъ совершенно ясно говоритъ, что ему не дозволяютъ разсказывать исторію, начиная съ III вѣка, а вѣдь это такой сильный аргументъ, что тутъ нечего и объяснять, и я отказываюсь.

Г. Семевскій. Но намъ желательно знать, какое же ваше отношеніе къ этому предмету? становитесь ли вы на сторону тѣхъ, которые не позволяютъ изученіе исторіи далѣе III вѣка?

Г. Нарановичъ. Я полагаю, что Общество могло достаточно ясно понять это. Цѣль моего реферата состояла въ томъ, чтобы высказать мое мнѣніе на счетъ того, что̀ г. Ткачевъ *сдѣлалъ*, а не на счетъ того, чего онъ *не дѣлалъ*.

Г. Семевскій. Но вѣдь само по себѣ весьма существенно, весьма рѣзко ваше замѣчаніе о томъ, что г. Ткачевъ подчинился нелѣпымъ соображеніямъ, выпуская изъ своего учебника довольно значительный періодъ... Такое замѣчаніе вамъ бы слѣдовало развить и обставить доказательствами.

Г. Нарановичъ. Мы только этимъ затянемъ время, если будемъ толковать о томъ, на сколько разумно, или не разумно доходить въ чтеніи исторіи до 375 г. и затѣмъ—баста. Я, конечно, нисколько не оправдываю подобнаго отношенія къ наукѣ, это вы понимаете, но я считаю также достаточно яснымъ, что здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе и подвергать критикѣ распоряженія лицъ, завѣдывающихъ воспитаніемъ. Административный произволъ не можетъ быть предметомъ педагогическихъ преній.

Г. Семевскій. Тѣмъ не менѣе вамъ слѣдовало указать, въ какой степени книга неполна, и даже заслуживаетъ-ли она названіе *учебника*.

Г. Нарановичъ. Да, неполна въ такой степени, что въ ней опущена цѣлая часть.

Г. Семевскій. Вашъ выводъ въ этомъ случаѣ будетъ все таки не опредѣленъ; въ концѣ концовъ мы все же остаемся въ недоумѣніи. Вѣдь, быть можетъ, что за этою урѣзкою учебникъ все таки пригоденъ?

Г. Нарановичъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ пригоденъ, но вообще слабъ.

Г. Семевскій. Если я внимательно вслушался, то, мнѣ кажется, вы сказали, что миѳологія выдѣлена изъ учебника и преподается въ особомъ классѣ?

Г. Нарановичъ. Да, я это сказалъ.

Г. Семевскій. Какое-же ваше отношеніе къ этому? Дѣйствительно-ли правъ составитель, что выдѣлилъ эту часть?

Г. Нарановичъ. Вы невнимательно слушали. Я сказалъ, что вообще нахожу страннымъ писать учебникъ исторіи для того или другаго класса, для того или другаго заведенія, такъ какъ у насъ вообще еще очень ограничено число учебниковъ по этому предмету; а потому крайне желательно было бы, чтобы тотъ, кто берется за составленіе подобнаго учебника, составлялъ бы его независимо отъ того, гдѣ онъ преподаетъ, а согласно съ педагогическими требованіями.

Г. Семевскій. Желательно бы было выслушать, какое мѣсто вы отводите въ учебникѣ исторіи—миѳологіи?

Г. Нарановичъ. Но, вѣдь, я говорю о томъ, что написалъ г. Ткачевъ, а не о томъ, что бы написалъ я.

Г. Семевскій. Мое личное мнѣніе по этому поводу такого рода: я думаю, что если дѣлается замѣчаніе о какомъ нибудь учебникѣ, то оно никогда не должно выражаться въ мелкихъ, бездоказательныхъ замѣчаніяхъ; каждое замѣчаніе должно подниматься выше учебника и становиться или яснымъ, логическимъ порицаніемъ, или указаніемъ того, чѣмъ должна быть положительная сторона учебника.

Г. Нарановичъ. Вѣдь критика должна прежде всего заняться отрицательной стороной; только за разрушеніемъ можетъ слѣдовать созиданіе; я могъ представить и положительную сторону, но это уже совершенно другой предметъ, это совершенно зависѣло отъ меня и нисколько не составляетъ необходимой принадлежности всякой критики.

Г. Пятковскій. Мнѣ кажется, замѣчаніе г. Семевскаго совершенно справедливо. Дѣйствительно, недостаточно констатировать факты, недостаточно замѣтить, что въ книгѣ того-то нѣтъ; надо кромѣ этого указать, какою именно, по мнѣнію референта, книга должна быть.

Г. Нарановичъ. То есть, по вашему мнѣнію, если я взялся разбирать учебникъ и сказалъ, что онъ не хорошъ, сказалъ не голословно, а съ указаніемъ на то, что именно нехорошо, то я сейчасъ же долженъ представить планъ новаго учебника. Такъ или нѣтъ?

Г. Пятковскій. Покрайней мѣрѣ высказать вашу мысль, почему напр. вы находите, что такое то упущеніе здѣсь не умѣстно.

Г. Иваньковъ. Я позволю себѣ напомнить г. Пятковскому его возраженіе, сдѣланное въ прошлый разъ...

Г. Пятковскій. Вамъ угодно сводить старые счеты? Извольте.

Г. Иваньковъ. Вы такъ удачно раздѣлили тогда критику на положительную и отрицательную, и находили совершенно законною какъ ту, такъ и другую; такъ что теперь я не понимаю вашего упрека, сдѣланнаго г. Нарановичу за то, что онъ въ своей критикѣ занялся только отрицательною стороною.

Г. Пятковскій. Въ той рецензіи, которую читалъ г. Мѣдниковъ, самый способъ, посредствомъ котораго рецензентъ выбиралъ изъ книги цитаты, уже указывалъ на существованіе предварительнаго плана въ разборѣ книги. Изъ этихъ цитатъ было уже видно, какъ рецензентъ смотритъ на книгу; онъ указывалъ на тѣ именно стороны, которыя, по мнѣнію его, должны быть переработаны указывалъ на тѣ недостатки, которые ярко бросаются въ глаза. За этими отрицательными замѣчаніями весьма ясно представлялись положительныя требо-

вапія. Я думаю, что если рецензентъ представилъ напр. нѣсколько цитатъ изъ исторіи педагогики такого рода, что о педагогической системѣ Руссо приводится только одна фраза Вольтера, то въ этомъ, разумѣется, ясно видно желаніе рецензента указать на то, что, если авторъ книги считалъ нужнымъ говорить о Руссо, то долженъ былъ покрайней мѣрѣ говорить такъ, чтобы изъ его словъ можно было понять что нибудь. Я нахожу, что г. Нарановичъ не представилъ даже рецензіи, а только краткія замѣчанія, изъ которыхъ пельзя себѣ составить понятія о тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ имѣетъ въ виду.

Г. Нарановичъ. Я уже сказалъ въ самомъ началѣ чтенія, что это не есть подробный разборъ книги, а только краткій отзывъ, и съ своей стороны полагаю болѣе умѣстнымъ перейти въ настоящее время къ текущимъ дѣламъ.

Г. Семевскій. Вы не совсѣмъ правы. Къ чему же торопиться? Такое почтенное чтеніе, какъ ваше, наводитъ на добрыя пожеланія относительно всего порядка дальнѣйшихъ чтеній въ нашей семьѣ педагоговъ. Прежде всего желательно бы было (это я говорю вообще о каждомъ лицѣ, берущемся разбирать извѣстное сочиненіе), чтобы рецензентъ непремѣнно установилъ ту точку зрѣнія, съ которой надо смотрѣть на учебникъ такого то рода, для такого то возраста, и для такого то учебнаго заведенія. Опредѣливъ ясно свой взглядъ на ту задачу, за которую онъ берется, указавъ въ какой мѣрѣ подходитъ разбираемый имъ учебникъ подъ выраженныя имъ требованія, онъ въ концѣ концовъ весьма осязательно сдѣлаетъ свои выводы, и мы можемъ провѣрить эти выводы. Въ данномъ случаѣ мы сдѣлать этого не можемъ. Далѣе, нельзя не замѣтить, что въ учебникѣ, съ которымъ я познакомился,— хотя весьма поверхностно, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, такъ что подробнаго впечатлѣнія передать не могу, да оно было бы и неумѣстно, — есть какая-то попыточка встать на новую дорогу, отрѣшиться отъ старой школы; референтъ намекаетъ на это обстоятельство. Съ другой стороны, учебникъ представляетъ чрезвычайно жалкое раболѣпство передъ какими-то странными требованіями, и такъ откровенно, такъ простодушно заявляетъ о своемъ подчиненіи этимъ требованіямъ. Такая оригинальная попытка, съ одной стороны, итти по новой дорогѣ, а съ другой — непонятное подчиненіе какимъ то оригинальнымъ требованіямъ заслуживаютъ того, чтобы рецензентъ остановился на нихъ подолѣе. Вотъ все, въ чемъ заключаются мои весьма скромныя замѣчанія и пожеланія.

Г. Эвальдъ. Вы, г. Нарановичъ, напрасно отклоняетесь отъ всякаго отвѣта на дѣлаемыя вамъ возраженія; въ нихъ есть весьма серьезная мысль. Вы высказали сначала, что разбираемый вами трудъ представляетъ счастливую попытку написать учебникъ съ новымъ содержаніемъ, что онъ совершенно не походитъ на тѣ учебники, которые имѣлись до сихъ поръ; слѣдовательно, вы себѣ представляете, какимъ долженъ быть подобный учебникъ; вы его еще не выработали, не обдумали въ частностяхъ, но ваши требованія уже сдѣланы и, по всей вѣроятности, очень точно опредѣлились относительно всѣхъ существенныхъ пунктовъ учебника. Стало быть, у васъ есть совершенно сформированное мнѣніе по этому новому вопросу. Я полагаю, что въ основаніи замѣчаній, сдѣланныхъ моими предшественниками, лежитъ слѣдующая мысль. Педагогическому собранію вовсе не важно выслушать въ своей средѣ очень бѣглое заявленіе о появленіи такого-то учебника; подобную вещь каждый можетъ

прочесть въ какомъ нибудь журналѣ; но ему въ высшей степени было бы интересно выслушать мнѣніе по поводу вопроса, затронутаго этимъ учебникомъ. Здѣсь можно было коснуться тѣхъ вопросовъ, которые опущены въ этомъ учебникѣ, для того чтобы указать ихъ важность и пригодность къ преподаванію исторіи.

Г. Нарановичъ. Я ничего не имѣю сказать противъ вашихъ замѣчаній и даже противъ замѣчаній гг. Семевскаго и Пятковскаго, противъ сути этихъ замѣчаній. Я не отрицаю ни того, что можно желать выслушать подробный планъ учебника, ни того, что всякое лицо, берущееся разбирать какое либо руководство, должно уяснить себѣ тѣ требованія, съ которыми надо приступать къ разбору. Это совершенно вѣрно. Если писать собственно разборъ какого бы то ни было учебника, то иначе и нельзя приступить къ нему, какъ прежде создать самому совершенно стройный планъ, и затѣмъ посмотрѣть, насколько подъ этотъ планъ подходитъ разбираемый учебникъ, указать на всѣ недостатки учебника и въ результатѣ вывести, чего недостаетъ и что слѣдовало ввести. Но это было бы предметомъ подробнаго разбора, за который я не могъ взяться, по той простой причинѣ, что не могъ имѣть достаточно времени для такого подробнаго разбора, а тѣмъ менѣе еще для изложенія моихъ взглядовъ на то, что собственно должно составлять предметъ преподаванія исторіи. Я не сдѣлалъ этого еще и потому, что это составитъ предметъ особаго реферета, который я думаю въ будущемъ году внести въ Педагогическое Общество, въ видѣ подробной программы учебника исторіи. Я полагаю, что васъ долженъ удовлетворить мой отвѣтъ, доказывающій, что я вовсе не легко отношусь къ дѣлу. Я въ предисловіи сказалъ, что ошибутся всѣ тѣ, кто сочтетъ мой рефератъ за подробный разборъ книги и будетъ ожидать всего того, что ожидали найти въ немъ г. Семевскій и г. Пятковскій; это есть не болѣе, какъ краткій отзывъ, который я считалъ умѣстнымъ представить именно потому, что всѣ эти разы вы слышали о томъ, какъ совершается у насъ преподаваніе исторіи и какъ желательно, чтобы она преподавалась, какіе есть матерьялы по этому предмету, и сегодня мы опять приступимъ сейчасъ къ тезисамъ о томъ же самомъ предметѣ. Вотъ почему я считалъ не безполезнымъ отнять у собранія четверть часа времени и прочесть мой коротенькій отзывъ.

Затѣмъ секретарь собранія прочелъ первый тезисъ г. Сиповскаго: *«Внутренній интересъ учебнаго предмета дѣлаетъ его особенно цѣннымъ для образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей, но на него мало обращается вниманія въ нашихъ школахъ»*.

Г. Сентъ-Илеръ. Я могу сдѣлать только одинъ, скорѣе, вопросъ, чѣмъ замѣчаніе; а именно: не слѣдуетъ-ли въ рефертѣ, или хоть въ тезисахъ, подробнѣе объяснить, что разумѣть подъ именемъ «внутренняго интереса», такъ какъ здѣсь могутъ возникнуть невольныя недоразумѣнія?

Г. Сиповскій. Вы читали рефератъ?

Г. Сентъ-Илеръ. Да.

Г. Сиповскій. Я думаю, что тамъ это выражено достаточно понятно. Я говорилъ, что интересъ внутренній, возбуждаемый въ человѣкѣ какимъ нибудь предметомъ, можетъ быть двоякаго рода. Во первыхъ, спеціалистъ, запасшійся извѣстными свѣдѣніями, можетъ имѣть такъ называемый спеціальный интересъ, потому что его интересуютъ тѣ свѣдѣнія, которыя становятся въ ассоціацію съ существующимъ уже у него любимымъ запасомъ

знаній; такой интересъ естественно можетъ быть только у взрослаго уже человѣка, обладающаго извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній. Въ раннемъ возрастѣ не можетъ быть такого спеціальнаго интереса, такъ что занимать и интересовать здѣсь могутъ только тѣ факты, тѣ явленія, которыя дѣйствуютъ по возможности полно на душу человѣка, т. е. дѣйствуютъ не только на одинъ умъ, но также возбуждаютъ чувство и воображеніе. По этому-то словесное произведеніе, чѣмъ оно живѣе, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать на ребенка и на малоразвитаго человѣка. Вотъ, что я считалъ внутреннимъ интересомъ, который, по моему мнѣнію, можетъ очень часто имѣть мѣсто въ исторіи; я думаю, что исторія есть одинъ изъ тѣхъ дорогихъ предметовъ, которые могутъ основываться на внутреннемъ интересѣ; конечно, къ этому еще въ большей степени относится словесность, но я считаю также необходимымъ отнести сюда и исторію.

Г. Сентъ-Илеръ. Я совершенно согласенъ съ вашимъ взглядомъ на исторію, что предметъ этотъ имѣетъ положительную особенность, составляющую его великое преимущество въ этомъ отношеніи. Но только я думаю, что вы напрасно полагаете, что на этотъ внутренній интересъ до сихъ поръ обращалось слишкомъ мало вниманія въ нашихъ школахъ; потому что, если выразиться проще, то вѣдь этотъ внутренній интересъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать не только на умъ, но и на чувство и даже, кажется, на волю ребенка. Это дѣлалось всегда; часто очень удачно, а иногда и неудачно, потому что иной разъ въ этомъ только и состояло преподаваніе исторіи. Поэтому, мнѣ кажется, что о другихъ предметахъ быть можетъ и можно, но объ исторіи никакъ нельзя сказать, чтобы на этотъ внутренній интересъ, какъ вы его понимаете, до сихъ поръ мало обращалось вниманія.

Г. Сиповскій. Я долженъ замѣтить, что вы не совсѣмъ помните, что я говорилъ.

Г. Сентъ-Илеръ. Не мудрено, это такъ давно было.

Г. Сиповскій. Дѣло въ томъ, что я старался фактически показать, что такое преподаваніе, при ограниченности времени, если и возможно, то въ микроскопическихъ дозахъ. Вотъ, между прочимъ, что я заявлялъ: я говорилъ, что если выкинуть изъ учебника все то, что можно выкинуть по программѣ, которая обязательна для всѣхъ преподавателей, то въ любомъ учебникѣ, употребляемомъ въ нашихъ гимназіяхъ, останется по крайней мѣрѣ страницъ 700 всего курса по общей исторіи и страницъ 250 по русской исторіи. Вамъ извѣстны нѣкоторые учебники, и вы, вѣроятно, знаете, что въ нихъ преобладаетъ преимущественно характеръ фактическаго изложенія. Если распредѣлить число страницъ учебника по числу уроковъ, полагающихся на исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то выйдетъ, что на каждый урокъ приходится по 6—7 страницъ; а между тѣмъ не только на шести, но другой разъ и на двухъ страницахъ столько фактовъ, что если учитель вздумаетъ разсказывать ихъ обстоятельно, т. е. обставлять такъ, чтобы они сколько нибудь дѣйствовали на воображеніе и на чувство, то это окажется физически невозможнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ придется пропустить многое вовсе безъ объясненій и такимъ образомъ предоставить ученикамъ выучивать голые факты по учебнику, или же ограничиться тѣмъ, что передавать немного подробнѣе учебника, т. е. другими словами — не достигнуть цѣли. Я указывалъ, что есть два рода преподавателей; одни, которые любятъ свой предметъ, и эта любовь заставляетъ ихъ рисковать, потому что дѣйствительно не вы-

полнить программы, не держаться учебника—представляется дѣломъ рискованнымъ; во многихъ случаяхъ, положимъ, рискъ — дѣло благородное, но что же выходитъ? Увлекаясь однимъ отдѣломъ, они излагаютъ его живо, обстоятельно, но подъ конецъ—времени остается мало, и обыкновенно кончается тѣмъ, что ученикамъ приходится выучивать по учебнику. А другіе дѣйствуютъ такимъ образомъ, что каждый фактъ стараются сдѣлать болѣе понятнымъ, но только понятнымъ, потому что желаніе дѣйствовать на воображеніе и на чувство требуетъ большой подробности. А гдѣ на это время?

Г. Добряковъ. Я полагалъ бы, что можно нѣсколько примирить съ существующимъ положеніемъ дѣла это желаніе г. Сиповскаго, чтобы при каждомъ объясненіи проходимаго урока вводить такого рода разсказы, которые дѣйствовали бы на воображеніе и производили бы впечатлѣніе на учениковъ. Въ курсѣ исторіи есть событія важныя, при которыхъ дѣйствительно можно возбуждать вниманіе учениковъ подробнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ ихъ; но затѣмъ есть также много событій менѣе важныхъ, второстепенныхъ, о которыхъ совершенно возможно упомянуть кратко, только затѣмъ, чтобы поддержать связь предшествующаго разсказа съ послѣдующимъ. При такомъ способѣ преподаванія я полагаю возможнымъ пройти курсъ, выполнить программу и все таки принести нѣкоторую пользу, т. е. возбудить вниманіе учениковъ и привлечь ихъ любознательность. Не одинъ учитель не является вполнѣ раболѣпнымъ исполнителемъ программы и слѣдователемъ учебника, и я полагаю, что въ практическомъ примѣненіи требованія г. Сиповскаго не могутъ встрѣтить такихъ уже сильныхъ и важныхъ затрудненій, какія онъ предполагаетъ.

Г. Сиповскій. Прежде всего, я кажется упомянулъ, что есть преподаватели, которые дѣйствительно поступаютъ такъ, какъ вы говорите, и я знаю, что здѣсь между нами присутствуютъ такіе почтенные преподаватели, которые не раболѣствуютъ передъ программой и учебникомъ. Но дѣло въ томъ, что, какъ вы совершенно вѣрно выразились,—они такимъ образомъ приносятъ *нѣкоторую* пользу; я совершенно согласенъ, что такое преподаваніе будетъ гораздо выше простаго изученія фактовъ, и что оно принесетъ *нѣкоторую* пользу, тогда какъ я только и говорилъ о томъ, что необходимо имѣть въ виду не «нѣкоторую» пользу, а *большую*.

Г. Добряковъ. Да вѣдь тутъ трудно опредѣлить количество пользы; одни принесутъ болѣе, другіе менѣе.

Г. Сиповскій. Я ее и не мѣряю аршинами...

Г. Добряковъ. Я долженъ сказать, что все таки учебникъ и программа часто спасаютъ и предохраняютъ отъ увлеченія неопытныхъ преподавателей. Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ, что преподаватели, отрѣшившись отъ всякой программы и учебника и держась этихъ, пожалуй, высшихъ требованій, приходили къ самымъ печальнымъ результатамъ, т. е. къ тому, что ученики ничего положительно не извлекали изъ ихъ уроковъ, не пріобрѣтали положительно никакихъ знаній, въ умѣ и чувствѣ ихъ ничего не оставалось. Тогда какъ учебникъ и программа все таки указываютъ дорогу, по которой идетъ преподаватель, и если только онъ съ тактомъ, знаніемъ дѣла и знакомъ съ пособіями, то безъ сомнѣнія можетъ принести пользу и достичь вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ.

Г. Сиповскій. Позвольте вамъ по этому поводу прочитать одно интересное мѣсто изъ статьи почтеннаго г. Беллярминова, написанной вѣроятно въ

молодые годы. Преподаватель этотъ очень опытный; я слышалъ даже, что онъ увлекалъ своихъ учениковъ. Вотъ, что онъ пишетъ: «Что происходитъ отъ подобныхъ изученій? На 40 воспитанниковъ только 16 могли обстоятельно разсказать о конституціи Ликурга и Солона, спустя 2 мѣсяца послѣ изученія этого отдѣла; черезъ 4 же мѣсяца при изученіи Римской исторіи только 11—и то съ помощью преподавателя — могли провести параллель между законами Сервія Туллія и Солона. Когда же приходилось спрашивать учениковъ 5-го класса, то только 9 на 50 опредѣлили общественное положеніе Солона. Для учениковъ же 6-го класса многое представлялось какъ-будто новымъ; такъ, на 35 учениковъ только 6 указали нѣкоторые факты изъ Пунническихъ войнъ, другіе же только запомнили имена главныхъ полководцевъ. Очень блестящіе результаты».

Г. Добряковъ. Это было слѣдствіемъ того, что г. Беллярминовъ,—какъ я его ни уважаю,—опускалъ при преподаваніи нѣкоторые необходимые пріемы, соблюденіемъ которыхъ онъ достигъ бы лучшихъ результатовъ.

Г. Сиповскій. Но вѣдь это хорошій преподаватель, вы сами признаете это.

Г. Добряковъ. Вы сами сказали, что статья написана имъ въ первые годы его дѣятельности, въ началѣ поступленія его въ третью гимназію для преподаванія исторіи.

Г. Сиповскій. Позвольте вамъ замѣтить, что не въ первый годъ его поступленія въ гимназію, потому что въ статьѣ есть факты, которые онъ могъ извлечь только уже послѣ нѣкоторой педагогической опытности.

Г. Евтушевскій. Это было на третій годъ его преподаванія.

Г. Классовскій. Позвольте мнѣ сказать только подъ впечатлѣніемъ того, что я слышалъ, что я вполнѣ раздѣляю точку зрѣнія референта, и высказать нѣсколько своихъ собственныхъ мыслей, которыя тоже совпадутъ съ точкой зрѣнія референта и въ тоже время будутъ служить опроверженіемъ гг. оппонентамъ, насколько я съумѣю это сдѣлать. Во 1-хъ, послѣ цифръ, приведенныхъ въ рефератѣ, послѣ указанія на цифры страницъ, обязательныхъ для изученія, замѣчанія оппонентовъ никакого значенія имѣть не могли, тѣмъ болѣе, что высказывались въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, такъ какъ говорить: «если бы сдѣлать искусно, если бы преподаватель съумѣлъ повести дѣло», такъ говорить — значитъ ровно ничего не сказать, особенно противъ цифръ. Изъ приведенныхъ въ рефератѣ цифръ совершенно ясенъ былъ тотъ выводъ, который принялъ на себя трудъ сдѣлать г. Сиповскій, а именно, что преподаватель, увлекаясь справедливымъ интересомъ, возбуждаемымъ извѣстною эпохою, останавливается на этой эпохѣ, и чрезъ это остается слишкомъ мало времени для выполненія требованій программы, такъ что остальное ему придется сообщить даже въ болѣе сокращенномъ видѣ, чѣмъ оно изложено въ учебникѣ. Какъ можно противъ такихъ устойчивыхъ фактовъ, противъ цифръ, дѣлать какія либо общія возраженія! Теперь, съ другой стороны, совершенно безусловно справедливо, что никакого внутренняго элемента преподаватель не въ состояніи дать даже и тогда, если программа сократится на половину, и вотъ почему все внутреннее, идущее отъ лица преподавателя исторіи, сосредоточится на двухъ центрахъ притяженія: на характеристикѣ людей, болѣе или менѣе психологической, и на характеристикѣ духа времени. Но ни на то, ни на другое у преподавателя не хватитъ времени если программа будетъ даже и втрое короче, потому что — какъ это чрезвычайно ясно высказалъ референтъ, въ то время, когда читалъ свой

рефератъ—только то будетъ понятно и усвоено памятью, разумомъ и сознаніемъ учениковъ, что они могутъ прицѣпить къ тѣмъ ассоціаціямъ, которыя у нихъ уже есть. Этихъ ассоціацій нѣтъ, онѣ не существуютъ въ юношескихъ, ученическихъ міросозерцаніяхъ; будь эти юноши хоть геніи, они все таки никогда не могутъ понимать жизни въ ея истинномъ значеніи. Слѣдовательно, чѣмъ удачнѣе будетъ характеристика, тѣмъ менѣе она найдетъ, такъ сказать, крючечковъ, къ которымъ могла бы прицѣпиться. Стало быть, всякая внутренняя характеристика личностей, идущая отъ психологіи, будетъ совершенно терять свое значеніе. Что же касается до духа времени, то его еще труднѣе передать воспитанникамъ, потому что духъ времени не ясенъ современникамъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь принципъ, работающій въ обществѣ, не совершитъ вполнѣ своего круга, а на это нужны цѣлыя столѣтія; даже историки съ трудомъ улавливали и, большею частью, не могли вѣрно опредѣлить духъ времени. Какъ же возможно требовать, чтобы то, что превосходило силы первоклассныхъ историковъ, было передаваемо, съ цѣлью внутренней характеристики, людямъ того возраста, въ которомъ они вовсе не имѣютъ возможности понять этого и оцѣнить? Очевидно, что весь внутренній интересъ исторіи въ такомъ случаѣ почти исчезнетъ, даже и при другихъ программахъ; а при нынѣшней, — какъ уже доказано положительно цифрами, — этого сдѣлать физически невозможно. *(Апплодисменты).*

Г. Добряковъ. Въ статьѣ г. Сиповскаго говорится, что ученики и преподаватель скучаютъ во время урока, потому что все идетъ по учебнику, по программѣ. Я на это и возразилъ, что все зависитъ отъ умѣнья преподавателя; при самой идеальной программѣ, при самомъ совершенномъ учебникѣ, если дѣло ведется плохо, то и преподаватель и ученики будутъ скучать. Во вторыхъ, я долженъ сказать, что вы нападаете на программу потому, что, быть можетъ, вы не совсѣмъ хорошо знакомы съ ней. Я участвовалъ въ составленіи этой программы; поэтому она мнѣ хорошо знакома. Быть можетъ, вы имѣли въ виду другую?

Г. Классовскій. Программа характеризуется очень ясно числомъ вопросовъ, на которые воспитанникъ обязанъ отвѣтить.

Г. Добряковъ. Это можно сказать о программѣ, существовавшей 10 лѣтъ тому назадъ.

Г. Классовскій. Я имѣлъ въ виду программу, съ которой познакомился 2 года назадъ. Если есть новая—я ея не знаю. Я говорилъ о той, которая сокращена и приноровлена къ учебнику Иловайскаго.

Г. Добряковъ. Она вовсе не разсчитана на учебникъ Иловайскаго.

Г. Классовскій. Этого никакъ нельзя отрицать, потому что учебникъ Иловайскаго признанъ всѣми за единственное руководство.

Г. Добряковъ. Да, онъ признанъ, но программа не подведена къ нему.

Г. Классовскій. Да въ силу порядка вещей она приноровится къ Иловайскому, потому что онъ, съ существующей точки зрѣнія и въ предѣлахъ возможнаго, самый удовлетворительный учебникъ.

Г. Добряковъ. Нельзя сказать, чтобы учителя всегда буквально слѣдовали этому учебнику.

Г. Сиповскій. Въ учебникѣ Иловайскаго 1,000 страницъ; я выкинулъ все то, что позволяетъ выкинуть программа; слѣдовательно, я вовсе не основывался на буквальномъ слѣдованіи Иловайскому...

Г. Добряковъ. Въ средневѣковой исторіи напр. можно выкинуть еще болѣе половины того, что вы выбросили.

Г. Сиповскій. Я все выбросилъ, что возможно, даже исторію славянскихъ государствъ, которую обыкновенно въ гимназіяхъ пропускаютъ своевольно; такъ что я выкинулъ даже болѣе, чѣмъ позволяетъ программа.

Г. Семевскій. Я, къ сожалѣнію, не слышалъ реферата г. Сиповскаго, безъ сомнѣнія, весьма интереснаго. Но изъ бѣглыхъ полемическихъ замѣчаній, я считаю не лишнимъ остановиться на замѣчаніи, если не ошибаюсь, г. Добрякова, именно на той—весьма, правда, робкой—защитѣ, съ которой онъ прибѣгаетъ въ поднору тѣмъ гг. преподавателямъ, которые, весьма добросовѣстно исполняя свою служебную задачу, покорно слѣдуютъ программѣ и не выходятъ изъ рамокъ учебника. Я позволю себѣ замѣтить, что эта защита, хотя и весьма боязливая, весьма осторожная. тѣмъ не менѣе ведетъ къ рутинѣ, къ вялости, къ сухости, къ загроможденію головъ учениковъ массой фактовъ, массой данныхъ, которыя такъ же скоро улетучиваются, какъ, быть можетъ, легко задалбливаются къ экзамену. Я протестую противъ заявленнаго г. Добряковымъ опасенія относительно увлеченія такъ называемыхъ «молодыхъ, неопытныхъ преподавателей». Нѣтъ, мм. гг., этого увлеченія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опасаться. Если молодой преподаватель увлечется какою нибудь частью, главою, отдѣломъ, или даже эпизодомъ передаваемаго имъ предмета—то это увлеченіе является именно слѣдствіемъ того, что онъ болѣе или менѣе внимательно изучилъ этотъ предметъ, самъ заинтересовался имъ и спѣшитъ,—иногда не соображаясь съ объемомъ времени, — подѣлиться своими свѣдѣніями съ слушателями. Позвольте, мм. гг., при этомъ сослаться на вашъ собственный опытъ и сказать, что какъ бы ни были юны ваши слушатели, хотя бы лѣтъ 13—15, повѣрьте, ни одна лекція не запомнится ими такъ легко, не врѣжется такъ рѣзко въ ихъ память, какъ та, въ которой вы именно забывали эту полноту, эту необходимость втиснуть въ ваше изложеніе каждый фактъ, упоминаемый въ программѣ, и, напротивъ, позволяли себѣ останавливаться на отдѣльныхъ главахъ, эпизодахъ, распространяться о нихъ обстоятельнѣе и вносить элементы внѣ—программные. Но г. Добряковъ при этомъ весьма опасливо, весьма осторожно предостерегаетъ: какъ же преподаватель успѣетъ передать свой предметъ согласно требованію программы? Противъ этого я могу сказать, сходясь съ мнѣніемъ референта, что въ этомъ и нѣтъ ни малѣйшей надобности. Пусть себѣ учебникъ остается какъ горькая необходимость, для бѣглаго просмотра передъ экзаменомъ, какъ голый рядъ фактовъ, конспектъ—каковымъ напр. есть учебникъ Иловайскаго, далеко не удовлетворительный, хотя и составляющій громадный шагъ впередъ противъ учебниковъ Кайданова и др. Пусть онъ остается, но пусть и учитель исторіи остается при правѣ увлекать учениковъ, т. е. останавливаться на одномъ какомъ либо, лучше изученномъ имъ предметѣ изъ цѣлаго царствованія, или изъ цѣлаго вѣка, и распространяться о немъ подробнѣе. Вы спросите, какой же будетъ результатъ изъ этого? Мм. гг., теперь уже у насъ есть цѣлая литература по исторіи, есть масса оригинальныхъ и очень много переводныхъ сочиненій; учитель, который своимъ увлекательнымъ разсказомъ заинтересуетъ учениковъ, непремѣнно пошлетъ слушателей къ этимъ книгамъ. Да печего и посылать; мальчики, увлекшись предметомъ, не замѣтивъ какъ пролетѣла лекція, повѣрьте, сами натолкнутся на эту самобытную и самостоятельную разработку литературы предмета. Какъ это ни кажется смѣшнымъ—допускать возможность для мальчика разработки

литературы предмета,—но это положительный фактъ, существующій у тѣхъ преподавателей, которые умѣютъ своимъ изложеніемъ заинтересовать учениковъ передаваемымъ предметомъ. Такъ что не только не нужно опасаться, а напротивъ можно совершенно смѣло желать, чтобы учителя отнюдь не гнались за этою, такъ называемою полнотою фактовъ. *(Апплодисменты).* Какъ бы преподаватель ни старался комкать второстепенные факты, во всякомъ случаѣ, времени, предоставленнаго ему—двѣ лекціи въ недѣлю—такъ мало, что онъ находится внѣ всякой возможности выполнить требованія программы. Нѣтъ, мм. гг., повторяю, будемъ положительно желать, чтобы преподаватель отложилъ въ сторону программу,—составлена ли она при участіи нашего почтеннаго оппонента или безъ его участія, — пусть онъ, пожалуй, смотритъ на нее, какъ на необходимость для экзамена, но въ тоже время пусть онъ самъ себѣ отмѣтитъ эпохи, эпизоды изъ своего предмета, которые онъ ближе изучилъ, которыми онъ самъ увлекся, и пусть онъ это увлеченіе всецѣло передастъ своимъ слушателямъ, даже забывая, что передъ нимъ сидятъ 13—15 лѣтніе мальчики, само собою разумѣется, останавливаясь только на тѣхъ сторонахъ своего предмета, которыя доступны пониманію и возрасту присутствующихъ. Вотъ только о чемъ я рѣшился сдѣлать свое бѣглое замѣчаніе; а отсюда косвенно, разумѣется, вытекаетъ тотъ выводъ, что если масса преподавателей изберетъ такой пріемъ, то повѣрьте, что постепенно въ средѣ составителей программъ явятся такія лица, которыя на опытѣ извѣдали непрактичность, въ смыслѣ образовательномъ, рутиннаго изложенія предмета, и программа сожмется въ тотъ объемъ, въ который г. Добряковъ хочетъ сжать изложеніе второстепенныхъ фактовъ, обратится въ простой наказъ на одной страничкѣ, предоставляющій преподавателю исторіи свободу выбирать изъ обширныхъ эпохъ наиболѣе рельефные эпизоды и смѣло вдаваться въ обстоятельное изложеніе. Вотъ тѣ бѣглыя замѣчанія, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать, и которыя были бы конечно подробнѣе, если бы я нашелъ возможность ближе ознакомиться со статьею нашего почтеннаго референта. *(Апплодисменты).*

Г. Классовскій. То, что вы говорили, безусловно вѣрно; но весь рефератъ г. Сиповскаго составленъ съ точки зрѣнія существующей программы. Всякій авторъ въ правѣ сказать, что онъ даетъ только то, что обѣщалъ заглавіемъ своей книги; такъ г. Нарановичъ заглавіемъ устранилъ отвѣтственность за все остальное; точно также и г. Сиповскій, своимъ рефератомъ, устранилъ себя отъ разсужденій о томъ, что бы могло быть при другихъ условіяхъ. Конечно, то, что вы говорили, само по себѣ безусловно интересно, но къ реферату нейдетъ, потому что г. Сиповскій заявилъ, что онъ разумѣетъ преподаваніе исторіи подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя долженъ взять на себя каждый учитель, берущійся преподавать, такъ какъ иначе его терпѣть не станутъ, скажутъ, что его воспитанники не приготовлены...

Г. Сиповскій. Это не совсѣмъ вѣрно: что касается до замѣчанія г. Семевскаго, то я съ своей стороны долженъ только благодарить его за распространеніе, за развитіе моей мысли.

Г. Добряковъ. Слѣдуя наставленіямъ г. Семевскаго, преподаватель отечественной исторіи увлечется, положимъ, личностью Владиміра Мономаха, затѣмъ личностью Дмитрія Донскаго и 1812 годомъ, и, увлекшись этими тремя вопросами, употребитъ на изложеніе ихъ все предоставленное ему для занятій время. Я сомнѣваюсь въ томъ, что ученики его послѣ этого будутъ знать отечественную исторію. Мы въ правѣ требовать отъ ученика гимназіи знанія

всѣхъ важнѣйшихъ событій русской исторіи, а онъ, при способѣ преподаванія г. Семевскаго, ихъ знать не будетъ. Учитель, быть можетъ, подѣйствуетъ на воображеніе слушателей, заставитъ ихъ запечатлѣть въ своемъ умѣ нѣсколько личностей, и больше ничего.

Г. Семевскій. Заинтересовавъ воспитанниковъ своимъ предметомъ, учитель тѣмъ самымъ заставитъ ихъ прочесть другія историческія сочиненія по этому поводу.

Г. Добряковъ. Но я спрашиваю, будетъ ли удовлетворителенъ такой результатъ знанія исторіи для воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній?

Г. Семевскій. Я скажу только нѣсколько словъ. Вы дѣйствительно прекрасно угадали мою мысль. Положимъ, что, обращаясь къ отечественной исторіи, мы возьмемъ Мономаха, Петра Великаго, 1812-й годъ. Въ личности Мономаха, Донскаго и Петра Великаго, развѣ мы не видимъ представителей тѣхъ эпохъ, въ которыя они дѣйствовали? Развѣ въ событіяхъ, группирующихся вокругъ нихъ, мы не видимъ самаго прекраснаго зеркала, отражающаго ихъ вѣкъ? Если преподаватель съумѣетъ изложить всѣ обстоятельства, соприкасающіяся съ этимъ крупнымъ лицомъ извѣстной эпохи, если онъ прекрасно съумѣетъ это сдѣлать, спрашивается, для чего онъ станетъ распространяться о второстепенныхъ личностяхъ, объ этой плеядѣ князей до Мономаха и послѣ Мономаха, объ этихъ Калитахъ, Симеонахъ Гордыхъ и т. д.? Спрашивается, для чего это? Развѣ только для 5-ти бальной отмѣтки, для того, чтобы ученикъ могъ на экзаменѣ выгрузить цѣлую коробку именъ, цѣлую груду годовъ?

Г. Добряковъ. Нѣтъ, совсѣмъ не для отмѣтки. Эти Калиты, эти Андреи Боголюбскіе и другія лица, которыхъ не малое число, они необходимы для основательнаго знанія отечественной исторіи.

Г. Семевскій. Повѣрьте, что безъ нихъ и не обойдется. Вы дали ученику почву, заинтересовали его предметомъ; онъ быстро самъ ознакомится со всею эпохою, и легко запомнитъ всѣхъ этихъ Симеоновъ Гордыхъ, Андреевъ Боголюбскихъ и друг.

Г. Добряковъ. Т. е. вы полагаетесь на ученика. Вы думаете, что довольно подробнаго изложенія исторіи 4-хъ или 3-хъ лицъ, а что ученикъ самъ сдѣлаетъ все прочее. Если это можетъ быть такъ, то я, конечно, преклоняюсь передъ такими учениками, которымъ достаточно одного возбужденія. Но я думаю, что въ большинствѣ случаевъ такое предположеніе окажется на практикѣ неосуществимымъ, такъ какъ ученикъ, занятый и безъ того многими предметами и работами, едва ли будетъ въ состояніи самъ пройти какъ слѣдуетъ отечественную исторію. То же самое возраженіе можно сдѣлать и по отношенію къ всеобщей исторіи, что одного увлеченія со стороны преподавателя нѣсколькими отдѣльными личностями совершенно недостаточно для ознакомленія учениковъ хотя бы съ основными событіями исторіи.

Г. Семевскій. Позвольте мнѣ дополнить свою мысль и тогда полемика устранится сама собою. Вѣдь исторія не математика, не какая нибудь другая точная наука, въ которой, если выкинуть одно звѣно, то вся цѣпь развалится. Есть науки въ высшей степени точныя, въ нихъ звѣно тянется за звѣномъ; пропустивъ одну часть, вы разрушаете все цѣлое. Исторія ничуть не принадлежитъ къ числу такихъ наукъ. Вотъ, если вы выкинете какого либо образнаго представителя эпохи, если вы отбросите въ сторону Мономаха, или Петра Великаго, или скажете о нихъ нѣсколько отрывистыхъ, громкихъ фразъ, тогда вы дѣйствительно выкинете звѣно изъ исторіи. Но если вы остановитесь на

этихъ главнѣйшихъ личностяхъ съ увлеченіемъ, если вы посвятите имъ оживленный разсказъ, то, повѣрьте, слушатели ваши заинтересуются, полюбятъ предметъ и доищутся въ своихъ учебникахъ и до Калиты, и до Анны Іоанновны, и до Екатерины I, посадятъ каждаго изъ нихъ на свое мѣсто и сдадутъ вамъ ихъ на экзаменѣ.

Г. Эвальдъ. Вы дѣлаете увлеченіе обязательнымъ для учителя.

Г. Семевскій. Безъ него едва-ли мыслимо преподаваніе какого-либо предмета, а тѣмъ болѣе—исторіи.

Г. Сиповскій (къ г. Добрякову). Позвольте васъ спросить, вы считаете исторію, въ ея прагматическомъ изложеніи, наукою или нѣтъ?

Г. Добряковъ. Да.

Г. Сиповскій. Въ такомъ случаѣ я покорнѣйше прошу васъ доказать эту мысль, потому что основательные ученые въ строгомъ смыслѣ не считаютъ ее наукою, а называютъ ее только «дисциплиной», а не наукою. Слѣдовательно нечего и хлопотать о той систематичности, которая можетъ быть вещью крайне необходимою только при изученіи науки. Исторія въ ея настоящемъ положеніи есть только лѣтопись въ болѣе разумномъ видѣ, а исторія, какъ наука, только теперь возникаетъ. Это такъ называемая исторія цивилизаціи. Наука не есть простое изложеніе фактовъ, а предполагаетъ извѣстный методъ, стройную систему и основную идею. Этого въ исторіи, которую вы защищаете, еще нѣтъ. Если вы докажете на основаніи ясныхъ, логическихъ опредѣленій науки, что эта исторія—наука, тогда я готовъ сознаться, что мой рефератъ не имѣетъ никакого значенія, тогда только я иначе посмотрѣлъ бы на дѣло: я сказалъ бы, что этой науки не слѣдуетъ преподавать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. Рашевскій. Для меня непонятными кажутся съ одной стороны мысль референта, а съ другой защита референта, сдѣланная г. Классовскимъ. Г. Классовскій, опираясь на слова реферата, опираясь для того, чтобы подтвердить невозможность прохожденія исторіи въ ея систематическомъ видѣ, приводитъ, между прочимъ, основанія очень серьезныя, говоря, что ни характеристика личности, ни характеристика духа времени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ невозможна по недостатку въ ученикахъ ассоціацій, на которыхъ бы основывалось сознательное изученіе историческихъ фактовъ. Сколько я замѣтилъ, г. референтъ, потомъ г. Семевскій, разъяснявшій идею референта, согласны были съ этими положеніями, потому что противъ нихъ не было заявлено возраженій. Что же въ такомъ случаѣ останется отъ исторіи? Ровно ничего. Слѣдуетъ прямо поставить вопросъ: необходима ли исторія, какъ учебный предметъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же изученіе исторіи должно ограничиться литературно-художественными отрывками, необходимыми для чтенія въ классѣ, съ цѣлью возбужденія интереса и вниманія учениковъ? Я нахожусь въ совершенномъ недоумѣніи. Если отнять отъ исторіи характеристику личностей и духа времени по соображеніямъ, высказаннымъ г. Классовскимъ, то что же останется въ вашемъ увлекательномъ разъясненіи извѣстнаго историческаго факта? Вашъ увлекательный, художественный очеркъ не представитъ исторіи.

Г. Сиповскій. Предполагается, что художественный очеркъ будетъ очеркъ чего нибудь; или вы думаете, что въ немъ ничего не будетъ заключаться?

Г. Рашевскій. Вѣдь замѣчаніе г. Классовскаго осталось безъ возраженія; а между тѣмъ, если отнять отъ исторіи то, что отнимаетъ г. Классовскій, объ

исторіи, какъ учебномъ предметѣ, не можетъ быть и разговора. Я не понимаю, чего собственно хотятъ. Я желаю, чтобы вопросъ былъ поставленъ правильно: признаете ли вы исторію учебнымъ предметомъ, или нѣтъ? Вы сами говорите, что это не есть учебный предметъ, потому что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всякій предметъ преслѣдуетъ умственно-дисциплинарныя цѣли; слѣдовательно, если вы не признаете исторіи учебнымъ предметомъ, вы должны слить ее съ какимъ нибудь другимъ предметомъ, напримѣръ, со словесностью, сдѣлать ее вспомогательнымъ предметомъ.

Г. Классовскій. Я прошу позволенія отвѣтить теперь, такъ какъ дѣло касается меня. Г. Рашевскій поставилъ меня въ ту колею, на которую я самъ хотѣлъ стать. Вопросъ поставленъ очень вѣрно, именно: нужна ли исторія? Я самъ себѣ предложилъ этотъ вопросъ, и утверждаю (и взялся бы доказать, если бы было болѣе времени и я бы приготовился говорить объ этомъ), что этотъ предметъ дѣйствительно невозможенъ. Такъ какъ мое личное мнѣніе, ничѣмъ не подтвержденное, никакой цѣны не имѣетъ, то я пока сошлюсь на статистическіе факты педагогики, я укажу, что въ книгѣ г. Весселя подъ заглавіемъ «Учебный курсъ гимназій», составленной, какъ видно, послѣ подробнаго изученія прусскихъ программъ по регламенту 1856 г., находятся вотъ какіе выводы, относящіеся къ исторіи. Въ прусскихъ гимназіяхъ курсъ почти 4-мя годами длиннѣе нашего, вслѣдствіе того, что во 1-хъ, тамъ 42 учебныхъ недѣли, а у насъ 35; во 2-хъ, тамъ 9 классовъ, а у насъ 7. И несмотря на то, что тамъ курсъ 4-мя годами длиннѣе нашего, несмотря на то, что нѣмецъ,—должно безпристрастно сознаться,—выдержаннѣе славянина, и слѣдовательно нѣмецкіе ученики выдержаннѣе русскихъ, не смотря на все это, тамъ исторія слабо преподается. Ссылаясь на книгу г. Весселя, какъ на авторитетъ, я могу сказать, что у нихъ преподается подробно только исторія Греціи и Рима, и преподается довольно обширно, такъ какъ эти гимназіи классическія. Другой вопросъ—хорошо это, или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ это существующій фактъ. Для всего же остальнаго, извѣстнаго подъ названіемъ исторіи, предлагается самый краткій перечень, не смотря на то, что воспитанники трудолюбивы и находятся въ средѣ, располагающей къ любознательности. Это фактъ. Объ Англіи было говорено въ свое время на основаніи книги Деможо, которая вамъ, вѣроятно, извѣстна; она составлена для бывшаго наполеоновскаго министра, послѣ изученія авторомъ ея англійскихъ школъ, и изъ нея видно, что тамъ исторія вовсе не преподается. Никто, конечно, не вздумаетъ упрекнуть англичанъ въ недостаткѣ патріотизма, а между тѣмъ, у нихъ въ школахъ не преподается исторія Англіи. Неужели это сдѣлалось случайно? Это очень вѣскій фактъ; вѣроятно, убѣдились, что систематическая исторія не для среднихъ учебныхъ заведеній. Г. Добряковъ выразилъ опасеніе: будутъ-ли ученики знать отечественную исторію? Систематически—нѣтъ! Невозможно и знать. Если вы ограничитесь нѣсколькими личностями, положимъ, Мономахомъ, Петромъ Великимъ и т. д., у васъ не будетъ охарактеризованъ удѣльный періодъ. Г. Семевскій сказалъ, что если вѣрно освѣтить личность Мономаха, то все, что предшествовало, можно и пропустить; но на это можно замѣтить, что удѣльный періодъ гораздо болѣе характеризуетъ духъ времени, чѣмъ Мономахъ. Словомъ, при такомъ способѣ преподаванія будетъ безконечный споръ о томъ, что важнѣе и что можетъ считаться второстепеннымъ; одни будутъ останавливаться на извѣстныхъ личностяхъ во имя симпатичности, другіе — во имя ихъ политическаго значенія, третьи затѣмъ,—чтобы охарактеризовать какую

нибудь черту эпохи и т. д. Слѣдовательно, пройти исторію ни въ какомъ случаѣ нельзя, и опасаться, будутъ ли ученики знать отечественную исторію, совершенно безполезно, потому что они знать ее, конечно, не могутъ. Въ англійскихъ и прусскихъ гимназіяхъ уже убѣдились въ этомъ и потому тамъ нѣтъ систематической исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это дѣйствительно аргументъ очень вѣскій, но не отъ меня идущій. Теперь я позволю себѣ очень сжато сказать свое собственное мнѣніе, что исторія вовсе не есть образовательный предметъ. Я приведу факты. Положимъ, что учитель (предполагая, что онъ такой мудрецъ, что найдетъ на это время) задастъ ученику самостоятельный трудъ—сдѣлать сравненіе Іоанна III по Соловьеву и по Карамзину. Что же ученикъ будетъ дѣлать? То же самое, что онъ сдѣлаетъ, если учитель словесности скажетъ ему: «напишите характеристику Бориса Годунова по драмѣ Пушкина». Стало быть, и учитель словесности, и учитель исторіи будутъ дѣлать одно и тоже. Стало быть, исторія никакой самостоятельной работы не можетъ задать ученику, потому что это будутъ работы не историческія, а работы, принадлежащія учителю словесности.

Г. Рашевскій. Я имѣлъ только въ виду ваше заявленіе, очень рѣзкое, но пропущенное безъ вниманія, и мнѣ казалось необходимымъ остановиться на немъ, чтобы правильнѣе поставить тезисы по реферату. Я предложилъ этотъ вопросъ потому, что въ обученіи очень важна воспитательная сторона дѣла, которая соединяется чрезвычайно тѣсно съ преподаваніемъ самаго предмета въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Основывать изученіе исторіи, принявъ ее учебнымъ предметомъ, на увлеченіи ученика, предполагать—увлечется ученикъ, такъ будетъ знать ее, это такое прихотливое и странное желаніе!

В. Ѳ. Эвальдъ. Мнѣ приходится сдѣлать два маленькихъ замѣчанія г. Семевскому. Онъ, возражая г. Добрякову, съ одной стороны представлялъ учителя,—простите за выраженіе,—ѣдущаго на рутинѣ, съ другой—молодаго, энергическаго, талантливаго преподавателя, который оживляетъ классъ, дѣйствуетъ на молодые умы, и что онъ скажетъ, то и засядетъ въ нихъ чрезвычайно глубоко. Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы всѣ учителя, даже старые, обладали этой увлекательностью; но, къ сожалѣнію, это встрѣчается чрезвычайно рѣдко и зависитъ отъ особенной творческой силы, которая присуща не всѣмъ людямъ и находится въ зависимости отъ положенія, темперамента, вѣры въ свой предметъ и т. п. Если вы сопоставляете два способа преподаванія, то надо сопоставлять и равносильныхъ преподавателей, а то вы ставите по одну сторону человѣка вялаго, а по другую—человѣка увлекающагося, талантливаго, такъ какъ учитель не можетъ увлекать какимъ-нибудь вздоромъ, какими-нибудь пустяками, тѣмъ, чѣмъ нельзя подѣйствовать на умъ и на сердце; онъ всегда выберетъ такой предметъ, который можетъ увлечь. Поэтому, я полагаю, о талантливыхъ и увлекающихъ людяхъ не слѣдуетъ говорить какъ о неизбѣжномъ явленіи; надо только радоваться, когда они являются. Но если мы представляемъ себѣ изложеніе какого-нибудь предмета по какому-либо извѣстному способу, то мы должны представить себѣ человѣка самаго обыкновеннаго, прежде всего умнаго, дай Богъ, чтобы благоразумнаго, который все-таки зналъ бы извѣстную мѣру, любящаго свой предметъ и усерднаго. Вотъ что должно быть, и если это есть, такъ слава Богу; а если больше, то это—счастье. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по поводу тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ себѣ сейчасъ представляетъ г. Семевскій.

Г. Семевскій. Я противъ этого немного могу сказать. Вы напрасно низ-

водите то, что мы говорили, только къ дѣятельности нѣкоторыхъ, немногихъ талантливыхъ людей. Вѣдь мое бѣглое замѣчаніе, собственно говоря, было сказано противъ той излишней требовательности полноты, излишней педантичности въ исполненіи программъ, высказанныхъ г. Добряковымъ, который говоритъ, что со стороны учителя должна быть соблюдена формальная сторона дѣла, т. е. чтобы вся программа была бы исполнена, чтобы онъ останавливался на главныхъ фактахъ и чтобы не забывалъ ни одного второстепеннаго факта изъ программы. Я говорилъ, и опять-таки повторяю, что это положительно не нужно, не только для преподавателей, выходящихъ изъ ряда вонъ, а даже для тѣхъ, которые далеко звѣздъ съ неба не хватаютъ. Я говорю, что преподаватель исторіи непремѣнно долженъ остановиться, какъ мнѣ кажется, на наиболѣе типическихъ представителяхъ, событіяхъ и личностяхъ извѣстной эпохи, подробнѣе остановиться на этомъ, старательно избрать и изложить факты. Въ такомъ случаѣ ученикъ хотя и получитъ представленіе объ одномъ только событіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и массу разнородныхъ фактовъ, которые хорошо засядутъ ему въ голову; затѣмъ уже на этой почвѣ ему легко будетъ усвоить номенклатуру остальныхъ фактовъ. Тутъ, мнѣ кажется, не надо ни особенныхъ талантовъ, ни особенныхъ способностей и тому подобнаго. Притомъ же не надо забывать, что мы, во всѣхъ нашихъ рефератахъ, всегда имѣемъ въ виду типъ *лучшаго* учителя, отыскиваемъ эти идеалы, желаемъ, чтобы они являлись чаще и чаще въ толпѣ обыденныхъ преподавателей. Вотъ почему и наши пожеланія вполнѣ возможны и умѣстны.

Г. Эвальдъ (обращаясь къ г. Классовскому). Вы ссылаетесь на книгу Весселя...

Г. Классовскій. Уставъ прусскихъ гимназій 1856 г., изданный министромъ фонъ Мюлеромъ, онъ до сихъ поръ существуетъ въ неприкосновенности.

Г. Эвальдъ. Этотъ уставъ цѣликомъ помѣщенъ въ извѣстномъ сочиненіи Визе, который, подъ названіемъ Verordnungen und Gesetze, собралъ не только всѣ постановленія, изданныя законодательною властью, но и министерскія распоряженія, даже распоряженія нѣкоторыхъ мѣстныхъ областныхъ учрежденій, которыя касаются преподаванія. Потомъ существуетъ еще другое сочиненіе, позднѣе изданное, касающееся собственно преподаванія въ реальныхъ и бюргерскихъ школахъ. Вездѣ въ прусскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ и бюргерскихъ школахъ 2 и 3 разряда, вездѣ исторія преподается, и даже такъ, какъ у насъ ее и невозможно преподавать. Тамъ курсъ разсчитанъ на 6 классовъ, — простите, если я буду говорить о томъ, что вамъ всѣмъ извѣстно. Это сдѣлано чисто изъ экономіи. У нихъ собственно 9 классовъ; но такъ какъ недостаетъ денегъ, чтобы платить учителямъ всѣхъ 9 классовъ, то они прибѣгаютъ къ слѣдующему: вопервыхъ, ученики остаются въ первомъ классѣ годъ, во второмъ также годъ, въ третьемъ опять годъ и, наконецъ, въ послѣдующихъ по два года. Слѣдовательно, если мальчикъ поступитъ въ заведеніе 9 лѣтъ, то онъ выходитъ 18 или 19 лѣтъ, потому что трудно себѣ представить, чтобы нѣмцы были такой даровитый народъ отъ колыбели, чтобы они девятилѣтній курсъ могли пройти въ 9 лѣтъ, а, вѣроятно, и у нихъ, какъ вездѣ, проходится онъ въ 10 лѣтъ. Стало быть, молодые люди въ старшемъ классѣ находятся въ девятнадцати и двадцатилѣтнемъ возрастѣ. Въ старшихъ классахъ и преподается исторія: въ терціи бываетъ два урока, въ секундѣ—4, а въ примѣ—6; итого ученики имѣютъ 12 уроковъ, и притомъ въ томъ возрастѣ, когда наши молодые

люди находятся уже на второмъ курсѣ въ университетѣ. Вы, вѣроятно, согласитесь, что такимъ ученикамъ можно преподавать такъ, какъ читаетъ профессоръ университета, а не такъ, какъ нашимъ ученикамъ 7 класса. Слѣдовательно, исторія въ Германіи, на основаніи прусскаго закона, поставлена чрезвычайно высоко, и существуетъ дѣйствительно хорошее и основательное указаніе на то, какъ должно преподавать этотъ предметъ. Въ немъ прусскій министръ выказалъ все уваженіе къ образовательности исторіи, все уваженіе къ ея значенію. Итакъ, въ Германіи этотъ предметъ преподается; на него назначено, какъ оказывается, 12 уроковъ въ старшихъ классахъ; такъ что, я не знаю, откуда г. Вессель взялъ свое удостовѣреніе. Я позволю себѣ обратиться еще къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ. Это, правда, было очень давно; поэтому, вѣроятно, съ тѣхъ поръ все далеко ушло впередъ. Въ 1860 г. мнѣ удалось побывать нѣкоторое время въ Германіи; я остановился на нѣсколько дней въ Берлинѣ и ходилъ въ сосѣднюю классическую гимназію. Я тогда самъ занимался преподаваніемъ исторіи и мнѣ интересно было послушать, какъ преподается она тамъ. Первый классъ, который я посѣтилъ, оказался старшимъ; въ немъ ученики слушали отечественную исторію; — дѣло шло о семилѣтней войнѣ, и учитель необыкновенно подробно, въ талантливомъ и оживленномъ разсказѣ, разобралъ только два года этой войны. Я слышалъ не разсказъ учителя, а чисто университетскую лекцію. Въ предъидущемъ классѣ я слышалъ слѣдующее: преподавали эпизодъ изъ греческой исторіи, преподавалъ тотъ же самый учитель, — это опять была чисто университетская лекція,—онъ разсказывалъ о походѣ Дарія Гистаспа на Грековъ, разбиралъ политическія отношенія, которыя существовали въ Малой Азіи, и указывалъ, что эти отношенія не давали Дарію Гистаспу полной возможности думать, что Грецію будетъ непремѣнно завоевана. Въ третьемъ классѣ преподавалась исторія среднихъ вѣковъ, также съ величайшими подробностями. Учитель только что передъ тѣмъ разсказалъ эпизодъ изъ борьбы Гвельфовъ съ Гибеллинами при Фридрихѣ Барбароссѣ, разсказалъ какимъ образомъ изъ Баваріи и Саксоніи отдѣлены были владѣнія, изъ которыхъ образовались независимыя лены, и такъ какъ въ это время было много выдающихся личностей — епископовъ, то онъ о каждомъ изъ нихъ говорилъ чрезвычайно подробно. Я не слышалъ, какъ отвѣчаютъ ученики, но по тому глубокому вниманію, по тому оживленію, которое было видно на лицѣ учителя, — нельзя же увлекаться передъ спящими дѣтьми,—я предполагалъ, что учитель былъ любимъ, что его уроки чрезвычайно интересны, и ученики, вѣроятно, знали все пройденное. Въ самомъ младшемъ классѣ дѣйствительно былъ какой-то очень тощій очеркъ всеобщей исторіи, состоявшій изъ одной номенклатуры. Это былъ весьма ординарный, весьма недаровитый учитель, онъ преподавалъ исторію вмѣстѣ съ географіей; кажется, цѣль его была сообщить ученикамъ нѣчто въ родѣ подробной хронологіи и больше ничего. Во всѣхъ остальныхъ классахъ исторія преподавалась такъ, какъ у насъ не можетъ преподаваться. Слѣдовательно, я возстаю противъ того, что нѣмцы считаютъ этотъ предметъ необразовательнымъ. Я полагаю, что такой логичный народъ, какъ нѣмцы, непремѣнно выбросили бы его изъ курса, если-бы считали его такимъ; но напротивъ того, они придаютъ ему вотъ какое значеніе: они полагаютъ, что онъ долженъ имѣть нравственное вліяніе, дѣйствуя вообще и спеціально: вообще—увлекая идеалами, спеціально—возбуждая патріотизмъ. Или лучше сказать: исторія, заставляя дѣтей разбирать и этимъ пользоваться тѣми свойствами матеріала, кото-

рыя принадлежатъ ей, какъ и многимъ другимъ предметамъ — хотя ей, можетъ быть, и въ меньшей степени,—заставитъ ихъ рѣшать, соображать, дѣлать выводы, эти выводы сообщать и т. д.; и все это въ предѣлахъ курса. Слѣдовательно, я не вижу, чтобы нѣмцы считали этотъ предметъ не общеобразовательнымъ, и главное протестую противъ того, что онъ не преподается въ Германіи; онъ преподается очень подробно на ряду съ другими предметами, и даже у меня въ рукахъ были очень подробныя программы. Во французскихъ профессіональныхъ школахъ, въ которыхъ курсъ, если не ошибаюсь, проходится четыре года, точно также преподается исторія древняя, средняя, новая, и въ особенности отечественная; и даже преподается съ такими подробностями, которыхъ наши преподаватели не позволили бы себѣ допустить, боясь обременить память учащихся. Если мы возьмемъ учебникъ Дюрюи, который писалъ его, конечно, не для себя и не для читателей, а для учениковъ; то мы увидимъ, что онъ въ высшей степени подробенъ. На основаніи этихъ программъ, утвержденныхъ правительствомъ для цѣлаго ряда школъ, имѣющихъ не общеобразовательное, а спеціальное назначеніе, я не рѣшаюсь согласиться съ тѣмъ, чтобы во Франціи исторія не играла никакой роли въ школахъ; въ коллегіяхъ, я полагаю, должно-быть тоже самое. Что касается до Англіи, то, я думаю, приводить ее въ примѣръ нельзя, потому что она менѣе всякой другой страны регламентировала свое ученіе; слѣдовательно, тамъ каждая школа идетъ какъ ей угодно, общихъ правилъ нельзя ввести.

Г. Предсѣдатель. Я съ своей стороны добавлю, что за два года передъ этимъ мнѣ пришлось прожить довольно долгое время въ Гейдельбергѣ, гдѣ я познакомился съ Веберомъ, извѣстнымъ вамъ по изданію большаго и краткаго учебника, у насъ переведеннаго; и бывалъ у него на лекціяхъ, которыя онъ читалъ во всѣхъ классахъ. Я подтверждаю слова Влад. Өед., что всеобщая исторія, древняя, средняя и новая, преподается въ такомъ размѣрѣ, съ которымъ нельзя сравнить даже большой учебникъ Вебера, съ большими подробностями и оживленностью. Притомъ прилагается сокращенная программа, въ которой всѣ происшествія помѣчены съ хронологическими обозначеніями, для того, чтобы о нихъ не упоминать на самыхъ лекціяхъ. Этимъ устраняется трата времени на записываніе и выучиваніе наизустъ тѣхъ лекцій, которыя читаются; сами лекціи назначены для того, чтобы развивать и разъяснять эти сухія программы.

Г. Классовскій. Позвольте мнѣ возразить. Я недаромъ оговорился, что я ссылаюсь на того, кто отвѣчаетъ самъ за себя. Я даже могъ бы привести сказанную тамъ фразу, именно, что исторія Греціи и Рима проходится очень обширно, и этимъ, можетъ быть, объясняется, почему на исторію въ сложности употребляется немалое число уроковъ; что, же касается до остальнаго, то оно все проходится въ видѣ самаго краткаго перечня. Я очень радъ, что сослался на свой источникъ,—я на нынѣшній разъ совершенно спокоенъ, хотя приведенные вами аргументы имѣютъ гораздо болѣе вѣса, опираясь на вѣрный источникъ, тогда какъ я говорилъ наскоро, эпизодально. Что касается до Франціи, тамъ дѣйствительно исторія преподается вообще очень подробно. Говоря объ Англіи, я сослался на рапортъ, представленный Дюрюи. Этого мало; мнѣ случалось въ Англіи разговаривать съ англичанами, занимающимися преподаваніемъ, и они подтвердили, что нигдѣ, не смотря на различіе обученія въ школахъ, даже напр. въ Итонѣ, исторія не преподается. Теперь я поз-

волю сказать себѣ, въ видѣ догадки, что при самостоятельности, которою пользуется въ Германіи преподаваніе, при отсутствіи стѣсненій, очень можетъ быть, что гимназія, которую посѣтилъ г. Эвальдъ, была исключеніемъ изъ общаго правила и преподаваніе тамъ было чрезвычайно обширно.

Г. Вороновъ. Въ 1864 году я былъ въ Берлинѣ и посѣтилъ одну классическую и одну реальную гимназію, гдѣ директоромъ Ранке; въ оба заведенія я случайно попалъ на урокъ исторіи и могу тоже засвидѣтельствовать, что исторія тамъ преподается весьма подробно.

Г. Классовскій. Я сослался на источникъ, за который спокоенъ.

Г. Пятковскій. Нельзя не удивляться, что г. Весселъ утверждаетъ это.

Г. Классовскій. Позвольте мнѣ сказать два слова по поводу замѣчанія г. Семевскаго касательно того, что мы имѣемъ въ виду учителей идеальныхъ. Но идеалы различны; можетъ существовать и идеалъ умѣренности... (*Смѣхъ*).

Г. Эвальдъ. Я хотѣлъ прибавить нѣсколько словъ, вотъ какого содержанія. Когда намъ приводятъ въ примѣръ другія училища, то дѣйствительно иногда самому нельзя знать то, о чемъ говоришь, потому что много разъ можетъ случиться, что не узнаешь того, что самъ читалъ объ этомъ самомъ предметѣ.

Г. Классовскій. Это было-бы печально.

Г. Эвальдъ. Вы привели, что въ книгѣ г. Весселя говорится, что исторія Греціи и Рима проходится весьма подробно. Вѣроятно, тамъ тоже говорится о подробномъ преподаваніи отечественной исторіи, не помните-ли?

Г. Классовскій. Это для васъ все равно.

Г. Эвальдъ. Если-бы и умолчали объ этомъ, то можно вывести слѣдующее: совѣтуютъ довольствоваться исторіей Греціи и Рима и затѣмъ отечественной. Вѣдь, кажется, можно сдѣлать такой выводъ? Но какая громадная разница между Саксоніей, Пруссіей, и Россіей! Какъ скоро въ школахъ первыхъ государствъ учитель разсказалъ исторію древняго міра, то переходитъ къ исторіи своего государства, берется за средніе вѣка; разсказывая исторію своего государства, какъ бы мало оно ни было, учитель непремѣнно долженъ коснуться всѣхъ важнѣйшихъ эпохъ средневѣковой исторіи. Съ этой же отечественной исторіей онъ входитъ въ новую исторію всей Европы; онъ непремѣнно будетъ говорить о главнѣйшихъ событіяхъ вѣка возрожденія, реформаціи и тридцатилѣтней войны, такъ что въ нѣмецкой школѣ мальчикъ, проходя исторію своего государства, достаточно знакомится и съ всеобщей исторіей. Если онъ не будетъ знать исторіи Россіи, то для него, какъ жителя западной Европы, это будетъ небольшая потеря, потому-что западная Европа ничего отъ насъ не заимствовала. Другое положеніе учителя исторіи въ Россіи. Онъ непремѣнно долженъ познакомить учениковъ съ исторіей родины и съ исторіей запада, потому-что мы много заимствовали оттуда; такъ что, не зная исторіи запада, мы не можемъ понимать и отечественной. Слѣдовательно, учитель исторіи у насъ поставленъ въ очень невыгодное положеніе, такъ какъ ему дается такое множество матеріала, которое онъ не можетъ переработать. Я это сказалъ по тому поводу, что если гдѣ-либо придается такая важность изученію древней и, положимъ, хотя отечественной исторіи, то слѣдуетъ помнить, что это можетъ касаться только школъ западной Европы; но никакъ не нашихъ.

Г. Классовскій. Я не успѣлъ еще примѣнить къ нашимъ, я касался только...

Г. Шалфѣевъ. Вопросъ, который въ настоящую минуту возбужденъ въ

нашемъ Обществѣ, мнѣ кажется вопросомъ первостепенной важности. До тѣхъ поръ, пока не порѣшимъ его такъ или иначе, безполезны пренія о методѣ. Желая хоть сколько нибудь послужить разъясненію его, я выскажу свое мнѣніе относительно исторіи какъ предмета общеобразовательнаго курса. Г. Сиповскій въ своемъ рефератѣ отрицаетъ собственно исторію, какъ учебный предметъ. Въ одномъ изъ предъидущихъ засѣданій я ему предложилъ такой вопросъ: допускаетъ-ли онъ реальное преподаваніе исторіи, или только формальное? Онъ отвѣчалъ, что допускаетъ реальное; но изъ преній оказалось, что онъ допускаетъ только формальное; онъ сказалъ, что въ курсѣ отечественной исторіи достаточно остановиться на одномъ или двухъ явленіяхъ.

Г. Сиповскій. Я этого не говорилъ; если и сказалъ, то не здѣсь или, можетъ быть, въ томъ смыслѣ, что лучше знать одну эпоху обстоятельно, чѣмъ всѣ поверхностно.

Г. Шалфѣевъ. Г. Сиповскій нѣсколько разъ упрекалъ членовъ Общества въ томъ, что они не понимаютъ его основной мысли. Мнѣ кажется, что этотъ упрекъ надо обратить на г. Сиповскаго. Отлично обработавъ отрицательную сторону своего реферата, онъ въ другой, положительной, оставилъ вопросъ совершенно неуясненнымъ; неуясненнымъ потому, что самъ себѣ не уяснилъ во-первыхъ цѣли, къ которой должно стремиться преподаваніе исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, во-вторыхъ, не указалъ ясныхъ началъ, которыми долженъ руководиться преподаватель при выборѣ историческаго матеріала. Преслѣдовать одно формальное развитіе въ общеобразовательномъ курсѣ, по моему мнѣнію, нельзя. Какъ я понимаю, задача общаго образованія состоитъ не только въ формальномъ развитіи. Никто не откажетъ въ формальномъ развитіи Лютеру, который такъ логично опровергалъ своихъ оппонентовъ, тѣмъ не менѣе Шерръ разсказываетъ про него такой фактъ. Однажды Лютеръ встрѣтилъ на берегу какой-то рѣчки идіота, при этомъ онъ обратился къ народу и велѣлъ бросить его въ воду. Будучи въ формальномъ отношеніи прекрасно развитъ, Лютеръ былъ убѣжденъ, что идіотъ — порожденіе діавола. Я думаю, что общеобразовательный курсъ долженъ имѣть реальное направленіе и я позволю себѣ сказать, какъ я понимаю реальное образованіе. Въ настоящее время у насъ въ газетахъ идетъ очень ожесточенная полемика о реальномъ и классическомъ образованіи. Реалисты наши преимущественно напираютъ на то, чтобы въ общеобразовательномъ заведеніи преобладали естественныя науки. Но мнѣ кажется, если бы мы устроили такое заведеніе, въ которомъ преобладали бы однѣ естественныя науки, то, не смотря на все ихъ великое значеніе, это была бы такая же крайность, какую представили бы, по моему мнѣнію, заведенія, гдѣ почти все время отдавалось бы изученію латинскаго и греческаго языка.

Предсѣдатель. Позвольте обратить васъ къ вопросу.

Г. Шалфѣевъ. Это относится къ вопросу. Я позволилъ себѣ только выяснить свою точку зрѣнія, иначе то, что я скажу, не будетъ имѣть значенія. Я думаю, для того, чтобы общее образованіе достигало своей цѣли, надо позаботиться о томъ, чтобы не вводить собственно наукъ въ общеобразовательный курсъ; но надо изъ области наукъ о природѣ и наукъ соціальныхъ выбрать свѣдѣнія, которыя могли бы быть усвоены учениками и послужили бы имъ основаніемъ для научнаго міросозерцанія. Исторія занимаетъ весьма почтенное мѣсто въ области соціальныхъ наукъ, она много сдѣлала, много оказала услугъ и оказываетъ даже въ настоящее время. Спрашивается,

что-же мы должны взять изъ этой науки въ общеобразовательный курсъ? До сихъ поръ составители руководствъ, старались представить всю исторію человѣческаго рода въ трехъ тощихъ книжкахъ. Составители прежнихъ руководствъ въ предисловіяхъ обыкновенно говорили, что исторія есть наука, которая показываетъ постепенное развитіе человѣческаго рода. Современные составители руководствъ этого не говорятъ; напримѣръ, Иловайскій не употребляетъ этой фразы; тѣмъ не менѣе, перелистывая его руководство, мы видимъ желаніе представить всесторонюю картину развитія человѣчества. Въ его руководствѣ найдете и исторію философіи, и исторію позитивныхъ наукъ и т. д. Такимъ образомъ, энциклопедичность и вмѣстѣ съ ней по небходимости слишкомъ поверхностное изложеніе—составляютъ существенный недостатокъ настоящаго преподаванія исторіи. Я не скажу, чтобы такое преподаваніе было совсѣмъ безполезно: и оно можетъ принести пользу. Напримѣръ, въ шестомъ классѣ ученикъ, имѣя хорошаго преподавателя, можетъ довольно основательно ознакомиться съ какимъ нибудь явленіемъ, ну хоть съ реформаціей, начнетъ читать серьезныя сочиненія—Маколея, Прескотта и т. д. Чтобы устранить тотъ недостатокъ въ преподаваніи исторіи, на который я указалъ, намъ надо сократить учебный матеріалъ. Для этого нужно объяснить себѣ ту задачу, которую должно преслѣдовать, преподавая исторію въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, пріискать тѣ ясныя, руководящія начала, которыми надо пользоваться при сокращеніи историческаго матеріала. Г. Сиповскій въ одномъ изъ своихъ тезисовъ говоритъ, что конечная цѣль изученія исторіи—это пониманіе современнаго государственнаго и общественнаго строя; но я думаю, что съ предлагаемымъ имъ методомъ онъ не дойдетъ до этой цѣли. Напримѣръ, познакомивъ ученика съ монгольскимъ нашествіемъ, онъ не познакомитъ его съ образованіемъ государственной территоріи. Я говорю, что прежде всего, по возможности, надо уяснить тотъ государственный и общественный строй, среди котораго живетъ ученикъ, для чего и надо пользоваться историческимъ матеріаломъ. Положимъ, такой фактъ: крестьянинъ не надѣваетъ фрака, а баринъ надѣваетъ; у мальчика законный вопросъ почему? Чтобы объяснить это, надо обратиться къ прошлому; тутъ является необходимость взять въ курсъ изъ историческаго матеріала вопросъ о реформѣ Петра Великаго. Такимъ образомъ, съ моей точки зрѣнія, исторія отечественная должна стоять на первомъ планѣ, и изъ нея надо взять тѣ явленія, которыя служатъ уясненіемъ главныхъ основаній современнаго государственнаго и общественнаго быта нашей родины. Если мы будемъ руководствоваться такимъ взглядомъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, множество фактовъ и явленій, на которыхъ останавливаются въ настоящее время составители историческихъ руководствъ, выпадутъ сами собой и, напротивъ того, многое придется обработать и освѣтить. Слѣдовательно, при выборѣ матеріала изъ отечественной исторіи надо руководиться національной точкой зрѣнія; такъ какъ для русскаго важны такіе факты, которые для нѣмца, напримѣръ, не имѣютъ того значенія. Очень странно было бы видѣть образованнаго человѣка, который ничего не слыхалъ, напримѣръ, о прикрѣпленіи крестьянъ...

Г. Сиповскій. Спросите многихъ образованныхъ людей, изучавшихъ въ школѣ систематическіе учебники, какъ произошло прикрѣпленіе крестьянъ,—они этого не знаютъ.

Г. Шалфѣевъ. Я не назову такихъ людей образованными. У насъ до сихъ

поръ историческій курсъ представлялъ двѣ половины, совершенно разрозненныя: общая исторія—сама по себѣ, отечественная—также сама по себѣ. Общая исторія представляетъ такой громадный матеріалъ, который не подъ силу ни одному преподавателю; ему никогда не изучить основательно всего матеріала, затрогиваемаго, напримѣръ, въ учебникѣ Иловайскаго. Я думаю, что матеріалъ изъ отечественной и общей исторіи долженъ составлять одно цѣлое, и въ общей исторіи достаточно остановиться на общечеловѣческихъ и общеевропейскихъ явленіяхъ и главнымъ образомъ на тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ непосредственную связь съ настоящимъ. Напримѣръ, въ общеобразовательномъ курсѣ исторіи нельзя обойти вопросъ о папской власти, но нѣтъ надобности перечислять всѣхъ папъ и представлять исторію ихъ; затѣмъ нельзя не сказать о Магометѣ, когда у насъ въ Россіи такъ много магометанъ; нельзя не говорить о Лютерѣ, когда мы постоянно имѣемъ дѣло съ послѣдователями его. Такимъ образомъ, вотъ главныя руководящія начала для выбора историческаго матеріала съ точки зрѣнія задачъ реальнаго образованія. При этомъ еще надо имѣть въ виду вотъ что. Всѣ вопросы, затронутые наукой, но не разъясненные, не должны быть вносимы въ курсъ; кромѣ того, вопросы весьма сложные, которые не подъ силу юному уму, должны быть опущены, напр. говорить о Гегелѣ, о Спинозѣ нѣтъ никакой надобности. Если бы мы, согласно указаннымъ началамъ организовали историческій учебный матеріалъ, то, во-первыхъ, преподаватель былъ бы поставленъ въ такое положеніе, что самъ могъ бы основательно изучить этотъ матеріалъ, во-вторыхъ, достигалась бы преподаваніемъ чисто реальная цѣль, и матеріалъ не былъ бы такъ громаденъ, чтобы въ три, четыре года воспитанникъ не могъ его усвоить. Г. Эвальдъ совершенно справедливо ссылается на примѣръ Пруссіи. Очень естественно, что тамъ въ реальныхъ школахъ преподается исторія. Представьте себѣ, что у насъ образовалась бы реальная школа, изъ которой одни воспитанники пойдутъ въ технологическій институтъ, другіе въ институтъ путей сообщенія, и такіе воспитанники при вашемъ методѣ будутъ знать изъ отечественной исторіи только два—три явленія. У насъ, напр., весьма подробно излагается устройство ареопага, а не дается никакихъ свѣдѣній объ устройствѣ окружнаго суда. Съ моей точки зрѣнія, множество фактовъ можно выкинуть изъ курса исторіи, но въ такомъ случаѣ это будетъ не научный курсъ, а только нѣкоторыя данныя изъ одной изъ соціальныхъ наукъ, введенныя въ общеобразовательный курсъ. Поэтому необходимо также ввести въ него нѣкоторыя данныя и изъ другихъ соціальныхъ наукъ; напр. нужно давать воспитанникамъ понятіе о различіи уголовнаго судопроизводства отъ гражданскаго, понятіе о кредитѣ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать.

Г. Сиповскій. Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ. Прежде всего скажу, что вы прочли цѣлый рефератъ. Конечно, лучше было бы, если бы вы въ самомъ дѣлѣ представили все высказанное вами въ видѣ реферата и тезисовъ, тогда это было бы яснѣе.

Шалфѣевъ. Дѣло въ томъ, что мы собрались здѣсь для разъясненія вопроса, и читать сряду нѣсколько рефератовъ по одному и тому же предмету—неудобно.

Сиповскій. Однако нѣкоторые пытаются это сдѣлать...

Шалфѣевъ. Я хотѣлъ сказать, что если бы я вздумалъ представить свой рефератъ вслѣдъ за вашимъ, то у Общества это отняло бы много времени; между тѣмъ годъ кончается, времени остается немного.

Г. Сиповскій. Я замѣтилъ только, что трудно возражать, когда было много сказано...

Г. Шалфѣевъ. Если угодно, я сформулирую.

Г. Сиповскій. Нѣтъ, позвольте: я, кажется, понялъ. Прежде всего вы говорите, что я не уяснилъ цѣли. Это дѣло условное. Я могу говорить довольно понятно, нѣкоторые поймутъ, другіе не поймутъ, для такихъ, разумѣется, это покажется неяснымъ: это уже зависитъ отъ способности пониманія, различной у каждаго человѣка. Во вторыхъ, цѣль тогда только можетъ уясниться, когда будетъ представлена самая работа, самое осуществленіе той задачи, которую я хотѣлъ представить здѣсь благосклонному вниманію Педагогическаго Общества; слѣдовательно, я просилъ бы не ставить мнѣ этого въ укоръ. Нѣкоторые упрекали меня въ томъ, что я не представилъ программы, но вѣдь программа есть половина работы. Затѣмъ мнѣ возражали на то, что было сказано не здѣсь. Вы, г. Шалфѣевъ, говорите, будто я сказалъ, что надо ограничиться двумя фактами...

Г. Шалфѣевъ. Вы здѣсь это говорили,

Г. Сиповскій. Надо понимать, въ какой формѣ сказано...

Г. Шалфѣевъ. Ваши оппоненты защищали систематическій курсъ,—вы и сказали: Я возьму руководство В. И. Водовозова и остановлюсь на двухъ случаяхъ изъ русской исторіи. Общество въ правѣ спросить васъ, на какомъ основаніи вы остановитесь, напримѣръ, на монгольскомъ игѣ?..

Г. Сиповскій. Позвольте васъ остановить, а то мы никогда не кончимъ. Я поставилъ свою цѣль прямо, опредѣленно, далъ возможность понять ее всѣмъ желающимъ: если же кому не понятно, то въ послѣдствіи, когда мнѣ удастся осуществить работу, которой я задался, цѣль моя выяснится ему яснѣе. Мнѣ больше всего бросилось въ глаза вотъ какого рода обстоятельство: вы, уважаемый преподаватель, котораго я самъ имѣлъ удовольствіе слушать и которому я очень благодаренъ, вы преподаете систематическій курсъ; между тѣмъ, извините меня, мнѣ кажется, что вы сами не совсѣмъ ясно понимаете положеніе одного факта въ ряду другихъ фактовъ въ исторіи, а между тѣмъ въ систематическомъ курсѣ это почти единственная задача. Вы между прочимъ приводите вотъ какой фактъ, упрекая меня, что я стою за формальное преподаваніе. Я останавливаюсь на этомъ фактѣ потому, что онъ мнѣ кажется чрезвычайно многозначительнымъ. Кому, какъ не систематику понимать духъ времени, опредѣлять значеніе извѣстнаго обстоятельства въ цѣломъ рядѣ логическихъ фактовъ, а между тѣмъ вы говорите вотъ что...

Г. Шалфѣевъ. Я не защитникъ нынѣшняго систематическаго курса.

Г. Сиповскій. Вы привели примѣръ о Лютерѣ, вы говорили, что человѣкъ этотъ былъ только формально развитъ, а между тѣмъ не понималъ такихъ вещей, что нельзя идіота бросать въ воду. Что Лютеръ не былъ только формально развитъ, это, я думаю, скажетъ вамъ всякій преподаватель исторіи, потому что на основаніи однихъ только формальныхъ способностей нѣтъ возможности осуществить въ обществѣ новую идею. Это разъ; а во вторыхъ, чрезвычайно странно то, что вы не поняли, что тотъ фактъ, что Лютеръ велѣлъ бросить идіота въ рѣку, показываетъ духъ того времени; умнѣйшій человѣкъ не могъ отрѣшиться отъ предразсудковъ своего времени и такъ относился къ такимъ фактамъ. Абсурдъ этотъ для насъ совершенно ясенъ, такъ какъ онъ показываетъ духъ времени, и вовсе нельзя его ставить въ укоръ Лютеру, въ укоръ его формальному развитію, какъ нельзя и намъ

грѣшнымъ ставить въ укоръ то, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ явятся гораздо лучшія понятія, чѣмъ наши; на то мы люди, чтобы зависѣть отъ условій времени. Въ подтвержденіе того, что этотъ фактъ нисколько не говоритъ противъ реальнаго развитія ума Лютера, я приведу вамъ фактъ еще болѣе знаменательный: мнѣ кстати припомнился. Аристотель – это ли не великій умъ? А между тѣмъ онъ утверждалъ, что рабы созданы самой природой для того, чтобы быть рабами. Вотъ какая дикая мысль! Если принять вашу точку зрѣнія, то и его можно уличить въ одномъ формальномъ развитіи. Затѣмъ вы говорите, что въ Лютерѣ развита преимущественно одна формальная сторона, между тѣмъ мы знаемъ, что въ спорѣ съ Эккомъ онъ страдалъ оттого, что Эккъ былъ болѣе сильный діалектикъ. Смотрите, какъ важно значеніе реальной мысли,—она всетаки преодолѣла эту діалектику и восторжествовала!—Далѣе, вы заявляете требованіе, что въ исторію долженъ входить матеріалъ. Зачѣмъ же представлять такое требованіе? Вѣдь это будетъ абсолютное ничто, если матеріала не будетъ.

Г. Шалфѣевъ. Я не говорилъ просто матеріалъ, я указывалъ какой именно.

Г. Сиповскій. Какой же матеріалъ?

Г. Шалфѣевъ. Я уже указывалъ.

Г. Сиповскій. Это были все частныя замѣчанія; теперь перейду къ общимъ, чѣмъ я и думаю закончить.

Г. Шалфѣевъ. Позвольте возразить на эти частныя замѣчанія, именно относительно Лютера.

Г. Сиповскій. Позвольте мнѣ кончить. Я отчасти вижу, что оказался слишкомъ большимъ смѣльчакомъ, такъ какъ разсчитывалъ встрѣтить въ Обществѣ прежде всего совѣтника. Можетъ быть, это была слишкомъ смѣлая мысль. Меня поразило вотъ что. Толковали о цѣли преподаванія, причемъ многіе, не прочитавши реферата, брались уяснять мою мысль. Нѣкоторые очень удачно это сдѣлали, другіе же только еще болѣе запутали дѣло. Нѣкоторые сдѣлали сообщенія о преподаваніи во Франціи, Германіи и Англіи. Положимъ, всѣмъ было чрезвычайно полезно это знать; но меня удивляетъ только одно, что просто сообщали факты, а не выражали къ нимъ никакого отношенія, а мнѣ казалось, что это должно было быть. Если мы имѣемъ право гордиться тѣмъ, что у насъ такіе хорошіе учителя, какъ нѣмецкіе педагоги, то они не стали бы гордиться учениками, доходящими до такого рабства, что одно заявленіе о томъ, что въ Германіи преподаютъ исторію по учебнику Вебера, намъ кажется фактомъ очень многознаменательнымъ. Это обстоятельство меня нѣсколько непріятно поразило. Теперь я отвѣчу и на ваши и на нѣкоторыя другія заявленія, что я неясно формулировалъ свою цѣль. Между прочимъ почтенный г. Рашевскій говорилъ, что я уничтожаю исторію; но я спрашиваю васъ, что вы называете исторіей? Если то, что преподается, то вы печально ошибетесь.

Г. Рашевскій. Я называю учебнымъ—предметъ въ извѣстной его полнотѣ, припаровленный къ возрасту учащихся.

Г. Сиповскій. Такимъ припаровленнымъ къ курсу и возрасту является любой изъ нашихъ учебниковъ.

Г. Рашевскій. Если бы они были таковы, то ихъ не надо бы было разбирать. Я говорю вамъ, ставьте вопросъ проще.

Г. Сиповскій. Я поставилъ вопросъ очень просто. Я сказалъ, что нуженъ

сборникъ, представляющій художественные очерки важнѣйшихъ событій исторіи. Сказавъ «важнѣйшихъ событій», я показалъ, что разумѣю не всю исторію, а только части ея.

Г. Рашевскій. Если вы говорите «художественный очеркъ,» то это будетъ исторія словесности; слѣдовательно, вы отрицаете исторію, какъ учебный предметъ.

Г. Сиповскій. Я вотъ какъ различаю учителя словесности отъ учителя исторіи. Учитель словесности будетъ указывать на художественныя красоты, разбирать ихъ, указывать, въ чемъ онѣ состоятъ, а учитель исторіи будетъ пользоваться художественнымъ изложеніемъ, чтобы произвести на ученика болѣе сильное впечатлѣніе, чтобы такимъ образомъ заложить фундаментъ, на которомъ онъ будетъ строить свое зданіе.

Г. Рашевскій. Это двѣ цѣли одного и того же лица.

Г. Классовскій. Значитъ, учитель словестности будетъ заниматься только слогомъ? Этого теперь не бываетъ.

Г. Сиповскій. Что касается до возраженія, что я не указалъ на реальныя стороны, то оно мнѣ кажется страннымъ, потому что я прямо поставилъ цѣль, что исторія должна дать опредѣленныя понятія о современномъ государственномъ и общественномъ строѣ, что къ этой цѣли можно подойти не изложеніемъ всей исторіи, а изложеніемъ историческихъ очерковъ главнѣйшихъ событій. Я вовсе не говорилъ, что изъ русской исторіи должно ограничиться только однимъ разсказомъ о монгольскомъ игѣ, но сказалъ, что надо выбрать самые характерные факты. Я программы еще не составлялъ; можетъ быть, наберется шесть, восемь фактовъ; мнѣ же главное важно не количество ихъ, а то, какъ будутъ ученики относиться къ этому дѣлу. Ученику будетъ данъ такой полный очеркъ, что запомнить его со всѣми подробностями не будетъ никакой возможности; тогда онъ съ помощью учителя сначала отдѣлитъ самую сущность содержанія; учитель, конечно, долженъ давать какъ можно больше возможности работать. Самое распредѣленіе фактовъ должно находиться въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ;— это уже будетъ дѣло учителя...

Г. Рашевскій. Словесности?

Г. Сиповскій. Развѣ учитель словесности можетъ объяснять ученикамъ общественное и государственное устройство? Однимъ словомъ, я заканчиваю тѣмъ, что думаю, что, указавъ на отрицательную сторону дѣла, я самымъ отрицаніемъ показалъ до извѣстной степени положительную сторону, потому что, какъ могли замѣтить, я вовсе не выбиралъ отдѣльныхъ фразъ, не доводилъ ихъ до абсурда, не смѣялся только надъ этими учебниками, а старался указать на самыя существенныя стороны. Затѣмъ я прямо сказалъ въ своемъ рефератѣ, что я не считаю нужнымъ, даже возможнымъ, развивать въ отдѣльности мой планъ преподаванія, а только выставляю основной принципъ. Но я оставляю за собой право развить мой планъ впослѣдствіи; когда я это сдѣлаю, мнѣ будутъ пріятны эти частныя замѣчанія, а теперь они только утомляютъ, не касаясь сущности.

Предсѣдатель. Вы изволили замѣтить, что исторія, какъ наука, есть исторія цивилизаціи.

Г. Сиповскій. То есть это только попытка; она будетъ исторіей цивилизаціи.

Предсѣдатель. Есть два міра, которые, впрочемъ, соединяются: одинъ міръ—физическій, другой міръ—нравственный. Каждый изъ нихъ имѣетъ

свои законы, которые, какъ я сказалъ, не разъединены. Законъ физическаго міра—это общеобразовательный предметъ, законы нравственнаго—это историческій предметъ, это исторія, но къ этому прибавляется (и теперь разрабатываютъ эту часть) такъ называемая *психологія народовъ*; вотъ это будетъ наука исторія.

Г. Сиповскій. Благодарю васъ за это замѣчаніе; я съ нимъ совершенно согласенъ.

Г. Шалфѣевъ. Позвольте сказать нѣсколько словъ относительно факта изъ дѣятельности Лютера, который я привелъ. Я вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что Лютеръ былъ только формально развитъ, напротивъ, онъ былъ реально развитъ, но развитъ какъ членъ общества XVI вѣка.

Г. Сиповскій. Онъ выше своей эпохи не поднимался.

Г. Шалфѣевъ. Я думаю, что деревенскій мальчикъ тоже реально развивается, когда слушаетъ разсказы о лѣшихъ, домовыхъ; это тоже реальное развитіе. Но я говорилъ о цѣли реальнаго образованія; я имѣлъ въ виду, что наши школы должны заботиться о формальномъ развитіи, но чтобы при этомъ ученику давались извѣстныя данныя, какъ изъ области наукъ соціальныхъ, такъ и естественныхъ, чтобы не случился фактъ, подобный тому, который случился съ Лютеромъ. Не далѣе какъ нынѣ газеты сообщаютъ намъ, что въ Одессѣ греки напали на евреевъ и разграбили многіе дома. Это, безъ сомнѣнія, люди, получившіе реальное образованіе, но реальное въ извѣстномъ смыслѣ.

Г. Сиповскій. Зачѣмъ же вы упомянули про этотъ фактъ изъ жизни Лютера?

Г. Шалфѣевъ. Я хотѣлъ только объяснить, какъ я понималъ этотъ фактъ. Вы говорили, что я не попялъ Лютера, человѣка XVI ст. Вы хотите сказать, что я защищаю систематическій курсъ, который у насъ существуетъ, напр. Иловайскаго. Но я заявляю, что я отнюдь не защитникъ такого систематическаго курса.

Г. Сиповскій. Но и не противникъ?

Г. Шалфѣевъ. Нынѣ существующаго—противникъ. Я говорю, что изъ области исторіи должны быть взяты извѣстныя событія, которыя, сообразуясь съ цѣлями, мной указанными, надо изложить въ извѣстной системѣ. Противъ системы нельзя вооружаться;—какой бы матеріалъ ни былъ выбранъ, все-таки онъ долженъ быть изложенъ въ системѣ; и у васъ даже будетъ своя система.

Г. Сиповскій. Разница тогда только будетъ понятна, когда вы обратите вниманіе на то, что тутъ существенное различіе заключается не въ количествахъ, а въ характерѣ, въ пріемахъ преподаванія, что я надѣюсь показать до извѣстной степени, когда прочту свой урокъ. Но это будетъ послѣ каникулъ.

Г. Шалфѣевъ. Вы напрасно упрекнули своихъ оппонентовъ въ томъ, что они злостно отнеслись къ вамъ.

Г. Сиповскій. Я привелъ фактъ.

Г. Шалфѣевъ. Всѣ оппоненты высказывали вамъ свои мнѣнія, свои мысли съ тѣмъ, чтобы уяснить вопросъ.

Г. Сиповскій. Я только долженъ поблагодарить двухъ лицъ, которые старались понять въ чемъ дѣло; это были г. Классовскій и г. Семевскій.

Г. Шалфѣевъ. А на остальныхъ взводите обвиненіе, что васъ не старались попять...

Г. Сиповскій. Еще г. Рашевскій хотѣлъ объяснить мою мысль, но, мнѣ кажется, онъ не совсѣмъ ее усвоилъ.

Г. Шалфѣевъ. Мнѣ кажется, я понялъ вашу мысль, па сколько я способенъ понимать, тѣмъ болѣе, что я читалъ вашъ рефератъ.

Г. Пятковскій. Я хочу васъ спросить, можно-ли возбудить слѣдующій вопросъ. По поводу вашего реферата вамъ было сдѣлано замѣчаніе, что требованія, которыя вы заявляете, должны быть обращены къ учителю словесности, а не къ учителю исторіи.

Г. Сиповскій. Слѣдовательно, Граповскій былъ преподавателемъ словесности?

Г. Пятковскій. Я еще не предъявилъ своего вопроса, а вы мнѣ задаете уже свой. Я хотѣлъ только спросить: какъ собственно вы разграничиваете задачу словесности въ объемѣ гимназическаго курса и задачу исторіи? Я замѣчаю, что вы такъ приблизили исторію къ словесности, что онѣ какъ бы сливаются. Вы даже высказали ту мысль, что исторія есть только фрагментъ изъ исторіи цивилизаціи, и такое же мнѣніе высказано въ книгѣ г. Стоюнина, которую я считаю очень хорошимъ руководствомъ къ преподаванію литературы. Слѣдовательно, я вамъ задаю вопросъ: согласны ли вы отвѣтить, какъ вы раздѣляете образовательное значеніе одного предмета отъ другаго? Прочтя вашъ рефератъ, тотчасъ же настойчиво является мысль о соединеніи исторіи съ словесностью.

Г. Сиповскій. Я отвѣчу вамъ въ слѣдующій разъ.

Предсѣдатель. Г. Нарановичъ!

Г. Нарановичъ. Я вотъ что хотѣлъ сказать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Педагогическое Общество преніями, которыя въ немъ происходятъ, непремѣнно желаетъ достичь какой нибудь цѣли. Слѣдовательно, разъ возникъ вопросъ о томъ, что преподаваніе исторіи въ нашихъ заведеніяхъ рутинно, то желательно, чтобы оно не было рутинно, и вотъ я думаю, что надо измыслить такой практическій пріемъ, который могъ бы осуществить это желаніе Педагогическаго Общества, ясно всѣми сознаваемое. Мнѣ кажется, что былъ бы пригоденъ вотъ какой пріемъ. Я задался мыслью въ теченіе лѣта составить очень подробную программу одной какой-либо части исторіи, не могу сказать теперь какой именно, древней, средней или новой. Это, по моему мнѣнію, отвѣчало бы тѣмъ требованіямъ, которыя были заявлены. Не найдется-ли еще нѣсколько лицъ изъ среды нашего Общества, которыя задались бы такой-же задачей, и не найдетъ-ли Общество полезнымъ отложить пренія объ этомъ предметѣ до тѣхъ поръ, пока практическое разрѣшеніе задачи не явится въ видѣ нѣсколькихъ программъ, составленныхъ людьми, занимающимися этимъ предметомъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ эти люди обсудили въ средѣ своей этотъ вопросъ и договорились до одной общей программы, которую бы и представили на разсмотрѣніе Обществу? Тогда будемъ говорить не объ общихъ принципахъ, а о томъ, какъ слѣдуетъ выполнить эту педагогическую задачу по части исторіи. Когда программа будетъ составлена, я полагалъ бы даже полезнымъ просто объявить хоть конкурсъ на премію, чтобы пригласить людей, занимающихся этимъ дѣломъ на практикѣ, разработать этотъ вопросъ.

Предсѣдатель. Г. Добряковъ!

Г. Добряковъ. Я хотѣлъ обратиться къ Обществу съ слѣдующимъ пред-

ложеніемъ. Всѣ пренія привели къ двумъ положеніямъ. Одно допускаетъ исторію какъ предметъ общеобразовательнаго курса; самъ г. Сиповскій, не называя ее наукой, но извѣстнымъ учебнымъ предметомъ, вводитъ ее въ курсъ. Г. Классовскій, напротивъ, исключаетъ исторію изъ средне-учебныхъ заведеній. Онъ привелъ сперва факты изъ заграничнаго положенія исторіи; но эти факты были опровергнуты. Затѣмъ онъ хотѣлъ доказать, что исторія не имѣетъ общеобразовательнаго характера, и потому, я полагаю, что Общество въ правѣ требовать отъ г. Классовскаго реферата, въ которомъ онъ докажетъ намъ, почему исторія не имѣетъ мѣста въ общеобразовательномъ курсѣ средне-учебныхъ заведеній; тогда, на основаніи реферата, мы представимъ возраженія г. Классовскому, а затѣмъ уже будемъ продолжать пренія по тезисамъ г. Сиповскаго. Необходимо раздѣлить эти два дѣла.

Г. Классовскій. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Педагогическое Общество, ни одно мнѣніе, высказанное въ какой бы то ни было формѣ, не было векселемъ, выданнымъ въ такомъ видѣ, чтобы это обязывало составлять рефератъ.

Г. Добряковъ. Чтобы вамъ возражать на то, что исторія не имѣетъ мѣста въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, надо слышать ваши доказательства.

Г. Классовскій. Я говорилъ на основаніи чужаго реферата, какъ говорятъ обыкновенно, на скоро, не приготовившись. До сихъ поръ въ уставъ Общества не входилъ законъ, который смотрѣлъ бы, какъ на вексель, на отдѣльно сказанное мнѣніе.

Г. Пятковскій. Мнѣ кажется, вы проводите мысль, что исторія не представляетъ общеобразовательнаго предмета, — въ вашемъ Курсѣ Педагогики; слѣдовательно, желающіе возражать могутъ къ нему обращаться.

Г. Классовскій. Согласенъ.

Г. Добряковъ. Слѣдовательно, вы отказываетесь представить рефератъ?

Г. Классовскій. Я не отказываюсь, потому что мнѣ не предлагаютъ; и предлагать никто не можетъ.

Г. Рашевскій. Ну, а просить могутъ?

Г. Классовскій. Это сопряжено съ потерей времени. Какъ ни кратко я выразилъ свою мысль, но изъ нея нельзя вывести, чтобы я исключалъ изъ программы гимназій исторію... Г. предсѣдатель косвеннымъ образомъ предупредилъ насъ, что настаетъ время окончить наши пренія.

Г. Пятковскій. Мысль г. Классовскаго дѣйствительно заслуживаетъ разработки. Она опиралась, кажется, только на примѣръ Германіи и Англіи; но такъ какъ оказалось сегодня же, что эта ссылка неосновательна, то желательно было бы, чтобы г. Классовскій прінскалъ другіе аргументы и его мысль не осталась бы безъ доводовъ.

Г. Предсѣдатель. Разъ мы начали пренія по одному реферату, то по нашимъ правиламъ мы должны ихъ окончить. Что-же касается до предложенія г. Нарановича, то оно будетъ, вѣроятно, принято всѣми тѣми, кто занимается этимъ предметомъ.

Г. Волковъ. Не удобнѣе-ли будетъ перенести обсужденіе программы въ коммиссію?

Г. Предсѣдатель. Будущій разъ мы будемъ продолжать пренія.

Г. Рашевскій. 17 апрѣля г. Волковъ прочтетъ рефератъ: «О собираніи насѣкомыхъ и растеній» и будутъ продолжаться пренія по тезисамъ г. Сиповскаго и, если останется время, пренія по тезисамъ г. Чернявскаго.

ЗАСѢДАНІЕ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

(17 апрѣля 1871 г.).

Предсѣдатель. Къ предложенію г. Нарановича я имѣю честь прибавить отъ себя слѣдующее. Если Обществу будетъ угодно избрать коммиссію или, лучше сказать, утвердить тѣхъ членовъ, которые заявятъ свое желаніе участвовать въ этомъ дѣлѣ, то въ такомъ случаѣ, мнѣ бы казалось, надо просить коммиссію прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, есть-ли въ самомъ дѣлѣ исторія общеобразовательный предметъ. Чтобы это рѣшить, необходимо, мнѣ кажется, выяснить себѣ значеніе *общаго образованія.* Это такое слово, такое выраженіе, которое у насъ безпрестанно употребляется, но употребляется въ различномъ смыслѣ. Часто бываетъ очень полезно, при употребленіи на какомъ нибудь языкѣ какого либо выраженія, переводить это выраженіе на другой языкъ, и тогда сама собой исчезнетъ та неясность или, по крайней мѣрѣ, это поможетъ исчезнуть той неясности, которая на нашемъ родномъ языкѣ встрѣчается въ данномъ выраженіи и которая приводитъ къ разнообразнымъ выводамъ. Такъ, если выраженіе *общее образованіе* перевести на нѣмецкій языкъ, то оно будетъ allgemeine Bildung. Что же это значитъ? Нѣмцы подъ этимъ разумѣютъ два совершенно различныя понятія, а именно: подъ allgemeine Bildung разумѣютъ обыкновенно формальное развитіе, т. е. навыкъ къ постоянному труду, труду добросовѣстному, настойчивому, послѣдовательный навыкъ къ труду самостоятельному и, слѣдовательно, своеобразному. Это первое значеніе *общаго образованія*, allgemeine Bildung. Другое же значеніе этого понятія состоитъ въ томъ, что подъ нимъ разумѣютъ сообщеніе массы свѣдѣній, которыя будутъ потомъ необходимы. Мнѣ кажется, что въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ воспитанниковъ преимущественно къ поступленію въ спеціальныя заведенія, необходимо обратить вниманіе на то, чтобы предметъ былъ преподаваемъ какъ общеобразовательный во всѣхъ значеніяхъ, иначе будетъ односторонность. Поэтому для формальнаго образованія дѣйствительно достаточно, если отдѣлы исторіи будутъ обработаны такимъ образомъ, что пріучатъ къ своеобразному, самостоятельному труду, къ труду постоянному, словомъ, къ тому, что разумѣется подъ формальнымъ значеніемъ выраженія: „общее образованіе.“ Но мы не должны забывать въ тоже время того (это я знаю по опыту, имѣя честь быть столько лѣтъ профессоромъ въ университетѣ), что большинство наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, не-

премѣнно предполагаетъ массу историческихъ свѣдѣній, безъ которыхъ профессору невозможно преподавать своего предмета такъ, какъ слѣдуетъ преподавать въ университетѣ, т. е. какъ самоцѣльную науку въ полномъ смыслѣ этого слова, предполагающую множество подготовительныхъ знаній. Это требуется во всѣхъ факультетахъ, за исключеніемъ, быть можетъ, естественно-математическаго. Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что нѣтъ ни одного университетскаго предмета, какъ науки, который не предполагалъ бы массы историческихъ свѣдѣній; поэтому недостаточно явиться въ университетъ подготовленному только съ формальной стороны. Это замѣчали многіе. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи на исторію надо смотрѣть, мнѣ казалось бы, съ точки зрѣнія общеобразовательнаго предмета. Я заявляю это мнѣніе только для того, чтобы будущая коммиссія, если ей суждено составиться, рѣшила это отрицательно или положительно, но обойти этотъ вопросъ едва-ли будетъ удобно. Не угодно ли сдѣлать возраженіе тѣмъ членамъ, которые намѣрены вступить въ коммиссію?

Г. Сиповскій. Позвольте мнѣ сказать. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ исторія у насъ преподается съ той точки зрѣнія, на которую вы желали ее поставить...

Предсѣдатель. Позвольте васъ перебить, я сказалъ съ двухъ...

Г. Сиповскій. Я имѣю въ виду интересъ университетскій. Дѣло въ томъ, что было бы интересно спросить профессоровъ тѣхъ факультетовъ, для которыхъ исторія необходима, довольны ли они знаніями молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ? Преподаваніе теперь основано только на фактическомъ знаніи, а между тѣмъ въ концѣ концовъ ученики приходятъ къ тому, что они ни фактовъ историческихъ не знаютъ, ни исторіей не интересуются. Тотъ способъ, который я предлагалъ, приведетъ къ такому результату: учитель не дастъ всей исторіи, но отдѣльными моментами возбудитъ въ ученикахъ интересъ къ исторіи, вслѣдствіе чего они сами еще въ среднеучебныхъ заведеніяхъ прочтутъ общіе курсы исторіи, такъ какъ извѣстно, что заинтересованные частностями заинтересуются и общимъ. Слѣдовательно, тутъ ученикъ пойдетъ отъ частнаго къ общему и въ результатѣ будутъ болѣе солидныя знанія, даже относительно количества фактовъ, чѣмъ при томъ способѣ преподаванія, который признается нужнымъ въ настоящее время.

Предсѣдатель. Я принадлежу къ школѣ такъ называемыхъ положительныхъ мыслителей или философовъ, слѣдовательно, могу убѣдиться только въ томъ, что видѣлъ на опытѣ, вашего же преподаванія я на опытѣ не видалъ; а потому, можетъ быть, то, что вы говорите, и совершенно вѣрно, но я не могу рѣшить вопроса a priori прежде опыта.

Г. Сиповскій. Опытъ показалъ, что ученики, при настоящемъ веденіи преподаванія исторіи, не подготовлены...

Предсѣдатель. Опытъ показалъ не въ вашихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ исторія не преподается какъ слѣдуетъ, а въ западныхъ учебныхъ заведеніяхъ...

Г. Гейлеръ. Если не ошибаюсь, вы раздѣляете мнѣніе Бенеке?

Предсѣдатель. Я раздѣляю мнѣніе опыта, я высказываю свое мнѣніе.

Г. Гейлеръ. Въ такомъ случаѣ позвольте сообщить нѣкоторые выводы, которые Бенеке представилъ во второй части своего сочиненія: «О воспитаніи и обученіи». Онъ говоритъ, что изученіе исторіи въ полномъ размѣрѣ ея конструкціи доступно только вполнѣ зрѣлому человѣку, а потому она къ курсу общеобразовательныхъ заведеній не относится. Во вторыхъ, государ-

ственныя отношенія, преимущественно ихъ внутренній характеръ и обсужденіе оныхъ, къ курсу общеобразовательному не относятся. Въ третьихъ...

Предсѣдатель. Достаточно этихъ двухъ примѣровъ. Этого не могъ сказать Бенеке.

Г. Гейлеръ. Позвольте, я вамъ могу представить Бенеке.

Предсѣдатель. Если и сказалъ, то ошибается. Я слушалъ Бенеке, но никогда этого отъ него не слыхалъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: могутъ-ли быть терпимы въ университетѣ историческія, а тѣмъ болѣе философскія, умозрительныя науки? Какъ, по вашему мнѣнію, студентъ 17 лѣтъ является въ университетъ—зрѣлый или не зрѣлый?

Г. Гейлеръ. Нѣтъ, я его не считаю зрѣлымъ.

Предсѣдатель. Съ какихъ лѣтъ вы считаете нормальную зрѣлость человѣка, когда онъ можетъ начать изученіе исторіи?

Г. Гейлеръ. Когда онъ окончитъ университетскій курсъ.

Предсѣдатель. Тогда онъ долженъ опять поступить въ университетъ?

Г. Гейлеръ. Нѣтъ.

Предсѣдатель. А какже иначе?

Г. Гейлеръ. Зачѣмъ опять поступать? Самый университетскій курсъ долженъ подготовить его къ самостоятельнымъ занятіямъ.

Предсѣдатель. Какже онъ будетъ слушать университетскій курсъ, не понимая его?

Г. Гейлеръ. Позвольте еще привести вамъ слова Бенеке. Онъ говоритъ, что недостатокъ въ наглядныхъ представленіяхъ изъ историческаго міра есть причина того, что студенты большой частью оказывались неспособными къ изученію философіи, а такъ какъ со временемъ у нихъ возбуждается желаніе философствовать, то этимъ обстоятельствомъ, а равно и предыдущимъ, объясняется привычка многихъ людей заниматься умственными спекуляціями a priori. Далѣе онъ говоритъ, что главная задача общеобразовательныхъ школъ состоитъ въ сообщеніи ученикамъ живыхъ указаній, наглядныхъ представленій, а потому слѣдуетъ передавать ученикамъ живые отрывки живыхъ бесѣдъ, преимущественно изъ исторіи общей культуры наукъ, искусствъ и изобрѣтеній. Мнѣ кажется, что мнѣніе Бенеке имѣетъ большой вѣсъ, потому что онъ основываетъ преподаваніе исторіи на законахъ опытной психологіи.

Предсѣдатель. Я не предрѣшаю вопроса, я только предложилъ его, такъ какъ мнѣ казалось, что такого предварительнаго вопроса нельзя обойти. Я оставляю въ сторонѣ всякое самолюбіе, я только ищу истины, и если коммиссія найдетъ, что не надо рѣшать предварительно этотъ вопросъ, а можно прямо приступить къ составленію программы—это дѣло коммисіи. Затѣмъ я возраженій никакихъ не дѣлаю, слѣдовательно, заканчиваю этимъ.

Г. Добряковъ. Я хотѣлъ замѣтить г. предсѣдателю свое несогласіе съ тѣмъ, что методъ г. Сиповскаго способствуетъ формальному развитію; именно этотъ методъ прежде всего...

Предсѣдатель. Извините, я долженъ прервать васъ, потому что докладъ г. Сиповскаго не на очереди.

Г. Добряковъ. Я только хотѣлъ замѣтить...

Предсѣдатель. Я, какъ предсѣдатель, не имѣю права дѣлать никакихъ возраженій, я только выразилъ свое мнѣніе по поводу составленія коммиссіи.

Добряковъ. Вы сказали, что есть два способа..,

Предсѣдатель. Если вамъ угодно, вы можете записаться въ коммиссію и

тогда докажите, что другой цѣли совсѣмъ не слѣдуетъ ставить. Г. Сентъ-Илеръ!

Г. Сентъ-Илеръ. Я хотѣлъ сдѣлать замѣчаніе насчетъ Бенеке. Вы, г. Гейлеръ, сказали, что мнѣніе Бенеке имѣетъ большое значеніе, такъ какъ онъ основываетъ свои выводы на опытной психологіи. Вы говорите о второй части и вамъ, вѣроятно, хорошо знакома его опытная психологія; въ такомъ случаѣ вы очень хорошо должны были замѣтить, что всѣ его выводы, или очень многіе изъ нихъ, противорѣчатъ его педагогической теоріи. Напримѣръ, понятіе о зрѣлости прямо противорѣчитъ его психологіи, въ томъ смыслѣ...

Г. Гейлеръ. Бенеке говоритъ только о вполнѣ зрѣломъ человѣкѣ, но не упоминаетъ, въ какомъ возрастѣ онъ понимаетъ зрѣлаго человѣка, такъ что ваши замѣчанія падаютъ на мою долю, а не на долю Бенеке.

Г. Сентъ-Илеръ. Думаете-ли вы, что съ точки зрѣнія Бенеке можно отвергать какой нибудь предметъ, основываясь на томъ, что человѣкъ незрѣлъ?

Г. Гейлеръ. Напротивъ, Бенеке требуетъ точнаго изученія исторіи, но онъ показываетъ предѣлы, безъ которыхъ нельзя изучать исторіи...

Г. Сентъ-Илеръ. Т. е. предѣлы чего?

Г. Гейлеръ. Предѣлы гимназическаго возраста.

Г. Сентъ-Илеръ. Т. е. нельзя начинать рано, или нельзя учить такъ или иначе?

Г. Гейлеръ. Напримѣръ, нельзя преподавать въ гимназіи государственныя отношенія, потому что гимназисты не имѣютъ достаточно критическихъ способностей.

Г. Сентъ-Илеръ. Это, во-первыхъ, не мнѣніе Бенеке, а мнѣніе всякаго опытнаго педагога. Во всякомъ случаѣ, въ его психологіи говорится, что всякое знаніе, которое пріобрѣтается и которое, посредствомъ новыхъ свѣдѣній, выражаетъ достаточное количество ассоціацій, можетъ развиваться;—у него нѣтъ качественнаго, а есть только количественное отношеніе между свѣдѣніями. Его методическіе выводы не могутъ считаться авторитетомъ.

Предсѣдатель. Если угодно по предложенію г. Нарановича составить коммиссію, то позвольте попросить г.г. членовъ, желающихъ участвовать въ ней, объявить объ этомъ. Значитъ, перваго можно записать г. Нарановича; затѣмъ г. Добрякова, такъ какъ онъ принималъ живое участіе въ спорѣ и еще сегодня хотѣлъ говорить.

Г. Добряковъ. Я съ удовольствіемъ запишусь.

Предсѣдатель. Г. Шалфѣева...

Г. Шалфѣевъ. Я тоже съ удовольствіемъ.

Предсѣдатель. Г. Гуревича...

Г. Гуревичъ. Да, я запишусь, тѣмъ болѣе, что я первый высказался за программу.

Предсѣдатель. Г. Сиповскаго, Владиміра Федоровича Эвальда, г. Семевскаго.

Г. Перетцъ. Вѣроятно, г-жа Кавелина тоже не откажется.

Предсѣдатель. Г. Перетцъ тоже?

Г. Перетцъ. Нѣтъ, я только упомянулъ о г-жѣ Кавелиной.

Предсѣдатель. Да, г-жу Кавелину, потомъ г. Рашевскаго... Затѣмъ г. Овчинникова; потомъ, можетъ быть, нашъ новый членъ, г. Зеленый, тоже пожелаетъ. Г. Зеленый, вамъ угодно?

Г. Зеленый. Покорно благодарю.

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу выбрать дни для собранія въ здѣшнемъ зданіи и потомъ избрать изъ своей среды предсѣдателя; конечно, это будетъ послѣ вакацій, но мы надѣемся, что эта коммиссія съ успѣхомъ окончитъ свой трудъ. Теперь на очереди рефератъ г. Волкова „о собираніи коллекцій насѣкомыхъ и растеній".

(Слѣдуетъ чтеніе реферата, послѣ чего секретарь собранія, г. Раевскій, читаетъ тезисы).

Секретарь. *Первый тезисъ:* Собираніе дѣтьми коллекцій насѣкомыхъ и вообще ловля животныхъ въ томъ видѣ, какъ она ведется въ настоящее время въ семьяхъ и интернатахъ, т. е. съ цѣлью составленія коллекцій *труповъ* и *скелетовъ*, далеко не безопасно для нравственнаго развитія маленькихъ естествоиспытателей и для правильнаго установленія ихъ отношеній къ живымъ существамъ. *Второй тезисъ:* Тоже, хотя въ меньшей степени, относится къ собиранію растеній, если это занятіе большей частью сопровождается разрываніемъ растенія, отдѣленіемъ корней, прессованіемъ—словомъ, умерщвленіемъ живаго, свѣжаго растенія. Такого рода отношеніе къ растеніямъ, если оно преобладающее, какъ у нашихъ дѣтей въ настоящее время, сильно препятствуетъ образованію въ нихъ любви къ живымъ растеніямъ, а образуетъ привычку къ безцеремонному съ ними обращенію. *Третій тезисъ:* Въ видахъ устраненія вредныхъ сторонъ ловли животныхъ и собиранія растеній нужно заинтересовать дѣтей живыми коллекціями животныхъ и растеній: устраняя дурное обращеніе съ живыми животными и растеніями, нужно сдѣлать ихъ предметомъ заботливаго ухода дѣтей. Это не только устранитъ дурныя вліянія занятія, но и сдѣлаетъ его болѣе производительнымъ, какъ занятіе, дополняющее уроки естествознанія, представляя возможность изученія дѣтьми не одного наружнаго вида животныхъ и растеній, но и условій, и образа ихъ жизни и произрастанія.

Предсѣдатель. Г. Сиповскій, вы хотѣли сдѣлать заявленіе.

Г. Сиповскій. Я хотѣлъ только предъявить Обществу мою покорнѣйшую просьбу прекратить теперь пренія по моимъ тезисамъ, такъ какъ съ одной стороны составляется коммиссія, которая, можетъ быть, приведетъ къ соглашенію; съ другой стороны я замѣтилъ вообще, что всѣ главныя замѣчанія, предъявленныя оппонентами на мой рефератъ, касались собственно не существенной части, а того принципа, который я высказалъ мимоходомъ, только для того, чтобы показать, что отрицательная сторона моего реферата не есть одно простое отрицаніе, а все-таки опирается на нѣчто положительное. Это положительное для меня совершенно ясно, потому что я самъ со временемъ думаю составить подобный сборникъ. Я изъявилъ желаніе представить благосклонному вниманію Общества пробный урокъ, и когда онъ будетъ представленъ, что я сдѣлаю въ началѣ осеннихъ засѣданій, тогда вопросъ этотъ гораздо больше уяснится и не нужно будетъ напрасно тратить время на препія. Еще болѣе нужнымъ я считаю остановить эти препія потому, что есть два реферата на очереди, которые ждутъ преній.

Предсѣдатель. По причинамъ, приведеннымъ г. референтомъ, не угодно-ли будетъ Обществу принять это заявленіе?

Г. Гуревичъ. Я прошу позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу заявленія г. Сиповскаго. Дѣло въ томъ, что столько времени, столько засѣданій было потрачено на обсужденіе тезисовъ г. Сиповскаго и такъ мало

выяснился самый вопросъ, что, мнѣ казалось бы, слѣдуетъ закончить по крайней мѣрѣ обсужденіе первыхъ двухъ тезисовъ, что до сихъ поръ еще не сдѣлано. Что касается до предложенія г. Сиповскаго—въ началѣ будущаго академическаго года представить урокъ, которымъ поднятый вопросъ можетъ, будто, рѣшиться, то я позволю себѣ замѣтить, что одинъ урокъ ничего не можетъ рѣшить, такъ какъ въ одномъ урокѣ можетъ быть только весьма блестящее изложеніе какого-нибудь отрывка изъ исторіи, но очень трудно показать то вліяніе, которое курсъ, предлагаемый г. Сиповскимъ, долженъ имѣть на умственное развитіе учащихся. Затѣмъ характеръ каждаго урока обусловливается не только содержаніемъ отдѣльнаго урока, а вообще всей программы. Если бы мнѣ пришлось въ теченіе цѣлаго года ознакомить учениковъ только съ нѣкоторыми моментами исторіи, то естественно, что я могъ бы остановиться на каждомъ моментѣ гораздо болѣе подробно, я представилъ бы гораздо болѣе интересное изложеніе; но при значительной программѣ, которая оказывается не просто чѣмъ-то случайнымъ, а даже необходимымъ, характеръ каждаго урока долженъ измѣниться. Вотъ вслѣдствіе этого-то я и полагаю, что одинъ урокъ не можетъ рѣшить вопроса, а лучше всего онъ рѣшится представленіемъ довольно подробной программы, которую будутъ обсуждать; тогда только выяснится, можетъ ли быть совершенно устраненъ систематическій курсъ изъ преподаванія исторіи и замѣненъ какимъ нибудь другимъ способомъ преподаванія.

Предсѣдатель. Ваше желаніе будетъ исполнено: коммиссія разработаетъ программу, а г. Сиповскій дастъ урокъ; слѣдовательно, вы будете удовлетворены, а если будетъ данъ урокъ, то удовлетворятся и тѣ, которые не считаютъ его лишнимъ.

Г. Гуревичъ. Въ такомъ случаѣ я предлагаю высказать всѣ тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ путемъ опыта и которыя могутъ рѣшить или по крайней мѣрѣ подвинуть сколько-нибудь рѣшеніе этого вопроса,—дѣйствительно-ли совмѣстенъ внутренній интересъ предмета съ существованіемъ систематическаго курса,—такъ какъ прошлое засѣданіе этотъ вопросъ обсуждался и все-таки не пришли ни къ какому заключенію и такъ какъ рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть подвинуто коммиссіей.

Предсѣдатель. Позвольте замѣтить вамъ, что пренія по вашему реферату на очереди, такъ что тогда вы можете все это высказать. Слѣдовательно, это не есть причина, по которой нельзя согласиться на просьбу г. Сиповскаго.

Г. Гуревичъ. Но вызовутъ-ли пренія по моимъ тезисамъ такого рода доказательства, которыя шли болѣе всего къ тезисамъ г. Сиповскаго, это еще неизвѣстно.

Г. Сиповскій. Вы заявили, что вы читали вашъ рефератъ, только связывая его съ моимъ, т. е. мои тезисы вызвали вашъ рефератъ; слѣдовательно, онъ долженъ разъяснить тѣ стороны, которыя казались вамъ неяснымъ. Вы говорили, что только тогда опредѣлится болѣе ясно моя цѣль, когда будетъ представлена программа, для составленія которой собирается коммиссія; если вамъ угодно, чтобы собственно я представилъ на разсмотрѣніе коммиссіи свою программу, то я согласенъ и на это.

Г. Гуревичъ. Да, это будетъ основательнѣе.

Предсѣдатель. Итакъ, г. Сиповскій согласенъ представить въ коммиссію программу по его способу; можетъ, кто нибудь представитъ программу по

другому способу, а если никто не представитъ, то коммиссія выработаетъ свою общими силами.

Г. Добряковъ. Я съ своей стороны совершенно согласенъ на предложеніе г. Сиповскаго возбудить пренія послѣ составленія программы и представленія пробнаго урока, потому что послѣ этихъ трудовъ дѣйствительно установятся главныя положенія его метода и мы будемъ избавлены отъ уклоненій въ сторону отъ главныхъ положеній. Эти-то уклоненія и не дали намъ возможности коснуться существенной стороны его метода.

Г. Сентъ-Илеръ. Я хотѣлъ сказать, что если составляется коммиссія для обсужденія лучшаго способа преподаванія исторіи, то не лучше ли пріостановить пренія и по реферату г. Гуревича?

Предсѣдатель. Рефератъ былъ читанъ, тезисы предложены, а потому нельзя отложить преній по нимъ, такъ какъ это будетъ уклоненіе отъ нашего устава.

Г. Сентъ-Илеръ. Такое же уклоненіе, какъ по поводу г. Сиповскаго.

Г. Сиповскій. Всѣ возраженія, сдѣланныя мнѣ, я свожу вотъ къ чему: Съ отрицательной стороной моего реферата большая часть согласилась, но всѣ нападали на положительную, которая занимаетъ всего двѣ съ половиной страницы. И вотъ какимъ образомъ возражали мнѣ: одни сами договаривали то, чего я не сказалъ, составляя такимъ образомъ нѣчто нестройное, хаотическое, и затѣмъ разбивали это, но я, конечно, не могъ согласиться съ ними; другіе защищали мой рефератъ, даже не читая его. Я нахожу, что и тѣ и другія пренія были совершенно безплодны, какъ это многіе очень справедливо замѣтили. Мнѣ же хотѣлось бы свести пренія на положительную сторону.

Г. Сентъ-Илеръ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы напрасно это думаете. Если вы внимательно отнеслись къ преніямъ, то должны признаться, что первое замѣчаніе, которое я вамъ сдѣлалъ, — именно, что вы мало развили тѣ общія положенія, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ курсахъ средне-учебныхъ заведеній—и было причиною того, что о нихъ заговорили. Слѣдовательно, не относите всей хаотичности преній къ намъ, возражавшимъ вамъ, а также отчасти и къ своимъ собственнымъ воззрѣніямъ. Ваше возраженіе, что пренія приняли такой хаотическій характеръ, оттого, что оппоненты этого захотѣли—несправедливо, такъ какъ причину этого надо искать въ рефератѣ.

Предсѣдатель. Г. Семевскій!

Г. Семевскій. Я только хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ маленькаго пожеланія по поводу чтенія реферата г. Сиповскаго. Дѣло въ томъ, что въ теченіе десяти лѣтъ существованія нашего Педагогическаго собранія мы многократно возвращаемся къ вопросамъ, о которыхъ было уже говорено. Такъ, какой нибудь вопросъ обсуждался здѣсь, потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени начинаютъ опять по немногу перебирать старину. Безспорно, дѣло преподаванія—есть вообще предметъ безконечный, его можно разработывать, развивать и т. д., но тѣмъ не менѣе всего лучше и желательнѣе, чтобы изъ нашихъ толковъ былъ практическій результатъ. Пренія по поводу реферата г. Сиповскаго дѣйствительно чрезвычайно любопытны, но лѣтъ пять или четыре тому назадъ,—когда г. Сиповскій еще не былъ членомъ нашего Общества,—было говорено о томъ же самомъ, къ тѣмъ же выводамъ приходили нѣкоторые лекторы, такія же горячія и не менѣе интересныя пренія были возбуждены, но въ концѣ концовъ—также не привели ни

къ какому практическому результату. Между тѣмъ результаты могутъ быть: они выражаются или въ составленіи референтомъ книги, въ которой лучше всего выразились-бы его воззрѣнія, или составленіе программы, или рядъ пробныхъ лекцій, прочитанныхъ въ средѣ нашей семьи. Къ первому практическому выводу прибѣгали нѣкоторые референты и въ теченіе десятилѣтняго существованія нашего собранія, можетъ быть, появилось полдесятка книгъ по разнымъ предметамъ, которыя составляютъ хорошій вкладъ въ нашу педагогическую литературу; разумѣется, онѣ ускользаютъ изъ Педагогическаго собранія и вступаютъ въ общій оборотъ литературы. Программа является еще менѣе замѣтнымъ плодомъ, потому что никѣмъ не принимается къ свѣдѣнію такъ какъ не отъ нашей среды зависитъ примѣненіе и введеніе программы. Для нашей среды самымъ замѣтнымъ, крупнымъ, практическимъ результатомъ могутъ и должны быть пробныя лекціи. Такъ вотъ къ чему я свожу свое маленькое замѣчаніе или пожеланіе: самое лучшее для разработки вопроса—это пробные лекціи, уроки.

Предсѣдатель. Они и будутъ.

Г. Семевскій. Да, но вызывается только одинъ г. Сиповскій, а очень желательно бы было, чтобы были прочтены два, три урока изъ разныхъ эпохъ; потому именно желательно, что тогда наглядно выразилась бы та система, за пользу которой я стоялъ пять лѣтъ тому назадъ и къ которой примыкаю теперь. Наше общество посѣщаютъ учителя, учительницы, будущіе учителя и будущія учительницы, люди, которые желаютъ примѣнить на практикѣ тѣ идеи, которыя они выслушаютъ и усвоютъ въ своемъ сознаніи, а на такихъ пробныхъ лекціяхъ они гораздо удобнѣе усвоятъ то, что услышатъ. Въ концѣ концовъ я заявляю, что вообще было бы хорошо приглашать гг. референтовъ, какъ скоро они вносятъ не одну только отрицательную сторону, какъ г. Нарановичъ, непремѣнно прочитать пробный урокъ.

Предсѣдатель. Въ будущее засѣданіе мы назначаемъ васъ на очередь, такъ какъ вы еще раньше обѣщали.

Г. Семевскій. Я могу прочесть по русской исторіи...

Г. Гуревичъ. Я позволю себѣ замѣтить, почему я настаивалъ на томъ, чтобы продолжать преніе по тезисамъ г. Сиповскаго. Дѣло въ томъ, что въ своемъ рефератѣ г. Сиповскій постоянно ссылался на учебникъ г. Иловайскаго. Дѣйствительно, немного найдется такихъ преподавателей исторіи, которые не раздѣляли бы отвращенія г. Сиповскаго къ этому учебнику, но въ настоящее время появился новый учебникъ систематическаго курса, учебникъ г. Ткачева, построенный на совершенно другихъ началахъ и, по моему, представляющій образецъ для учебника систематическаго курса. Потому что, если понимать подъ систематическимъ курсомъ стройное изложеніе, въ которомъ всякое послѣдующее явленіе строго вытекаетъ изъ предыдущаго, всѣ части тѣсно связаны между собой и съ цѣлымъ, и находятъ себѣ въ немъ уясненіе,—то въ этомъ смыслѣ курсъ Иловайскаго не представляетъ никакой системы, это чисто хронологическая послѣдовательность. Между тѣмъ курсъ Ткачева представляетъ дѣйствительно систематическій курсъ, въ которомъ всѣ явленія связываются одной общей идеей. Я говорю это потому, что убѣдился въ этомъ въ послѣднее время на опытѣ, такъ какъ я ввелъ учебникъ Ткачева на нѣкоторыхъ урокахъ и, дѣйствительно, впечатлѣніе, производимое книгой, самое благопріятное. Сами преподаватели прочтутъ съ удовольствіемъ эту книгу, хотя изъ нея надо устранить нѣкоторыя подробности относительно

литературы и искусства, не идущія къ систематическому курсу. Я предложилъ остановиться нѣсколько подробнѣе на обсужденіи первыхъ двухъ тезисовъ г. Сиповскаго, такъ какъ они поставлены въ томъ смыслѣ, что интересное изложеніе предмета при преподаваніи исторіи не совмѣстно съ систематическимъ курсомъ. Еслибы Педагогическому Обществу было угодно, то я съ этой точки зрѣнія и велъ бы свои пренія противъ тезисовъ г. Сиповскаго, именно сопоставляя руководства гг. Ткачева и Иловайскаго.

Предсѣдатель. Угодно будетъ Педагогическому Обществу отложить пренія или продолжать ихъ?

Г. Перетцъ. По тезисамъ г. Сиповскаго?

Предсѣдатель. Да. (Голоса: отложить! отложить!) Итакъ, Общество согласно отложить пренія. Теперь перейдемъ къ обсужденію тезисовъ г. Чернявскаго.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

надъ усовершенствованіемъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ всю свою жизнь. Но возможно-ли это, когда его воспитатели упустили изъ виду развитіе въ немъ силы воли, такъ что онъ не научился имѣть вліяніе на самого себя? Такой человѣкъ—игрушка случая. Всѣ вліянія, дурныя и хорошія, дѣйствуютъ на него воспитательнымъ образомъ безъ всякой помѣхи; онъ не въ состояніи оказать имъ никакого сопротивленія. Недостатокъ энергіи есть, однако, къ сожалѣнію, характеристическая черта нынѣшнихъ поколѣній. «Какимъ же образомъ развить въ моемъ Максѣ силу воли?» спросите вы. Единственно тѣмъ, чтобы онъ *самъ развивалъ свою силу воли;* онъ долженъ развивать ее не тѣмъ, что будетъ не слушать васъ или другихъ воспитателей, но напротивъ—стараться побѣдить *себя* и *всѣ препятствія*, которыя мѣшаютъ ему слушаться васъ. Сначала Максъ вообще не обладалъ никакою силою, а потому также и не имѣлъ силы воли. Она возбудилась въ немъ только посредствомъ приказанія: онъ хотѣлъ дѣлать то, что вы ему приказывали. Вы, напримѣръ, сказали ему: «поди ко мнѣ Максъ.» Онъ не могъ еще хорошо бѣгать, но преодолѣлъ это препятствіе и подошелъ. Ваше приказаніе возбудило въ немъ волю — бѣгать; вслѣдствіе послушанія онъ настоялъ на своей волѣ, несмотря на трудъ бѣгать. Онъ долженъ, напримѣръ, каждый вечеръ приводить свои вещи въ порядокъ, для него это стѣснительно и трудно; вы принуждаете его къ послушанію, онъ исполняетъ это. Онъ пересилилъ, слѣдовательно, свою лѣность и исполнилъ ваше приказаніе—его воля подкрѣпилась. Итакъ, *посредствомъ умѣренныхъ приказаній возбуждается сила воли ребенка, отъ строгаго же исполненія этихъ приказаній—послушанія—она упражняется и развивается въ немъ.* Пока мальчикъ еще малъ, воля воспитателя должна быть его волею, но самыя маленькія дѣти должны уже замѣтить, что ими управляетъ не хорошее или дурное расположеніе духа и произволъ со стороны воспитателя, но установленныя постоянныя правила. По мѣрѣ развитія ребенка, запрещенія и приказанія должны уменьшаться и, наконецъ, должно возстановиться такое отношеніе, чтобы воспитатель и воспитанникъ подчинились извѣстнымъ, непзмѣняемымъ законамъ. Когда Максъ играетъ, то пускай свободно бѣгаетъ, но при этомъ вы можете укрѣплять его волю тѣмъ, что будете

заставлять его играть за разъ только *одною* игрушкою и не перемѣнять ее.

Пускай онъ также выучится сдерживать свое нетерпѣніе. Если онъ, напримѣръ, строитъ что нибудь, то долженъ выполнять все аккуратно. Если его постройка развалилась, то онъ долженъ приняться за нее съ большею осторожностью. Онъ именно долженъ научиться доводить до конца то, что онъ предположилъ сдѣлать. Облегчите ему это своимъ привѣтливымъ, веселымъ участіемъ. Если въ какомъ нибудь занятіи, напримѣръ, въ постройкѣ или рисованіи, онъ приложилъ очень много старанія, то похвалите его выполненіе, хотя бы оно было еще плохо. Невниманіе съ вашей стороны можетъ скоро ослабить его рвеніе къ работѣ. При этомъ я рекомендую вамъ одно, очень важное правило: «Никогда не хвалите ребенка за то, что онъ хорошо исполнилъ что нибудь, а хвалите *его работу*.» Поэтому не говорите: «ты милый мальчикъ, ты много трудился,» а скажите: «вотъ этотъ домъ очень хорошій, и даже съ трубою; попробуемъ поставить на него башенку. Посмотри, какъ это хорошо выходитъ!» Цѣль такого обращенія съ ребенкомъ я объясню вамъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Остерегайтесь подавить въ вашемъ Максѣ энергію, посредствомъ неблагоразумныхъ наказаній, какъ напримѣръ страхомъ темной комнаты. Пріучайте его, напротивъ, быть покойнымъ въ темной комнатѣ, на что не должно смотрѣть, какъ на геройскій подвигъ съ его стороны, но какъ на нѣчто обыкновенное. Еще неблагоразумнѣе давать ребенку въ наказаніе какую нибудь работу. Работа *никогда* не должна быть наказаніемъ, но должна представляться ребенку какъ нѣчто хорошее. Если, изъ лѣности, ребенокъ не хорошо исполнилъ свою работу, то онъ, конечно, долженъ сдѣлать ее снова; но это не должно служить наказаніемъ, а напротивъ доставить ему удовольствіе. Максъ прибралъ свои игрушки крайне небрежно. «Милый мой Максъ, этого нельзя такъ оставить, такъ совсѣмъ не хорошо; сдѣлай такъ же хорошо, какъ ты сдѣлалъ это вчера.» Вы должны дѣйствовать такъ, чтобы дурно сдѣланная работа доставляла ему неудовольствіе, хорошо же исполненная, напротивъ, удовольствіе.

VIII.

Тщеславіе, самолюбіе и эгоизмъ, подобно всѣмъ другимъ порокамъ и достоинствамъ, не прирождены ребенку, а прививаются ему воспитаніемъ. «Ахъ, какъ идетъ это платьице дѣвочкѣ, какая она въ немъ хорошенькая! Если ты будешь слушаться, то родившійся Христосъ принесетъ тебѣ новое, хорошенькое платьице!» *). Это приходится слышать большинству дѣвочекъ; если родители ихъ на столько умны, что не говорятъ этого, то всегда найдется очень много родныхъ и знакомыхъ, которые восхищаются ребенкомъ, когда онъ надѣнетъ новое платье. Ребенокъ въ скоромъ времени начинаетъ чувствовать себя несчастнымъ или, по крайней мѣрѣ, тосковать, если не будетъ всегда въ новомъ, хорошемъ платьѣ, и много воображать о себѣ, когда на немъ будетъ надѣто дорогое платье. Что же касается вашего Макса, то трудно опасаться, что онъ будетъ тщеславенъ относительно платья. У мальчиковъ чаще встрѣчается, напротивъ, тотъ недостатокъ, что они не придаютъ никакого значенія своему платью и совсѣмъ не берегутъ его.

Тщеславіе можетъ однако въ Максѣ развиться, напримѣръ, относительно познаній и успѣховъ. Приходитъ къ матери въ гости подруга; сейчасъ же призываютъ ребенка и начинаютъ имъ восхищаться. Гостья заваливаетъ ребенка цѣлою кучею вопросовъ, льститъ ему, ласкаетъ его. «Скажи же стихи, которые ты такъ хорошо знаешь; покажи, что ты такъ мило нарисовалъ», говоритъ мать. Мальчику очень тяжело исполнить просьбу матери, но, исполнивъ, онъ блестящимъ образомъ оканчиваетъ свое испытаніе. Вслѣдъ за этимъ, мать говоритъ тихо своей подругѣ: «Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень смышленъ для своего возраста,» и начинается перечисленіе его умныхъ и глупыхъ дѣйствій. Мальчикъ въ то время, повидимому, очень прилежно играетъ за своимъ столикомъ и не слушаетъ разговора. Но удивительно, что дѣти имѣютъ особенно тонкій слухъ, когда говорятъ о нихъ. Естественно, что это дѣлаетъ на нихъ большое впечатлѣніе: они вѣрятъ тому, что о нихъ говорятъ, и узнаютъ тогда, какъ они умны. И если мать повторяетъ тоже самое при каждомъ при-

*) т. е. тебѣ подарятъ на Рождество, на ёлку. *Ред.*

ходѣ ея знакомыхъ, то ребенокъ вскорѣ убѣдится въ значеніи своей особы. Заблужденіе, слѣдовательно, состоитъ здѣсь въ томъ, что ребенокъ становится *центромъ* разговора и чувствуетъ, что отецъ и мать смотрятъ на него, какъ на свое высшее сокровище.—Нѣкоторые думаютъ возбудить въ ребенкѣ благодарность тѣмъ, что представляютъ всѣ вещи только для него существующими. «Печка грѣетъ мою дѣточку, корова даетъ ему молочка, дерево даетъ для тебя яблоки». Все это служитъ къ тому, чтобы вкоренить въ ребенкѣ идею, что «весь міръ созданъ для меня, всѣ для меня работаютъ, я господинъ надъ всѣмъ». Такое заблужденіе дѣлаетъ ребенка несчастнымъ, потому что рано или поздно ему придется разочароваться въ этомъ. Тоже самое можно сказать и относительно постоянныхъ ласкъ, которыхъ ребенокъ вовсе не требуетъ. Онъ думаетъ даже подъ часъ: «Ахъ, если бы мама оставила меня въ покоѣ, мнѣ такъ хочется побѣгать».

Замѣтьте, кто изъ вашихъ родныхъ отрываетъ вашего Макса отъ его спокойной игры и мучитъ его своими ласками, и поскорѣе постарайтесь удалить вашего мальчика, когда будетъ предстоять такое посѣщеніе. Такимъ людямъ все равно, что ребенокъ можетъ совершенно испортиться отъ ихъ льстивой ласки (которая въ сущности направлена на родителей), или что вамъ будетъ затруднено воспитаніе его. Максъ больше будетъ любить тѣхъ лицъ, которыя на видъ менѣе занимаются имъ, нежели его вещами. Поэтому не говорите Максу, какъ вы любите его и сколько всѣ о немъ заботятся; въ его присутствіи говорите о немъ какъ можно меньше, хвалите и корите не его самого, а его дѣйствія. Вслѣдствіе этого, вниманіе его будетъ съ его особы обращено на его дѣятельность и на внѣшній міръ. Ребенокъ будетъ имѣть тогда столько занятій, что у него не достанетъ времени думать о великомъ значеніи своего маленькаго *я*. Мать и отецъ не должны также говорить при ребенкѣ касательно вопросовъ воспитанія. Дитя отъ этого становится необыкновенно умно и будетъ стараться дѣйствовать противъ вашихъ мѣропріятій, если они будутъ ему не по душѣ. *Дѣти совсѣмъ не должны замѣчать, что ихъ воспитываютъ.* Кто имѣетъ это всегда въ виду, тотъ можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своей воспитательной дѣятельности. И къ дѣтямъ подходятъ слова Гёте: «чувствуя на-

мѣреніе, приходятъ въ дурное настроеніе» *). Когда дѣти замѣчаютъ, что на нихъ хотятъ имѣть вліяніе, то въ нихъ болѣе или менѣе возбуждается оппозиція: они не хотятъ быть предметомъ дѣятельности другихъ.

Эгоизму иногда научаются дѣти въ обществѣ другихъ дѣтей. Вашъ Максъ непремѣнно долженъ пользоваться обществомъ дѣтей; какъ бы по дѣтски вы съ нимъ ни играли, вы все таки не можете замѣнить ему общество его сверстниковъ; ребенокъ, растущій только среди взрослыхъ, очень скоро становится уменъ не по лѣтамъ. Соединеніе дѣтей вмѣстѣ необыкновенно важно при воспитаніи еще и потому, что мальчикъ стоитъ тамъ, какъ равный среди равныхъ; здѣсь-то и должны отшлифоваться всѣ его качества и образоваться его достоинства, которыя никогда не могутъ развиться такъ въ кругу взрослыхъ, потому что тамъ онъ, какъ существо подчиненное, чувствуетъ свою отъ нихъ зависимость. Я говорю здѣсь, конечно, о чисто *дѣтскихъ* собраніяхъ, а не о подражаніи вечерамъ взрослыхъ и не о маскарадахъ (какъ я видѣлъ эту зиму), на которые мальчики семи и осьми лѣтъ приглашаютъ своихъ школьныхъ товарищей по билетамъ.

Итакъ, я замѣтилъ, что въ дѣтскомъ обществѣ ребенку очень часто прививается эгоизмъ. Положимъ, дѣти ѣдятъ фрукты. «Послушай Рудольфъ», говоритъ заботливая мамаша тихо своему любимцу, «ты не давай дѣтямъ всѣхъ хорошихъ грушъ, лучшія я отложила для тебя вотъ съ этой стороны». Въ другой разъ ему сунутъ лучшій кусочекъ, такъ, чтобы товарищи этого не замѣтили. Другъ мой, постарайтесь *лучше* воспользоваться обществомъ дѣтей для своего Макса: пріучайте его довольствоваться самымъ малымъ, а другимъ оставлять самое лучшее; научите его уступать, когда угрожаетъ вспыхнуть ссора. Когда уйдутъ мальчики, посѣтившіе вашего Макса, то говорите о хорошемъ, что вы въ нихъ замѣтили; при этомъ я, разумѣется, предполагаю, что у васъ будутъ только дѣти, ведущіе себя хорошо. Часто отцы и матери дѣлаютъ совершенно противоположныя замѣчанія относительно посѣщающихъ ихъ дѣтей; они говорятъ о ихъ дурныхъ поступкахъ и нерѣдко заключаютъ такъ:

*) Man fühlt die Absicht und man wird verstimmt.

«нашъ Францъ такъ не дѣлаетъ». Скажите тихонько отцу, дѣлая видъ, что Максъ не долженъ этого слышать: «Маленькій Поль былъ у насъ сегодня, и какъ хорошо онъ велъ себя за столомъ: онъ ни чуть не насорилъ, около него было совершенно чисто. И представь себѣ, какъ онъ былъ услужливъ. Я уронила клубокъ шерсти, онъ живо бросился и поднялъ мнѣ его. Вотъ если бы нашъ Максъ былъ такимъ!» Этотъ разговоръ тѣмъ болѣе будетъ имѣть дѣйствія, чѣмъ вы болѣе дѣлаете видъ, что не замѣчаете присутствія мальчика. Онъ не долженъ замѣтить, что родители, ведя подобные разговоры, хотятъ дѣйствовать на него воспитательнымъ образомъ.

Когда вы приглашаете дѣтей играть съ Максомъ, то вы должны считать своею обязанностью помочь родителямъ въ ихъ воспитаніи. Обыкновенно маленькимъ гостямъ пропускаютъ всѣ дурные поступки изъ боязни вступить въ столкновеніе съ ихъ родителями, запретивъ имъ что-нибудь. Поэтому для кружка вашего Макса выбирайте дѣтей, родители которыхъ будутъ на столько умны, что поблагодарятъ васъ, когда вы обратите ихъ вниманіе на недостатки ихъ дѣтей. Требуйте той же самой услуги и отъ тѣхъ лицъ, куда Максъ пойдетъ въ гости. Внѣ дома дѣти выказываютъ себя совсѣмъ съ другихъ сторонъ, и посторонніе люди очень часто замѣчаютъ недостатки, упускаемые родителями, потому что они уже почти привыкли къ нимъ. Очень хорошо было бы поэтому, еслибъ родители, дѣти которыхъ собираются играть вмѣстѣ, откровенно высказывали другъ другу свои наблюденія. Легко можетъ случиться, что Максъ, вернувшись домой отъ какого-нибудь мальчика, съ неудовольствіемъ смотритъ на свою лошадку, или на другую какую игрушку, потому что въ гостяхъ онъ видѣлъ лучше; въ немъ родилась зависть. «Твоя лошадка, милый Максъ, тоже очень хорошая; посмотри-ка, что она можетъ продѣлывать. Мы ее сейчасъ впряжемъ въ телѣжку, дадимъ ей корма, посадимъ на нее человѣка» и т. п. Чѣмъ болѣе будетъ умѣть играть Максъ своими игрушками, чѣмъ болѣе онъ будетъ пріученъ къ самодѣятельности, тѣмъ дальше будетъ онъ отъ зависти. Зависть находитъ удобную почву только тамъ, гдѣ дѣти имѣютъ игрушки лишь для виду и дѣятельность не доставляетъ имъ никакого удовольствія. Если товарищъ нечаянно причинитъ Максу какую нибудь не-

пріятность, толкнетъ его или ударитъ, или же испортитъ ему какую нибудь игрушку, то объ этомъ не слѣдуетъ и толковать. «Онъ не нарочно сдѣлалъ это, Максъ, это ничего; смотри не сдѣлай и ты ему того же нечаянно, ты теперь знаешь какъ это непріятно.» Заставляйте его приносить нѣкоторыя маленькія жертвы для его товарища, для васъ и для отца. Это лучшее средство подавлять эгоизмъ. «Пусти сегодня Франца посидѣть за столикомъ, ты вѣдь можешь сидѣть тамъ цѣлый день.» «Не играй теперь кеглями, ты дѣлаешь много шуму, у меня голова болитъ.» «Ходи на цыпочкахъ, папа хочетъ работать, ты не долженъ ему мѣшать.» Но дайте ему почувствовать и то внутреннее удовольствіе, которое слѣдуетъ за такими жертвами. «Папа будетъ очень доволенъ, если ты не будешь ему мѣшать, хотя онъ, можетъ быть, и ничего не скажетъ тебѣ объ этомъ.» Если вы замѣтите, что Максъ недоволенъ, когда онъ мало или ничего не выиграетъ въ играхъ, то пріучайте его, въ этихъ случаяхъ, радоваться, что выигрываютъ его маленькіе друзья; покажите ему какое получитъ онъ удовольствіе и блаженство отъ такого сочувствія и какъ будутъ любить его за это его сверстники; какъ вслѣдствіе этого онъ приближается къ Богу, который не оставляетъ для себя ничего, а все отдаетъ своимъ созданіямъ (*).

Ребенокъ долженъ обо всемъ просить и за все благодарить. Онъ долженъ при этомъ понимать, что исполненіе его просьбы доставляетъ трудъ; этому учатся дѣти опять таки только посредствомъ самодѣятельности. Опытность, которую они пріобрѣтаютъ самодѣятельностью, научаетъ ихъ цѣнить трудъ услуги;

*) Не знаемъ, о какихъ играхъ (Gesellschaftsspiel) говоритъ авторъ и что онъ разумѣетъ подъ словомъ «выигрываетъ (gevinnt).» Выгода, выигрышъ каждой игры состоитъ собственно въ томъ удовольствіи, которое она доставляетъ ребенку. Но, кажется, авторъ имѣетъ въ виду матеріальный (конечно, не денежный) интересъ, съ которымъ дѣйствительно бываютъ иногда къ сожалѣнію, соединяемы домино, лото и тому подобныя игры. Во всякомъ случаѣ, все, что говоритъ авторъ, слишкомъ неестественно и сантиментально. Ребенокъ садится за игру съ тѣмъ, чтобы выиграть, а потому, проигрывая, не можетъ радоваться. Подобныхъ ходульныхъ чувствъ невозможно ожидать и отъ взрослыхъ. Конечно, нельзя допустить, чтобы ребенокъ слишкомъ горячо принималъ къ сердцу свой проигрышъ. «Игра въ томъ и состоитъ—можно сказать ему—что одинъ выигрываетъ, другой проигрываетъ; сегодня проигралъ ты, завтра проиграетъ другой. Всѣ вы, вѣроятно, одинаково желали

ихъ благодарность будетъ тогда чистосердечна. Избалованный ребенокъ, для котораго постоянно все дѣлаютъ другіе, не понимаетъ этого; онъ смотритъ на всякую услугу, какъ на нѣчто должное, и если благодаритъ, то его благодарность — только слова.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я выскажу вамъ нѣсколько замѣчаній относительно молитвы дѣтей, такъ какъ она должна быть ничѣмъ инымъ, какъ просьбой и благодарностью къ тому, кто все даетъ ребенку. Безъ любви же и почтенія къ Богу невозможна никакакая молитва. Іоаннъ сказалъ однажды о взрослыхъ: «кто не любитъ своего брата, котораго онъ видитъ, какъ можетъ тотъ любить Бога, котораго не видитъ»? Это изрѣченіе даетъ вамъ поводъ развить въ вашемъ мальчикѣ любовь къ Богу и такимъ образомъ сдѣлать его молитву — чистосердечною. Ребенокъ не понимаетъ ничего отвлеченнаго, онъ не можетъ самъ собою любить и чтить существо, котораго не видитъ; поэтому сначала онъ долженъ выучиться любить своихъ родителей, воспитателей, маленькихъ друзей, всѣхъ, отъ кого онъ получаетъ какой либо даръ, значитъ существа, которыя онъ *видитъ*. Максъ долженъ чувствовать свою зависимость отъ родителей, быть имъ благодаренъ; вы должны, однимъ словомъ, прежде чѣмъ думать о чистосердечной молитвѣ, хорошо воспитать его. Покажите ему затѣмъ въ явленіяхъ природы: въ перемѣнѣ дня и ночи, въ грозѣ и т. п., что всѣ люди зависятъ отъ высшаго существа, называемаго Богомъ, такъ какъ мы не можемъ ни вызвать этихъ явленій, ни измѣнить ихъ. Обратите его вниманіе на ростъ растеній и на все, что дѣлается безъ помощи людей, что управляется высшею рукою.

Позднѣе онъ также узнаетъ, что даже все то, что дѣлается руками людей, первоначально было сотворено Богомъ. Что изъ

выиграть: почему же ты такъ огорчаешься, что не исполнилось *именно твое* желаніе?» Если игра основана на размышленіи и разсчетѣ, то укажите ему его ошибки и объясните такимъ образомъ причину его проигрыша; онъ будетъ въ такомъ случаѣ недоволенъ своею оплошностію, но не тѣмъ, что проигралъ. Но требовать отъ ребенка, чтобы онъ радовался выигрышу товарищей, сулить ему за это любовь ихъ и указывать на удовольствіе и блаженство, которое онъ будетъ отъ того ощущать—непормально и черезъ чуръ сантиментально. Толковать о приближеніи къ Богу—также совершенно неумѣстно. Къ тому же Богъ—духъ, и поэтому фраза, что «онъ не оставляетъ для себя ничего»—такъ и остается фразой. *Ред.*

того, если Максъ представитъ себѣ Бога какъ почтеннаго старца? Совершенно *невозможно*, чтобы дѣти представляли себѣ сначала божество иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ. Главное то, чтобы Максъ вашъ выучился любить Бога, чувствовать свою отъ него зависимость. Тогда научите его нѣкоторымъ молитвамъ, въ которыхъ ничего больше не было бы выражено, какъ просьба и благодарность къ Богу за получаемыя матеріальныя, физическія (leibliche) благодѣянія, потому что все отвлеченное еще очень далеко отъ ребенка.

IX.

Конечно, встрѣчаются семейства, гдѣ обращаютъ большое вниманіе на воспитаніе дѣтей и гдѣ находятся дѣйствительно хорошо воспитанныя дѣти. Но и у такихъ родителей все таки случается, что вся ихъ тяжелая работа надъ воспитаніемъ ребенка вдругъ уничтожается въ теченіи нѣсколькихъ дней и они допускаютъ зародиться всѣмъ порокамъ. Это случается, *когда ребенокъ заболѣетъ*. Я позволяю себѣ утверждать, что большинство дѣтей было бы лучше воспитано, если бы они были всегда здоровы. Каждая мать и каждый отецъ страдаютъ при болѣзни своего ребенка, страдаютъ иногда даже болѣе его самого. Главное зло при этомъ состоитъ въ томъ, что они выказываютъ ребенку это состраданіе—жалѣютъ его, что содѣйствуетъ только тому, что ребенокъ начинаетъ сильнѣе чувствовать свою болѣзнь; онъ будетъ потомъ плакать, хотя бы онъ совсѣмъ и не чувствовалъ боли.

Если вашъ Максъ заболѣетъ, чему трудно не случиться, то пускай онъ видитъ вокругъ себя только веселыя лица. Доставляйте ему больше развлеченія, чѣмъ обыкновенно, пока ему самому не захочется отдохнуть. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ ему легче преодолѣть свое болѣзненное состояніе. У него много разнообразныхъ занятій, его занимаютъ всѣ вопросы дня, новости по наукѣ и искусствамъ; чрезъ это онъ отчасти забываетъ свою болѣзнь. Представьте себѣ напротивъ человѣка, который ни о чемъ больше не заботился, какъ о заработкѣ куска хлѣба, который не обладаетъ, такъ сказать, никакимъ умственнымъ фондомъ; понятно, что въ случаѣ болѣзни, онъ только и будетъ ду-

мать, что о своемъ печальномъ положеніи и потому ощущать болѣзнь въ ея полной силѣ. Ему невозможно доставить себѣ столько разнообразныхъ занятій, какъ образованному человѣку. Большимъ благомъ во время болѣзни будетъ для вашего Макса то, если вы съ раннихъ лѣтъ научите его пользоваться его чувствами, духъ его сдѣлаете бодрымъ и пріучите его принимать участіе во всемъ окружающемъ. Гораздо рѣже случится тогда, что онъ не найдетъ ни въ чемъ удовольствія и останется совершенно безучастнымъ ко всему. Къ самодѣятельности у него въ это время, разумѣется, будетъ менѣе расположенія, чѣмъ обыкновенно; поэтому почаще забавляйте его и какъ можно веселѣе.

Совершенно не цѣлесообразно дѣйствовать такъ, чтобы дѣти боялись доктора, или грозить имъ. Ребенокъ долженъ смотрѣть на приходъ доктора какъ на счастье; старайтесь, чтобы онъ питалъ къ доктору большое довѣріе и облегчите ему послушаніе докторскимъ предписаніямъ.

Если вашъ Максъ вообще хорошо воспитанъ и сила воли хорошо развита въ немъ, то въ болѣзни у него рѣдко будетъ дурное расположеніе духа и капризъ. Упрямству и требованію вредныхъ вещей *не должно потворствовать и во время болѣзни*. Только ребенокъ за это не получаетъ никакихъ наказаній; нужно постараться заставить его забыть объ этомъ какимъ нибудь веселымъ развлеченіемъ. Вы должны помнить, что исполненіе желанія больнаго ребенка обыкновенно *не удовлетворяетъ* его: онъ бросаетъ игрушку, которую только что просилъ.

Докторамъ часто бываетъ очень трудно съ больнымъ ребенкомъ, они не могутъ угадать, что съ нимъ. Заботьтесь, чтобы Максъ могъ говорить обстоятельно, правильно называть части своего тѣла и чтобы онъ самъ привыкалъ слѣдить за собою. Когда онъ заболѣетъ, то сдѣлайте надъ нимъ маленькое изслѣдованіе въ шутливой формѣ, такъ, чтобы онъ ничего не замѣтилъ о вашемъ намѣреніи. Докторъ можетъ тогда узнать отъ васъ все нужное. Итакъ, воспитательное обращеніе съ больнымъ ребенкомъ должно отличаться отъ обращенія съ здоровымъ только тѣмъ, что не нужно наказывать его за дурное расположеніе духа и упрямство, а постараться отвратить ихъ посредствомъ интересныхъ развлеченій, но не лакомствомъ.

(Я не хочу однако этимъ укорять тѣхъ родителей, которые исполняютъ всевозможныя желанія лежащаго передъ ними *безнадежно-больнаго* ребенка, *въ послѣдніе часы его жизни*, стараясь этимъ доставить ему еще нѣсколько радости). При наступающемъ же выздоровленіи, разумѣется, нужно мало по малу прекратить постоянное услуживанье ребенку, постоянныя забавы съ нимъ, снова возбуждать его собственныя силы, и мало по малу опять возобновить прежній родъ обращенія. Если не сдѣлать этого, то ребенокъ станетъ охотно какъ можно дольше представляться больнымъ, или по крайней мѣрѣ болѣзненнѣе, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы такимъ образомъ не потерять такъ скоро тѣхъ льготъ, которыми онъ пользовался.

Лечить болѣзни составляетъ обязанность врача, но объ ихъ *предупрежденіи* долженъ заботиться каждый человѣкъ. Не изнѣживайте вашего Макса, (послѣдствія изнѣживанія общеизвѣстны); но точно также можетъ быть вредна и противоположная система—укрѣплять ребенка, если она дурно понята. Есть періоды, въ которые дѣти больше, чѣмъ обыкновенно, расположены къ болѣзнямъ, напр. во время прорѣзыванія зубовъ. Въ это время должно избѣгать холода, въ особенности холоднаго вѣтра. Но вашъ Максъ долженъ выходить иногда и въ суровую погоду; онъ не долженъ бояться непріятнаго чувства т. е. долженъ окрѣпнуть. Дайте же ему средство устоять отъ холода. Выпускайте его гулять на короткое время въ холодную погоду, одѣвайте его достаточно тепло, впрочемъ не слишкомъ закутывая его, и, что еще важнѣе,—накормите его до прогулки теплымъ кушаньемъ и питьемъ, а послѣ прогулки дайте ему напиться теплаго молока. Такимъ образомъ, онъ будетъ предохраненъ отъ вреднаго вліянія холода, что и составляетъ *разумное укрѣпленіе* ребенка. Если бы постоянно исполнялось правило кормить и поить дѣтей чѣмъ нибудь теплымъ до и послѣ прогулки, то навѣрное число маленькихъ дѣтей, умирающихъ отъ горловой болѣзни, было бы значительно менѣе. Лѣто представляетъ также много удобныхъ случаевъ для укрѣпленія тѣла дитяти. Пускай онъ пріучается къ дальнимъ прогулкамъ, пускай пріучается къ перенесенію голода и жажды; онъ долженъ выходить гулять и въ жаркій день. Не позволяйте ему вообще жаловаться на погоду; теперь очень много встрѣчается несносныхъ людей, кото-

рымъ не нравится никакая погода, хотя бы она была хороша какъ только возможно. Касательно физическаго воспитанія вашего Макса, я вамъ очень усердно рекомендую, кромѣ книги Бока «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» *) — «Первыя обязанности матери и первое ухаживаніе за ребенкомъ», Аммона **). Вы можете получить эти сочиненія въ каждомъ книжномъ магазинѣ (въ Германіи).

X.

Между мужчинами настоящаго времени очень много встрѣчается такихъ, которые не заслуживаютъ даже названія «мужчины»; они придаютъ очень много цѣны различнымъ пустякамъ, любятъ лакомиться и не привыкли ни въ чемъ себѣ отказывать. Причиною этому только одно воспитаніе. (Нужно замѣтить, что вообще все распредѣленіе времени, однимъ словомъ все, что на ребенка дѣйствуетъ,—я считаю воспитывающимъ его средствомъ). Многіе родители не хотятъ вѣрить, чтобы ребенку дома были привиты такого рода наклонности. Часто дома малютки получаютъ много лакомствъ; ѣдятъ, не будучи голодными; за столомъ они попробуютъ всего, даже того, что дѣтямъ вредно. Маленькій Эрнстъ, прежде чѣмъ родители успѣютъ сѣсть за столъ, выберетъ себѣ самые лучшіе кусочки въ блюдѣ, потому что, какъ его родители думаютъ: «мальчикъ долженъ сдѣлаться какъ можно ранѣе самостоятельнымъ». Воспитывайте, мой другъ, вашего Макса такъ, чтобы ему доставляло удовольствіе отказывать себѣ въ чемъ нибудь и владѣть собою. Давайте ему кушать въ назначенное время, и въ промежуткахъ—ничего, въ особенности же не давайте ему кушать, когда онъ жалуется на голодъ за нѣсколько минутъ до обѣда. Онъ долженъ привыкать ждать, пока отецъ и мать сядутъ за столъ, и получать кушанье послѣ нихъ. Вообще вы не должны говорить съ нимъ много о кушаньѣ; на пищу онъ долженъ смотрѣть только какъ на потребность природы. Не хвалите кушанья за ихъ вкусъ, хвалите ихъ питательность. Мальчика легко можно довести до того, что онъ будетъ находить достоинство въ своей сдержанности.

*) Vom gesunden und kranken Menschen.
**) Die ersten Mutterpflichten und die erste Kinderpflege.

Во время прогулки хорошо говорить съ ребенкомъ только о томъ, что его окружаетъ, а не заставлять его перечислять гласныя буквы или протверживать другаго рода уроки; онъ долженъ пріучаться къ наблюденію. Здѣсь онъ смотритъ, что за домъ строится; тамъ замѣчаетъ, что растеніе выросло со времени ихъ прогулки; онъ долженъ, однимъ словомъ, интересоваться всѣмъ міромъ, въ которомъ живетъ, всѣмъ, что въ немъ въ настоящую минуту происходитъ. Учителямъ очень часто приходится наблюдать въ школѣ, что дѣти богатыхъ родителей имѣютъ *слишкомъ мало* топографическихъ свѣдѣній, между тѣмъ какъ бѣдные дѣти вполнѣ знакомы съ мѣстомъ своего жительства и всею окрестностью. Разгадка этой загадки слѣдующая: богатые дѣти *ѣздятъ*, бѣдные—*ходятъ*.

Самое главное зло нашего времени, это, безспорно, страсть къ удовольствіямъ, какое бы ни было ея направленіе. Причина этому опять же лежитъ въ воспитаніи, потому что дѣти слишкомъ рано начинаютъ принимать участіе въ удовольствіи взрослыхъ, не умѣя при этомъ одинаково съ ними трудиться. Ихъ слишкомъ часто берутъ съ собою въ концертъ и въ театръ, какъ взрослыхъ. Точно также приноситъ много вреда господствующая страсть къ чтенію. Чего можемъ мы достигнуть посредствомъ поверхностнаго чтенія легкихъ журналовъ? Мгновенное удовольствіе и больше ничего; умъ нашъ не получаетъ отъ нихъ никакой прибыли. Я также назову *безплодными* и чтеніе ученой книги, если читатель ничего при этомъ не дѣлаетъ: не думаетъ, или не записываетъ достойнаго примѣчанія, и не слѣдуетъ нѣкоторымъ хорошимъ даннымъ совѣтамъ.

Доставьте вашему Максу пораньше, и доставляйте почаще, удовольствіе отъ *самодѣятельности*. Спрашивайте его каждый вечеръ, что онъ дѣлалъ и училъ въ теченіи дня, радуйтесь вмѣстѣ съ нимъ за хорошо исполненную работу и ведите его къ тому, чтобы онъ горько раскаявался въ потерянномъ днѣ. Я ни въ какомъ случаѣ не отношу къ благородной самодѣятельности страсть дѣтей «къ собиранію», которая теперь стала опять часто встрѣчаться, и предостерегаю васъ отъ вполнѣ безполезнаго *собиранія письменныхъ марокъ*, что очень любятъ дѣти и занимаются этимъ дома и въ школѣ. Эта страсть очень часто доводила дѣтей до обмана и подавала поводъ къ различной мелоч-

ной торговлѣ между ними и т. п. непріятностямъ. Въ коллекціяхъ съ ученою цѣлью, нужно также быть очень осторожнымъ; въ противномъ случаѣ дѣти, вмѣсто пользы, получаютъ только одинъ нравственный вредъ. Подъ этими коллекціями я разумѣю любимое мальчиками собираніе минераловъ, бабочекъ, жуковъ и растеній. Я считаю составленіе коллекцій за слишкомъ трудное предпріятіе для ребенка; оно и должно поэтому быть предоставлено взрослымъ. Судьба коллекцій, сдѣланныхъ дѣтьми, можетъ оправдать мой взглядъ на это дѣло: онѣ еще въ началѣ своего существованія приходятъ въ совершенное разрушеніе, валяясь гдѣ нибудь въ кладовой, а о томъ, какъ вредно дѣйствуетъ на ребенка неоконченный трудъ, дѣятельность безъ результата, я уже говорилъ вамъ прежде. Составленіе коллекцій бабочекъ, жуковъ, ведетъ, хотя и къ ненамѣренному, мученію насѣкомыхъ; дѣтямъ приходится притомъ брать въ руки вредныя вещества, какъ напр. сѣрный эфиръ. Эти коллекціи, дающія въ школѣ нѣкоторыя облегченія при преподаваніи, даютъ также поводъ къ мѣнянію между дѣтьми и другимъ дурнымъ послѣдствіямъ. Я не противъ такихъ коллекцій, дѣлайте ихъ, но я совѣтую вамъ подождать, пока Максъ выростетъ и пока у него разовьется страсть къ такимъ занятіямъ. Сдѣланная коллекція должна содержаться въ строгомъ порядкѣ и быть ведена послѣдовательно; Максъ даже въ зрѣломъ возрастѣ будетъ нуждаться въ этомъ отношеніи въ указаніяхъ опытнаго человѣка. Въ своихъ занятіяхъ, пускай Максъ остается какъ можно дольше *ребенкомъ*.

XI.

Мнѣ было очень пріятно читать въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, вопросъ о томъ, какъ нужно подготовить вашего сына къ школѣ, въ которую онъ на слѣдующій годъ поступитъ. Изъ этого вопроса я вижу, что вы не принадлежите къ числу тѣхъ матерей, которыя находятся въ заблужденіи, будто имъ не нужно никакихъ указаній и поученій въ воспитаніи ихъ дѣтей, или къ числу тѣхъ, которыя совершенно оставляютъ дѣтей на произволъ судьбы, случая и прислуги.

Я очень хорошо знаю, что нѣкоторыя матери и отцы, изъ *боязни*, что дѣти ихъ будутъ стоять въ познаніяхъ ниже дѣтей,

поступившихъ съ ними въ одно время въ школу, даютъ имъ отдѣльные уроки, или поручаютъ кому нибудь приготовлять къ школѣ. Къ сожалѣнію, есть и такіе родители, которые дѣлаютъ это ради глупаго *тщеславія*, чтобы ихъ ребенокъ могъ отличиться предъ другими. На вашъ вопросъ я могъ бы представить вамъ программу нашей школы, гдѣ значится, что особенныхъ приготовленій для поступающихъ въ 8-й классъ не требуется; но мнѣ хочется поговорить съ вами подробнѣе объ этомъ предметѣ. Я буду сначала говорить о томъ, что̀ ребенокъ долженъ *необходимо* принести съ собою въ школу, за тѣмъ о томъ, что̀ для насъ, учителей, было бы *желательно*, чтобы онъ принесъ, и наконецъ о томъ, что̀ совершенно *излишне* и даже приноситъ *вредъ*, но между тѣмъ все таки считается многими родителями необходимымъ. Чтобы школьное образованіе имѣло на ребенка благотворное вліяніе, онъ долженъ получить хорошее нравственное воспитаніе въ первыя шесть лѣтъ своей жизни. У многихъ же малютокъ, поступающихъ къ намъ, это воспитаніе не совсѣмъ удовлетворительно, не смотря на то, что у насъ дѣти принадлежатъ къ образованному сословію; учителя должны тратить много времени,—которое должно бы быть посвящено на преподаваніе,—чтобы уничтожить въ ученикахъ ихъ старые, закоренѣлые недостатки. Такъ напр., какой нибудь ребенокъ ни за что не хочетъ жить въ ладу съ своими товарищами и находитъ удовольствіе дразнить ихъ. Всякое замѣчаніе, которое ему дѣлаютъ въ школѣ, прерываетъ, хотя и не надолго, преподаваніе. Другой ученикъ дѣлаетъ постоянный безпорядокъ, да онъ и вообще не знаетъ, что такое порядокъ. Книга, совершенно новая, которую дастъ ему учитель, въ теченіи недѣли дѣлается ни на что не похожа. Нерѣдко жалуется тогда отецъ или мать, что ребенка не пріучаютъ въ школѣ къ порядку, что онъ не привыкаетъ беречь свои книги. Какимъ же образомъ можетъ учитель въ теченіи четверти или полу-года достигнуть того, чему не научили его родители въ теченіи 6 лѣтъ? Въ школѣ учитель видитъ дѣтей ежедневно только часа 4; тогда какъ мать имѣла ихъ передъ глазами цѣлый день. Поступаетъ, напримѣръ, премилый мальчикъ, съ очень хорошими способностями, но онъ до того вѣтренъ и невнимателенъ, что ни на минуту не можетъ сосредоточить своихъ мыслей на одномъ предметѣ. Вотъ и предстоитъ

школѣ задача исправить въ одну минуту то, что было упущено дома. Тутъ же сидитъ мальчикъ безъ всякой энергіи и боязливый, свой урокъ онъ отвѣчаетъ нерѣшительно, хотя отвѣты его большею частью вѣрны; у него недостаетъ самоувѣренности, она подавлена въ немъ при воспитаніи, быть можетъ, слишкомъ большою строгостью, или самоуправствомъ, или насмѣшками. Я надѣюсь, вы поймете теперь почему я сказалъ, что самое лучшее приготовленіе къ школѣ, это—хорошее нравственное воспитаніе. Въ указанныхъ мною случаяхъ, я говорилъ только о небольшихъ недостаткахъ, потому что отъ болѣе важныхъ,—какъ напр. неопрятность, привычка лгать и т. п.—вы навѣрное сохранили своего Макса; къ сожалѣнію эти недостатки очень часто приносятъ съ собою въ школу маленькія дѣти.

Необходимо, чтобы дѣти, поступая въ школу, умѣли правильно употреблять свои органы чувствъ. Вамъ вѣроятно покажется страннымъ, если я вамъ скажу, что въ элементарномъ классѣ встрѣчаются ученики, которые не умѣютъ какъ слѣдуетъ смотрѣть и слышать, хотя у нихъ здоровы и глаза и уши. Когда такого ребенка спрашиваютъ, что онъ видѣлъ на улицѣ, что ему поручили отецъ и мать, онъ не знаетъ, что отвѣтить. По улицѣ онъ идетъ погруженный въ свои мысли и часто не знаетъ, гдѣ шелъ, потому что воображеніе его въ то время было занято совершенно посторонними предметами. Такъ какъ его не пріучили обращать вниманіе на происходящее около него, онъ въ первое время поступленія въ школу не будетъ обращать вниманія на слова учителя, пока не научится этому. Когда онъ пишетъ, то не смотритъ на свое перо; читая, не смотритъ въ книгу; когда учитель пишетъ или рисуетъ что нибудь на доскѣ, онъ не замѣчаетъ написаннаго, но видитъ совершенно посторонніе предметы: какъ держитъ себя учитель, или же смотритъ на крючокъ, на которомъ виситъ доска. Развѣ нельзя сказать о такомъ ребенкѣ, что онъ еще не умѣетъ смотрѣть? — Когда учитель объясняетъ что нибудь, то очень можетъ быть, что ребенокъ дѣлаетъ про себя очень умныя сужденія относительно его физіономіи, платья, или чего другаго, которыя, быть можетъ, свидѣтельствуютъ о долгомъ размышленіи съ его стороны; но онъ не слышитъ словъ учителя, не можетъ долго слѣдить за преподаваніемъ, даже тогда, когда говорятъ съ нимъ понятнымъ для ре-

бенка языкомъ. Можно-ли же сказать о такомъ мальчикѣ, что онъ умѣетъ слышать? Разумѣется нѣтъ. Его чувства управляютъ имъ, а не онъ ими; онъ еще не научился сосредоточивать своего вниманія т. е. направлять дѣятельность своихъ чувствъ на данный предметъ, его умъ наполненъ тѣмъ, что кажется для него пріятнымъ. Если вы хотите хорошенько подготовить вашего сына къ школѣ, то научите его видѣть и слышать.

«Какъ же начать мнѣ»? спросите вы. Дѣло не очень трудное. Давайте ему уже и теперь различныя порученія и аккуратно смотрите, чтобы онъ правильно исполнялъ ихъ и точно передавалъ всѣ отвѣты, которые ему даютъ. Когда онъ вернется съ прогулки, спрашивайте его, что онъ видѣлъ на улицѣ, обращайте его вниманіе на всѣ подробности въ его картинахъ. Когда вы говорите съ нимъ, то онъ не долженъ прерывать вниманія, даже если бы въ то время по улицѣ проходили солдаты съ музыкой. Такимъ образомъ можно достигнуть того, что онъ будетъ господиномъ своихъ чувствъ, научится видѣть и слышать.

Низшіе органы чувствъ не требуютъ такого развитія, они развиваются сами собою и иногда въ слишкомъ сильной степени. Это относится особенно къ чувству вкуса, который поэтому слѣдуетъ въ особенности обуздывать, чтобы онъ не взялъ перевѣса надъ всѣмъ человѣкомъ.

Для учениковъ элементарнаго класса, кромѣ развитія чувствъ, почти столько же необходимъ и хорошій выговоръ. Вамъ уже извѣстно, что относительно выговора грѣшатъ многія матери; изъ выговора поступившихъ дѣтей можно сдѣлать любопытные выводы объ ихъ домашнемъ воспитаніи. Иногда мальчикъ называетъ всѣ предметы въ уменьшительной, ласкательной формѣ, другой говоритъ такимъ образомъ, какъ прислуга между собою, третій совершенно не можетъ произносить нѣкоторыхъ звуковъ (буквъ), хотя у него нѣтъ никакаго органическаго недостатка. Первый мальчикъ—въ своихъ дѣтскихъ выраженіяхъ былъ такъ очарователенъ, что ихъ хотѣлось сохранить какъ можно подольше; даже взрослые говорили съ нимъ такимъ же языкомъ. Второй мальчикъ былъ отданъ вполнѣ на руки прислуги, и родители не могли замѣтить недостатка въ его выговорѣ. Что же касается послѣдняго, то матери было слишкомъ неудобно взять на себя трудъ научить ребенка произносить правильно отдѣльные звуки,

потому она предоставляла это школѣ, думая, что это ея обязанность. А между тѣмъ какъ облегчаетъ ребенку ученіе хорошій выговоръ! Онъ не только облегчаетъ ему научиться хорошо читать, но и правильно писать, потому что дитя обыкновенно въ первые годы пишетъ такъ, какъ говоритъ. Если онъ говоритъ невнятно, такъ что нѣкоторые звуки не вполнѣ слышны или совершенно не слышны, то онъ или пишетъ эти звуки совсѣмъ неправильно, или же совсѣмъ пропускаетъ ихъ. Особенно нужно бываетъ хорошее произношеніе, когда въ школѣ начинаютъ дѣлать сочиненія, потому что правильное произношеніе, съ должнымъ удареніемъ на слогахъ, имѣетъ значеніе не только для рѣчи, но и для ясности мыслей. Потому хорошо сдѣлаютъ родители, если будутъ заботиться о хорошемъ выговорѣ ребенка. Но не слѣдуетъ заставлять ребенка слишкомъ рано говорить стихи, молитвы и т. п.—все это выходитъ изъ сферы пониманія ребенка, вслѣдствіе чего онъ привыкаетъ къ безсмысленному повторенію словъ. Другое дѣло разсказывать ему маленькія исторійки, какъ вы уже дѣлали. Но только одного слушанія разсказа недостаточно, потому что ребенокъ чувствуетъ только одно наслажденіе, у него развивается страсть къ такому наслажденію, которая позднѣе перейдетъ въ пагубную страсть читать романы. Максъ долженъ отдавать отчетъ въ томъ, что ему разсказываютъ. Онъ не долженъ слышать другаго разсказа до тѣхъ поръ, пока не отвѣтитъ хорошо на вопросы, предложенные ему относительно перваго. Вотъ и всѣ требованія, исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать преподаваніе въ школѣ полезнымъ для Макса.

Еще очень хотѣлось бы кое-чего, что стоитъ въ связи съ развитіемъ чувствъ, а именно: чтобы дѣти поступали въ школу съ нѣкоторыми уже понятіями о числахъ. Я вообще не могу себѣ представить, чтобы шестилѣтній ребенокъ совсѣмъ не имѣлъ о нихъ понятія, если его уже научили правильно видѣть и слышать. Большинство дѣтей, поступающихъ въ школу, конечно, знаетъ, что у человѣка двѣ руки, двѣ ноги и пять пальцевъ на каждой рукѣ, потому что имъ было говорено объ этомъ; нѣкоторые даже умѣютъ бѣгло считать до 100. Если же спросятъ одного изъ этихъ дѣтей, что больше: 9 или 5?—то большею частію онъ не выдержитъ этого экзамена. Отчего это происхо-

дитъ? Отъ того, что онъ совершенно машинально выучился перечислять одну цифру за другою, не связывая съ ними никакаго представленія. Такіе ученики доставляютъ своему учителю часто очень много непріятностей; все, что они учили, оказывается совершенно безполезнымъ, и родители нерѣдко удивляются, отчего сынъ ихъ дѣлаетъ такъ мало успѣховъ въ ариѳметикѣ, тогда какъ, при поступленіи въ школу, онъ уже умѣлъ считать. Нѣкоторые родители весьма старательно учатъ своихъ дѣтей таблицѣ умноженія, думая оказать этимъ для школы и для ребенка большую услугу. Если вы уже научили чему нибудь подобному вашего Макса, то мнѣ прискорбно, что приходится назвать трудъ вашъ совершенно безполезнымъ. Если вы хотите подготовить его къ ариѳметикѣ, то не учите исчислять безсмысленно цифры, но старайтесь, чтобы онъ соединялъ съ ними и представленія. Вы поймете, что я не требую отъ васъ правильнаго преподаванія ариѳметики, такъ какъ методическое обученіе принадлежитъ только одной школѣ, а никакъ не родителямъ. Только при удобномъ случаѣ, въ игрѣ, въ прогулкѣ или въ разговорѣ, вы должны дать Максу первыя понятія о числахъ. Къ этому дѣти сами очень часто подаютъ поводъ. Вы имѣли, вѣроятно, случай замѣтить, что Максъ спрашивалъ у васъ: «сколько ты мнѣ сегодня дашь вишень или сливъ? сколько стоитъ кегель и сколько упало»? Этими вопросами онъ показываетъ вамъ правильный способъ, которымъ онъ можетъ достигнуть понятія о числахъ, потому что онъ спрашиваетъ о числѣ *предметовъ*; онъ, значитъ, не хочетъ числа безъ названій, что составляетъ для него только пустыя слова. Поэтому вы мало доставите ребенку удовольствія (и еще меньше — умственной прибыли), если спросите у него: «Сколько будетъ 2 да 1? или: что останется если я возьму 2 изъ 3-хъ»? и т. п. Вы напротивъ доставите ему удовольствіе и пользу, когда будете считать предметы, находящіеся у него передъ глазами и, еще лучше, тѣ, которые онъ по своему желанію можетъ прибавить и убавить. Спрашивайте его о числѣ картинъ, зеркалъ, стульевъ и другихъ предметовъ, находящихся въ комнатѣ; задавайте ему иногда маленькія задачи, гдѣ бы онъ могъ примѣнить свои познанія въ счисленіи, какъ напримѣръ: «принеси мнѣ изъ кухни три ложки! Придвинь къ столу четыре стула! Вотъ тебѣ шесть сливъ, три отдай сестрѣ, а другія ос-

тавь у себя» и т. д. Есть очень хорошій способъ дать ребенку ясное понятіе о числахъ, это—игра въ домино; на косточкахъ онъ видитъ очки, постоянно стоящіе въ одномъ и томъ же порядкѣ. *Четыре* онъ представляетъ себѣ какъ *два и два*; *пять*—какъ *четыре и одинъ*; *шесть* представляется ему какъ *два раза три*. Другое прекрасное образовательное средство для счисленія—это ящикъ съ кубиками, изъ которыхъ ребенокъ можетъ строить столбики различной величины, и такимъ образомъ, играя, можетъ при помощи матери научиться прибавлять и убавлять. Скажите Максу: «построй башню изъ шести, четырехъ и десяти камней, сними одинъ камень съ первой башни и положи его на вторую. Какъ высока первая и какъ высока вторая башня? Пристрой къ башнямъ двѣ стѣны, каждую въ четыре камня; сколько разъ положилъ ты по четыре камня»?

Если вы будете играть такимъ разумнымъ образомъ съ вашимъ Максомъ, то для васъ и для него очень скоро пройдетъ время, а отъ часу такой забавы я обѣщаю вамъ больше пользы, чѣмъ отъ многихъ часовъ ариѳметическаго преподаванія въ школѣ. Но ребенокъ не долженъ замѣчать заключающейся въ этой игрѣ цѣли, а то у него скоро пройдетъ охота къ этому занятію.

Я привелъ только немногія игры, другія вы выдумаете сами, какъ напримѣръ, игра въ купца, въ солдаты и т. д., при которыхъ точно также дается случай познакомить ребенка съ понятіемъ о числахъ.

Если вы такимъ образомъ передадите вашему Максу понятіе о числахъ (но ни въ какомъ случаѣ болѣе, чѣмъ до 10-ти), то этимъ вы принесете большую пользу, какъ самому ребенку, такъ и школѣ. Если же вамъ кажется такая работа слишкомъ ничтожною и, вмѣсто этого, вы захотите лучше выучить вашего Макса считать подъ-рядъ числа и таблицу умноженія, читая ему и то и другое до тѣхъ поръ, пока онъ не запомнитъ всѣ цифры подъ рядъ, или захотите давать ему отдѣльные уроки; то лучше ничего не дѣлайте: вы такъ, по крайней мѣрѣ, не принесете вреда ни ребенку, ни школѣ.

У васъ было также намѣреніе научить Макса еще до поступленія въ школу азбукѣ и, если возможно, то и чтенію. Но такъ какъ другія дѣти, поступившія въ одно время съ нимъ,

не будутъ такъ подготовлены, то Максу придется скучать въ часы чтенія; заставить же ребенка скучать—значитъ повредить ему въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вы уже достаточно подготовите его къ обученію чтенію тѣмъ, что обратите должное вниманіе на его произношеніе. Еще менѣе цѣлесообразнымъ признаю я желаніе приготовить ребенка къ школѣ относительно письма, хотя я вполнѣ признаю въ этомъ случаѣ хорошее намѣреніе родителей. Вамъ незнакомъ способъ преподаванія письма въ школѣ, матеріалъ для него дома обыкновенно назначенъ для взрослыхъ и, наконецъ, взглядъ на держаніе пера и корпуса можетъ быть такъ различенъ, что школѣ часто приходится дѣтей, уже учившихся дома, начинать учить писать сначала и искоренять нѣкоторые недостатки.

Вотъ вамъ мой взглядъ касательно приготовленія мальчика къ школѣ. Родители могутъ даже не дѣлать никакихъ подготовокъ къ школѣ; только одного не должны они упускать изъ виду—это дать дѣтямъ хорошее нравственное воспитаніе, безъ котораго все послѣдствіе школьнаго преподаванія будетъ вопросомъ.

XII.

На вашъ вопросъ относительно того, слѣдуетъ-ли наблюдать за школьными занятіями дитяти и помогать ему въ нихъ, отвѣчаю немедленно, такъ какъ именно теперь мое вниманіе обращено на этотъ предметъ. Одинъ отецъ, къ моему сожалѣнію, выразилъ мнѣ свое неудовольствіе за то, что сынъ его не хорошо учится изъ ариѳметики и нѣмецкаго языка. У него,—какъ отецъ мнѣ самъ сообщилъ,—не было недостатка въ помощи; но какъ скоро онъ долженъ былъ обходиться безъ нея, то не шелъ дальше. Впрочемъ отецъ не обвинялъ въ этомъ школу, но самого мальчика, и надѣялся на его скорое исправленіе. Точно также и я не былъ вполнѣ доволенъ успѣхами этого ученика, какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ другихъ предметахъ, что я и отмѣтилъ въ его аттестатѣ за мѣсяцъ. Куртъ — такъ имя этого мальчика — имѣетъ хорошія способности, хотя и не принадлежитъ къ самымъ способнымъ ученикамъ въ классѣ; тѣмъ болѣе казалось мнѣ страннымъ, что работы, которыя онъ дѣлалъ въ

классѣ, отличались невѣрностью, и онъ вообще употреблялъ на нихъ много времени, между тѣмъ какъ работы, сдѣланныя дома, были всегда удовлетворительны. Я имѣю основаніе предполагать, что причиной такой малоуспѣшности Курта была домашняя помощь. Хотя этотъ мальчикъ, вслѣдствіе непродолжительной болѣзни, нѣсколько отсталъ отъ другихъ учениковъ, но, при домашней помощи, онъ, съ его способностями, давно могъ бы ихъ догнать. Слѣдовательно, причина его медленныхъ успѣховъ могла заключаться только въ томъ способѣ, какимъ оказывалась ему эта помощь. Я утверждаю, что «всякая помощь, хотя бы она была и очень нужна ученику, можетъ быть очень опасна; ее нужно употреблять притомъ съ крайнею осторожностью, иначе она можетъ имѣть дурное вліяніе на развитіе ума и характера ученика.» Въ какомъ же случаѣ необходима помощь ребенку? Только въ томъ, когда ученикъ, вслѣдствіе болѣзни или по недостатку умственныхъ способностей, отсталъ отъ своихъ товарищей. Куртъ былъ боленъ и пропустилъ три недѣли. Когда онъ снова вернулся въ школу, гдѣ начали новое дѣйствіе ариѳметики, онъ не могъ уже слѣдить съ пользою за преподаваніемъ. Тутъ помощь была кстати, чтобы возстановить пропущенное ученикомъ, на что не потребовалось бы много времени; но за тѣмъ слѣдовало бы его опять предоставить самому себѣ. Вмѣсто того отецъ, какъ онъ говорилъ мнѣ самъ, далъ ему учителя, который помогалъ ему дѣлать задаваемыя въ школѣ ариѳметическія задачи, сочиненія и пр. Такимъ образомъ, Куртъ, къ нашему удивленію, приносилъ въ школу очень хорошо написанныя сочиненія, безошибочные переводы и правильно рѣшенныя задачи. Возьмемъ самый благопріятный случай, именно тотъ, когда учитель исполняетъ это съ большимъ знаніемъ, заставляетъ ученика самого выполнять задачи, при чемъ онъ умѣетъ хорошо ставить вопросы, чтобы такимъ образомъ облегчить ему трудъ. Что выйдетъ изъ этого? Мальчикъ работаетъ не самостоятельно, но ожидаетъ, чтобы учитель сперва возбудилъ его къ занятію; самъ онъ не побуждаетъ себя къ дѣятельности, потому что знаетъ, что урокъ, надъ которымъ ему пришлось бы, пожалуй, очень долго думать, можетъ быть скоро исполненъ при помощи домашняго учителя, который вѣдь все равно придетъ. Такой ученикъ будетъ лѣнивъ

на размышленіе и въ школѣ (что замѣчается учителями нерѣдко), онъ будетъ постоянно ждать возбужденія извнѣ, въ которомъ онъ, въ сущности, совершенно не нуждается. Я очень хорошо знаю, что нѣкоторыя матери и нѣкоторые отцы садятся съ ребенкомъ помогать ему въ его урокахъ, съ добрымъ намѣреніемъ заставить его исполнить заданное и образовать изъ него развитаго человѣка. Если я и здѣсь предположу, что всѣ родители имѣютъ на столько ума, что не дѣлаютъ сами части работы своего сына, а только руководятъ имъ въ ея исполненіи, то и въ этомъ счастливомъ случаѣ, помощь дѣйствуетъ совершенно обратно тому, какъ этого желаютъ: именно, она способствуетъ развитію въ ученикѣ лѣни къ размышленію и отнимаетъ охоту къ труду. Вслѣдствіе этого, дѣти не могутъ стать на свои ноги, ихъ самостоятельность исчезаетъ, какъ и вниманіе къ занятіямъ въ школѣ. Ребенокъ какъ во снѣ слушаетъ развитіе какой нибудь идеи или объясненіе задачи; онъ вѣдь знаетъ, что дома ему еще разъ будетъ все хорошо объяснено. Самое же худое состоитъ здѣсь въ томъ, что ребенокъ знакомится съ обманомъ, хотя и въ невинной формѣ, такъ какъ на сдѣланныя не имъ работы будутъ смотрѣть въ школѣ, какъ на его собственное произведеніе. Учитель долго не знаетъ, что ребенокъ изображаетъ собою куклу на пружинѣ, приводящуюся въ движеніе другими лицами. Такимъ образомъ ученикъ за ничтожный трудъ получаетъ похвалу и находится самъ въ заблужденіи, будто онъ заслужилъ ее, потому что совсѣмъ не чувствуетъ, что въ сущности онъ не самъ сдѣлалъ работу. Учителю въ этомъ случаѣ представляются большія затрудненія; если онъ ничего не знаетъ касательно помощи, оказываемой ученику дома, онъ предполагаетъ, что дитя само дѣлаетъ свои уроки, онъ очень доволенъ имъ и, думая, что онъ понялъ его объясненіе, спокойно идетъ далѣе; слѣдующія работы ребенку тоже удаются, такъ что учитель считаетъ возможнымъ дать ему задачи потруднѣе; между тѣмъ какъ уже первая была ему не по силамъ, такъ что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чужой помощи. И такимъ образомъ, дома дѣйствуютъ противно цѣли школы, хотя это было бы и съ добрымъ намѣреніемъ. Вслѣдствіе помощи, оказанной ребенку не кстати, изъ него не можетъ образоваться человѣкъ, достигшій до чего нибудь сво-

имъ собственнымъ трудомъ и силою, но—слабохарактерный, котораго можетъ принудить къ работѣ только внѣшнее побужденіе; не мыслитель, но человѣкъ, усвоивающій себѣ все, что ему съ перваго взгляда покажется вѣроятнымъ, и выдающій потомъ это за свое собственное мнѣніе; съ нечестнымъ и не откровеннымъ характеромъ, онъ не постыдится скрыть всѣ съ нимъ случившіяся заблужденія; человѣкъ, который наряжается въ чужія перья, и хорошую мысль, гдѣ либо украденную, выдаетъ за свою собственную.

Многіе родители выражали желаніе, чтобы учителя записывали заданные ихъ дѣтямъ уроки въ особенную книжечку, такъ какъ они часто не знаютъ, что имъ задано. Мы съ охотою взяли бы этотъ трудъ на себя, но принесетъ-ли это дѣтямъ пользу—это другой вопросъ. Будетъ ли кто нибудь впослѣдствіи записывать дѣтямъ ихъ ежедневныя обязанности, или они должны будутъ сами заботиться объ этомъ? У насъ въ школѣ число и свойство уроковъ всегда соотвѣтствуетъ возрасту ученика, такъ что онъ, при надлежащемъ вниманіи, можетъ очень хорошо запомнить что ему задано и выучить. Другое дѣло, если ученикъ самъ ведетъ такую книжечку. Гораздо полезнѣе будетъ для ребенка, если онъ вовсе не сдѣлаетъ заданнаго урока или сдѣлаетъ его дурно и будетъ за это наказанъ, нежели если его будутъ постоянно водить на помочахъ и охранять отъ малѣйшей оступи. Маленькимъ дѣтямъ, разумѣется, надо напоминать иногда о приготовленіи ихъ уроковъ, но и имъ не должно показывать, какъ они должны ихъ дѣлать, что имъ уже будетъ сказано въ школѣ. Часто старшіе дѣти, не задолго до ухода въ школу, сами приходятъ къ отцу или къ матери и говорятъ: «спроси меня, пожалуйста!» Но и въ самой этой просьбѣ уже слышится баловство: это указываетъ, что ребенокъ хочетъ только провѣрить, знаетъ ли онъ свой урокъ, слѣдовательно, онъ самъ въ себѣ еще не увѣренъ. «А развѣ ты самъ не можешь рѣшить, знаешь ли ты свои стихи?» спроситъ каждый разумный отецъ или разумная мать. Если ребенокъ отвѣтитъ «нѣтъ,» то самъ пойметъ, что̀ ему затѣмъ остается дѣлать; если же отвѣтитъ «да,» то̀ провѣрка его знанія тѣмъ болѣе излишня. Кромѣ того, не слѣдуетъ предаваться сладкому заблужденію, будто дитя, котора̀го добрая маменька

по три по четыре раза провѣряетъ дома,—при чемъ, въ первый разъ онъ отвѣчаетъ плохо, во второй немного лучше, а въ третій весьма посредственно,—будетъ много тверже отвѣчать въ школѣ. Вовсе нѣтъ; дитя полагается на то, что учитель, подобно его доброй баловницѣ маменькѣ, поможетъ ему гдѣ нужно, подсказавъ хотя бы только начальный слогъ слова. Если учитель замѣтитъ ему, что онъ не хорошо знаетъ свой урокъ, ребенокъ сошлется на мать и скажетъ, что она провѣряла его; но при этомъ онъ или давно уже забылъ, или, можетъ быть, совсѣмъ и не замѣтилъ, что мать помогала ему при малѣйшемъ затрудненіи. На основаніи этого, вліяніе матерей, не слишкомъ заботливыхъ,—а такихъ, говоря кстати, не мало,—бываетъ менѣе вредно для дѣтей, чѣмъ вліяніе тѣхъ, которыя въ приготовленіи уроковъ, равно какъ и во всемъ другомъ, постоянно направляютъ ребенка, такъ сказать—водятъ его на помочахъ, и тѣмъ не допускаютъ ни до какой самостоятельности.

Взрослымъ мальчикамъ отнюдь не слѣдуетъ напоминать о заданныхъ имъ въ школѣ урокахъ или о какихъ либо другихъ обязанностяхъ, они сами легко могутъ сосредоточиваться на мысли о добросовѣстномъ ихъ исполненіи; въ достиженіи этого и заключается главная цѣль задаваемыхъ дѣтямъ на домъ уроковъ.

Знанія, которыя ученикъ пріобрѣтаетъ при домашнихъ занятіяхъ, далеко не такъ благотворны и важны, чтобы ради ихъ стоило жертвовать развивающеюся въ немъ способностью преодолѣвать свою *природную* лѣнь,—готовиться къ самостоятельной, свободной дѣятельности и такимъ образомъ развивать въ себѣ добросовѣстность и вѣрность къ своему будущему призванію. Впродолженіе самаго урока эти качества никакимъ образомъ не могутъ привиться къ дѣтямъ; въ это время они и безъ того болѣе способны къ воспріятію, ибо присутствіе учителя, его болѣе или менѣе увлекательное изложеніе, требуютъ отъ нихъ полнаго вниманія. При домашнихъ же своихъ занятіяхъ, они вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, и потому, согласно запасу нравственной силы каждаго, могутъ исполнять ихъ небрежно или старательно. Нецѣлесообразная, въ этомъ случаѣ, помощь родителей ослабляетъ, или даже вполнѣ уничто-

жаетъ благотворное вліяніе самостоятельнаго труда на дѣтскую нравственность.

Ежели для дѣтей способныхъ, по случаю какой либо болѣзни, часто оказывается нужною помощь, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ допустить ее, и на болѣе продолжительное время, для дѣтей менѣе способныхъ; здѣсь этому исключительному воспитанію ставится и цѣль совершенно другая. Даже въ томъ случаѣ, когда возрастъ дѣтей, о которыхъ идетъ рѣчь, не позволяетъ помѣстить ихъ въ нисшій классъ,—хотя бы это и лучше было,—помощь имъ можно допустить не съ цѣлью помогать ученикамъ въ исполненіи ихъ школьныхъ уроковъ, но чтобы подобными же занятіями возбуждать ихъ, и какъ можно болѣе развивать въ нихъ еще дремлющія умственныя способности. Если школьныя занятія этихъ дѣтей идутъ плохо, то учитель, по крайней мѣрѣ, знаетъ въ чемъ дѣло и, исполняя свою обязанность, можетъ дать дѣтямъ болѣе наглядныя и ясныя объясненія или задавать имъ уроки болѣе легкіе, соотвѣтствующіе ихъ способностямъ; это для него немыслимо, когда дѣти, безъ его вѣдома, находятъ дома всегда готовую помощь. Понятно, что слѣдуетъ отличать помощь дѣтямъ, и поддержку ихъ въ приготовленіи уроковъ, отъ повторенія того, что было пройдено въ школѣ, и что—въ особенности для предметовъ, требующихъ положительныхъ знаній, какъ напримѣръ: географіи и исторіи—не можетъ остаться безъ благотворныхъ послѣдствій.

Такое повтореніе нисколько не препятствуетъ свободной, самостоятельной дѣятельности; напротивъ, повторяя дома то, что разсказывалось въ школѣ (на что, между прочимъ, слѣдовало бы обратить болѣе вниманія, чѣмъ обращается теперь), ученикъ бываетъ вынужденъ ясно и отчетливо запоминать разсказанное. При правильномъ требованіи этого со стороны родителей, такое ежедневное самоиспытаніе ребенка будетъ поощрять его къ вниманію, а слѣдовательно и благотворно дѣйствовать на всю его умственную дѣятельность.

XIII.

Такъ какъ время поступленія Макса въ школу все болѣе приближается, то я считаю себя въ правѣ обратить ваше вни-

маніе на одно неудобство, причиняющее мнѣ ежегодно новую заботу и новый трудъ. Именно, я имѣю обыкновеніе разузнавать у родителей о свойствахъ и недостаткахъ характера вновь поступающихъ воспитанниковъ, чтобы соображаться по этому съ мѣрами воспитанія. Мнѣ пріятно было бы знать не только всѣ недостатки ученика, но и вообще все, что до него касается; это избавило бы какъ меня, такъ и родителей, отъ многихъ заботъ и затрудненій; тѣмъ болѣе, что желаніе родителей скрыть отъ воспитателей недостатки своихъ дѣтей имѣетъ часто самыя печальныя послѣдствія. Я увѣренъ, что родители, отдавая своихъ дѣтей въ какое-нибудь заведеніе, поступаютъ такъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что здѣсь именно употребятъ всѣ средства, чтобы образовать изъ мальчика порядочнаго человѣка, не только со стороны познаній и способностей, но и со стороны развитія его характера. Но незнаніе всего, касающагося характера вновь принимаемаго питомца, сильно затрудняетъ дѣятельность учителей въ отношеніи къ каждому изъ учениковъ. Недостатокъ знаній и способностей легко обнаружится; нравственные же недостатки труднѣе узнаются: новизна мѣста, лицъ и вообще всей обстановки ставитъ каждаго вновь поступившаго ученика въ необходимость строго слѣдить за собой, а чрезъ то казаться лучше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности есть;—впрочемъ надо замѣтить также, что большею частью ученикъ поступаетъ въ школу съ добрыми намѣреніями. Непривычная для него новизна всего окружающаго держитъ его въ нѣкоторомъ напряженіи и такъ поглощаетъ его вниманіе, что невыгодныя стороны его характера не имѣютъ еще случая выказаться. Только сроднившись съ обстановкой, является онъ такъ, какъ онъ есть. Если же тогда жалуются на него за его шалость, лѣность или невниманіе, то воспитатель приходитъ въ недоумѣніе—считать ли эти недостатки только преходящимъ явленіемъ случайности, или они уже глубоко вкоренились въ мальчикѣ; онъ не знаетъ, какъ о немъ судить и какъ съ нимъ поэтому обходиться. Снисходительное обхожденіе укрѣпило бы его еще болѣе въ вышеупомянутыхъ недостаткахъ, между тѣмъ какъ строгое наказаніе легко могло бы быть несправедливостью. Такъ всегда и случается, когда воспитатель не имѣетъ возможности узнать особенностей, свойственныхъ характеру каждаго вновь поступающаго ученика;

у него одинъ опытъ въ рессурсѣ, и онъ только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени узнаетъ своего питомца. А между тѣмъ въ этотъ столь важный и благопріятный для воспитанія періодъ вступленія въ новую обстановку, не мало можно повредить всему дѣлу воспитанія, если не воспользоваться тѣми средствами, которыя могли бы наставить мальчика на истинный путь. Но еще хуже, когда родители, отдавая своего сына въ школу и описывая его характеръ, умалчиваютъ о нѣкоторыхъ его недостаткахъ, изъ ложнаго ли стыда, или же потому, что считаютъ ихъ крайне неважными. Я же съ своей стороны, предполагая, что родители вполнѣ описали мнѣ ребенка, составляю себѣ, на основаніи этого, планъ воспитанія; и только много недѣль или даже мѣсяцевъ спустя, узнаю, что у ребенка были недостатки, о которыхъ мнѣ его родители не говорили, и которые могли еще болѣе укрѣпиться въ немъ тѣмъ обращеніемъ, которымъ онъ пользовался во все это время.

Правда, что коренные недостатки дѣтей служатъ часто прямымъ обвиненіемъ ихъ воспитателей, и въ особенности ихъ первоначальныхъ воспитателей, какъ-то: матерей, бабушекъ, тетушекъ и мамушекъ.

Но тѣмъ не менѣе я думаю, что стыдъ со стороны родителей—открывать недостатки своихъ дѣтей лицамъ, которымъ они поручаютъ ихъ дальнѣйшее воспитаніе,—совершенно ложный. Каждый докторъ имѣетъ право строго требовать отъ пользующихся у него подробнаго описанія состоянія ихъ здоровья, хотя бы это и принуждало больныхъ сознаться въ томъ, что они сами неосторожностью или невоздержностью причинили себѣ болѣзнь. Ложный стыдъ могъ бы въ этомъ случаѣ надѣлать много вреда, ибо докторъ употреблялъ бы тогда невѣрныя средства. Точно также бываетъ и въ воспитаніи. Если родители не открываютъ всѣхъ недостатковъ своихъ дѣтей, даже тѣхъ, которые развились въ нихъ въ домашней жизни отъ примѣра родителей, то воспитателю невозможно удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя вы въ правѣ ему предъявить. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не скроетъ отъ доктора своего состоянія, думая, будто докторъ самъ долженъ все узнать чрезъ изслѣдованіе. Такимъ же точно довѣріемъ долженъ бы пользоваться и воспитатель.

Гораздо менѣе заботъ доставляли мнѣ дѣти, родители которыхъ не стѣсняясь открывали мнѣ всѣ ихъ невыгодныя стороны, и даже сознавались, что сами, по своей винѣ, развили въ нихъ какіе либо недостатки (жадность, тщеславіе и т. п.), чѣмъ тѣ, которыхъ представляли мнѣ ихъ въ видѣ непорочныхъ ангеловъ. Первыхъ, когда случалось имъ провиниться, я скоро опять обращалъ на путь истинный. За то я всегда страшусь, когда родители отзываются о своемъ сынѣ, какъ о такомъ ангелѣ, отъ котораго они, будто бы, *никогда* не слыхали ни одного лживаго слова. Съ такими-то ангелами большею частью гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ тѣми, о которыхъ я выше говорилъ. Изъ этого я заключаю, что родители первыхъ смотрѣли на недостатки своего ребенка не ослѣпленными глазами, тогда какъ родители послѣднихъ, будучи слѣпы и глухи къ ихъ недостаткамъ, видѣли ихъ хорошія качества сквозь увеличительное стекло.

Всего непріятнѣе, когда приходится принимать мальчика, представляемаго намъ какъ идеалъ правдивости, между тѣмъ какъ онъ уже изощрялся во лжи. Въ такомъ именно положеніи я нахожусь теперь съ однимъ изъ своихъ питомцевъ. Такъ какъ мнѣ ничего не сообщили о лживости мальчика, то я долженъ былъ вполнѣ довѣрять ему; а онъ, пользуясь этимъ, долгое время меня обманывалъ. Если бы онъ былъ новичекъ во лжи, то попался бы при первомъ покушеніи на нее, потому что только опытный лжецъ достигаетъ той степени увѣренности, что можетъ не выдать себя выраженіемъ лица и не запутываться въ противорѣчіяхъ. Это доказываетъ между прочимъ, что лживость никогда не бываетъ единственнымъ недостаткомъ ребенка, такъ какъ ложь помогаетъ ему скрывать другіе его проступки и недостатки. Лгунъ всегда кажется лучше, чѣмъ онъ въ дѣйствительности есть, и тѣ, которые не вполнѣ его знаютъ, относятся къ нему съ довѣріемъ; а это-то довѣріе и имѣетъ часто самыя дурныя послѣдствія, потому что укрѣпляетъ его въ его порокѣ.

Постараюсь показать вамъ, какъ дѣти постепенно могутъ стать на самую нисшую ступень нравственности, и какъ много бываютъ виноваты въ этомъ сами воспитатели; при этомъ я укажу вамъ немедленно тотъ путь, которымъ вы можете оградить вашего Макса отъ подобнаго порока.

XIV.

Я нахожу совершенно естественнымъ, что васъ встревожило то, что я сообщилъ вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Я этому очень радъ, потому что этимъ вы еще разъ доказываете мнѣ, какъ горячо вы принимаете къ сердцу интересы вашего сына. Мнѣ гораздо менѣе понравилась однажды одна мать, которую я просилъ къ себѣ, чтобы передать ей нѣчто нерадостное о ея сынѣ. Дѣло состояло въ томъ, что онъ взялъ у своихъ родителей денегъ и употребилъ ихъ на разнаго рода ненужныя вещи въ свою пользу. «Только то?»—сказала мнѣ успокоившись мать; «а я думала не заболѣлъ ли онъ!»—«Гораздо лучше было бы ему заболѣть, но не дѣлать этого», отвѣтилъ я, и вѣрно показался ей очень жестокимъ человѣкомъ.

Совершенно понятно, что вы укоряете меня въ преувеличеніи послѣдствій первой лжи. Но я, съ своей стороны, долженъ еще указать вамъ, какъ дѣти образованныхъ родителей, не довольно серьезно смотрящихъ на первое проявленіе лжи, могутъ мало по малу дойти до очень серьезной испорченности.

Родители часто жалуются на то, что дѣти ихъ, всегда правдивые, вдругъ начинали упорно лгать. Но этого быть не можетъ. Дѣло только въ томъ, что родители прежде не довольно строго или вовсе даже не слѣдили за ребенкомъ; да и гдѣ же имъ было обращать вниманіе на такія «*мелочи*», когда они были заняты болѣе важными дѣлами! Поэтому дѣти часто обманывали ихъ, и родители, открывъ неожиданно лживость своего ребенка, остаются при томъ заблужденіи, что онъ внезапно измѣнился и разомъ такъ сильно испортился. Только первую *основу* нравственнаго паденія можно положить сразу, а потому и надо преслѣдовать строго въ дѣтскомъ сердцѣ склонность къ дурному, при первомъ ея появленіи. Это такъ же важно, какъ и трудно, потому что зародыши зла такъ глубоко скрыты въ душѣ, и проявляются въ такой невинной формѣ, нерѣдко даже возбуждающей похвалу, что родителямъ и воспитателямъ кажется жестокимъ и педантичнымъ изъ за этого отказывать въ чемъ ребенку, бранить или наказывать его. А между тѣмъ это необходимо, имѣя въ виду не одно только настоящее, но и бу-

дущее ребенка, и зная, что иногда отъ маленькаго огонька загорается громадный лѣсъ.

Маленькія дѣти, едва только начинающія говорить, разсказываютъ иногда удивительныя вещи, перепутывая при этомъ время, мѣстность происшествія и даже самые факты. Это, разумѣется, совершенно невинно и не можетъ назваться ложью. Родители и всѣ окружающіе ребенка забавляются этимъ, потому что дѣйствительно премило выходятъ иногда самыя комическія сопоставленія. А между тѣмъ, не смотря на эту видимую невинность, и тутъ уже можетъ быть положено воспитателями основаніе лжи. Дѣйствительно, весьма часто вопросами поощряютъ ребенка повторять передъ другими его сплетенные разсказы, чтобы и имъ доставить подобное же удовольствіе. Всѣ отъ души смѣются и счастливая мать нерѣдко награждаетъ своего ребенка поцѣлуемъ.

Представивъ себѣ, что это повторяется часто; вы согласитесь со мною, что ребенокъ мало по малу начнетъ замѣчать, что его выдумка забавляетъ другихъ. Если это хоть сколько нибудь смышленный ребенокъ, то онъ скоро самъ привыкнетъ искажать съ намѣреніемъ то, что съ нимъ случилось, чтобы этимъ легкимъ способомъ заслужить расположеніе всѣхъ его окружающихъ. При нѣкоторой наблюдательности, такихъ дѣтей встрѣтишь нерѣдко; но это умышленное искаженіе истины не бываетъ уже такъ дѣтски наивно и комично, какъ первыя, безсознательныя выдумки. Тутъ невольно вспоминаешь слова Гёте: Man fühlt die Absicht und wird verstimmt *). Родители дѣйствительно раздражаются, замѣтивъ наконецъ въ ребенкѣ слѣды ихъ первоначальной системы воспитанія, и ихъ пустыхъ занятій съ ними. За этимъ открытіемъ слѣдуютъ неизбѣжно выговоры и даже наказанія; матери большею частью употребляютъ въ дѣло угрозы, а иногда и легкіе шлепки, при чемъ онѣ сами едва сдерживаютъ улыбку; и думаютъ такими то средствами пріучить ребенка къ правдивой передачѣ фактовъ! Поступая такъ, онѣ вдвойнѣ несправедливы. Позволяя ему сначала комическое искаженіе фактовъ и неправильное употребленіе словъ, отчасти даже поддерживая его въ этомъ, онѣ положи-

*) Чувствуя намѣреніе, раздражаешься.

тельно затрудняютъ для него во первыхъ ясное пониманіе всего окружающаго, во вторыхъ усвоеніе различныхъ впечатлѣній и правильнаго выговора. Такія дѣти, несмотря на всю ихъ умственную живость, оказываются впослѣдствіи въ школѣ туманными головами: они смѣшиваютъ справедливое съ ложнымъ, потому что съ ранней молодости ихъ не пріучали отличать правды отъ вымышленнаго, а напротивъ съ намѣреніемъ не разъясняли имъ этого для удовольствія другихъ.

Нравственный вредъ вышеописаннаго воспитанія еще гораздо больше. Если ребенокъ, съ которымъ такъ обращались, утратитъ тонкое чувство правдивости, врожденное собственно всѣмъ дѣтямъ, то это еще наименьшее зло; еще хуже, если онъ съ малолѣтняго возраста научится заслуживать разными шутливыми неправдами расположеніе окружающихъ его и такимъ образомъ привыкнетъ извлекать для себя пользу изо лжи. На пятомъ или шестомъ году, ребенокъ становится непріятенъ своими шутками, но привычка такъ уже глубоко укоренилась въ немъ, что онъ, во избѣжаніе чего нибудь непріятнаго для себя, принимается за свое дѣло только съ большею обдуманностью и съ большимъ искуствомъ.

Итакъ, Милостивая Государыня, какъ бы наивны ни были неправдивые разсказы вашего сына, не возбуждайте его къ нимъ изъ личнаго удовольствія; эти наивныя выраженія безъ того будутъ часто повторяться. Старайтесь напротивъ пояснить вашему еще маленькому Максу то, что онъ по ошибкѣ невѣрно разсказалъ. Такимъ образомъ вы не только образовываете его разумъ, но и сохраняете въ немъ неиспорченный правъ, единственный источникъ наивныхъ проявленій.

Во всемъ вышесказанномъ ясно видно было, что только внѣшнее вліяніе отклонило шаги ребенка съ пути истины. Однако я имѣлъ случай видѣть примѣры, какъ дѣти въ самомъ юномъ возрастѣ, не видя никакого дурнаго примѣра, сами по себѣ привыкли извлекать для себя пользу изъ неправдивости. Такъ напримѣръ, я зналъ одного мальчика, которому еще не было двухъ лѣтъ, и который изъявлялъ разнаго рода потребности для того только, чтобы заставить подойти къ нему его «Адду» (такъ онъ называлъ свою няню). До подобной хитрости онъ дошелъ путемъ собственнаго опыта. Хотѣлось ли ему

выйти изъ своей кроватки, или изъ дѣтской телѣжки, онъ прибѣгалъ къ этому и, къ сожалѣнію, очень успѣшно, до тѣхъ поръ, пока не пришлось ему испытать серьезной неудачи. Въ *устьхъ*-то и заключается рѣшеніе загадки о нравственной испорченности столькихъ людей, испорченности, которая иногда заходитъ такъ далеко, что не даетъ имъ высказать ни одной правдивой фразы. Маленькій мальчикъ, о которомъ была рѣчь, хотя еще не понималъ, что ложь безнравственна, но за то успѣлъ уже пріобрѣсти частымъ опытомъ пріятное для себя свѣдѣніе, что съ помощью неправды онъ можетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исполнять свою собственную волю. Если бы ему позволили дѣйствовать такъ далѣе, то онъ, вѣроятно, при большей зрѣлости разсудка, нашелъ бы способъ еще иначе примѣнять свою систему дѣйствій. Онъ убѣдился бы, что неправдивость есть весьма легкое и удобное средство къ достиженію своей цѣли, не находилъ бы въ этомъ ничего предосудительнаго, и тогда уже чувство правдивости возбуждалось бы въ немъ съ очень, очень большимъ трудомъ.

Легковѣріе родителей, въ особенности матерей, и нежеланіе ихъ утруждать себя (ihre Bequemlichkeit)—суть средства, всего болѣе облегчающія для дѣтей ложь и затрудняющія развитіе въ нихъ чувства любви къ истинѣ. Чтобы не дать вамъ возможности понять меня превратно, повторяю еще разъ, что я теперь разумѣю только тѣхъ дѣтей, которыя не сознаютъ еще всей безнравственности, заключающейся въ неправдивыхъ разсказахъ. Такъ напримѣръ, маленькій мальчикъ, разсказывая своимъ товарищамъ о своихъ играхъ, передаетъ имъ совершенно баснословныя выдумки; воображеніе его возбуждено до того, что онъ изъ мухи дѣлаетъ слона. Мать или вѣритъ ему вполнѣ, или, замѣчая отчасти утрировку, считаетъ это обстоятельство слишкомъ незначительнымъ и невиннымъ, чтобы вмѣшиваться съ своимъ замѣчаніемъ; а, можетъ быть, хочетъ дать высказаться вполнѣ мальчику-болтуну, чтобы скорѣе отъ него отвязаться. Многимъ матерямъ такое преувеличиваніе со стороны дѣтей доставляетъ даже особенное удовольствіе, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что мальчикъ, который въ разсказѣ своемъ представляетъ полную свободу фантазіи, передастъ всякое происшествіе гораздо интереснѣе,

чѣмъ тотъ, который будетъ разсказывать одни только сухіе факты.

Какія же бываютъ послѣдствія такого поведенія воспитателей? Во первыхъ то, которое мы уже представляли выше, а именно: недостатокъ развитія въ мальчикѣ тонкаго чувства правдивости. Во вторыхъ, оно сдѣлаетъ ему неяснымъ понятіе о незаконности лжи. Затѣмъ, такого рода веденіе ребенка имѣетъ дурное вліяніе на его образъ сужденія онъ будетъ смотрѣть на все съ пристрастной точки зрѣнія, соображаясь съ нею въ своихъ разсказахъ, и никогда поэтому не пріобрѣтетъ объективнаго, безпристрастнаго взгляда на вещи, но будетъ смотрѣть на все сквозь свои прикрашенные очки.

Нравственный же ущербъ, причиняемый такимъ нерадѣніемъ воспитателей, еще значительнѣе. Несмотря на то, что склонность дѣтской фантазіи къ прикрашиванію пережитой ими дѣйствительности не имѣетъ въ своемъ основаніи ничего дурнаго, дитя всетаки привыкаетъ, такимъ образомъ, сначала совершенно безсознательно, а впослѣдствіи и съ сознаніемъ, разсказывать неправду, не стыдясь и не краснѣя нисколько; оно понемногу все болѣе втягивается въ это и наконецъ не можетъ уже передать самаго простаго происшествія вполнѣ согласно съ истиной. Тогда только замѣчаютъ воспитатели плоды своего обращенія съ дѣтьми. Одна мать упрекала однажды своего сына въ томъ, что онъ украсилъ разнаго рода варіаціями какое-то самое незначительное происшествіе, при которомъ и она присутствовала; а мальчикъ отвѣчалъ ей: «хорошо; но если я не прикрашу, тебѣ не понравится». Спѣшу замѣтить, что всѣ приведенные мною примѣры—не вымышленные факты, а въ дѣйствительности при мнѣ случившіеся. Упомянутой матери, вѣрно, нравилась привычка ея сына все сочинять и прикрашивать; она поощряла его въ этой привычкѣ, думая, можетъ быть, что этимъ высказывается въ немъ талантъ къ авторству. Однако пришло время, когда она замѣтила, что этотъ талантъ черезъ чуръ уже развивается въ ея сынѣ.

Такія дѣти не только могутъ впослѣдствіи сдѣлаться хвастунами, самохвалами и т. п., людьми, искажающими истину съ цѣлью блеснуть въ свѣтѣ своимъ разсказомъ и своими способностями, но они запутаются наконецъ въ такія обстоятельства, ко-

торыя поставятъ ихъ въ невозможность говорить правду. Это покажется неправдоподобнымъ тѣмъ, которые не наблюдали за такими людьми. Когда мнѣ говорили, что такой-то господинъ не говоритъ ни единаго правдиваго слова, я считалъ это за пустое преувеличиваніе и не вѣрилъ, пока самъ не получилъ подобнаго ученика. Каждое изъ его показаній было лживо; онъ большею частью говорилъ на перекоръ тому, что было въ дѣйствительности; въ немъ положительно образовался непреодолимый духъ противорѣчія, и онъ всегда лгалъ, даже когда эта ложь не приносила ему никакой пользы. Послѣ долгаго, осторожнаго съ нимъ обращенія, первая степень исправленія замѣтна была уже въ томъ, что онъ хотя и лгалъ еще, по старой привычкѣ, но вслѣдъ за тѣмъ поправлялъ себя, говоря: «нѣтъ, это неправда.»

Во всѣхъ приведенныхъ мною въ этомъ письмѣ примѣрахъ, воспитатели виноваты только отрицательно: они не вызывали ребенка на ложь, но только не пользовались случаемъ пробудить въ немъ любовь и уваженіе къ правдѣ, или, иначе сказать, оставляли душу ребенка—въ нейтральномъ состояніи, не поселяя въ ней ни отвращенія къ лжи, ни любви къ правдѣ. Но какой громадный вредъ причиняется этимъ!

Положимъ, что питомцы подобныхъ воспитателей не сдѣлаются злонамѣренными лгунами, но они много теряютъ со стороны способности сужденія, ихъ чувство сознанія истины и справедливости притупляется, и они въ состояніи надѣлать непомѣрно много зла, какъ себѣ, такъ и другимъ. Каждый лжецъ, при началѣ, не можетъ еще быть приписанъ къ разряду тѣхъ людей, которые лгутъ съ злымъ намѣреніемъ, но они пока стоятъ еще въ ряду тѣхъ, которые, не убѣдившись въ незаконности лжи, сначала шутятъ этимъ по привычкѣ, а впослѣдствіи привыкаютъ извлекать для себя изъ этого возможную выгоду.

XV.

Сегодня я прежде всего постараюсь показать вамъ, какъ часто родители, совершенно ненамѣренно и безсознательно, вызываютъ своихъ дѣтей на ложь, и сами облегчаютъ и укрѣпляютъ ее въ ней. Причина этому заключается въ *недостаткѣ*

строгости при исполненіи своей обязанности, не только относительно дѣтей, но и относительно самихъ себя, и въ нежеланіи утомить себя, занимаясь воспитаніемъ, а также въ боязни узнать при этомъ что-либо для себя непріятное. Оговариваюсь впередъ, что я имѣю въ виду не только ложь словесную, но и ту, которая выражается въ поступкахъ, какъ-то: обманъ, притворство и лицемѣріе.

Дѣти весьма легко научаются обманывать; но ихъ почти насильно доводятъ до этого въ тѣхъ домахъ, гдѣ слишкомъ много требуютъ отъ нихъ, больше даже, чѣмъ ребенокъ можетъ исполнить, и гдѣ весьма рѣдко или даже никогда не удостовѣряются, въ самомъ ли дѣлѣ ребенокъ сдѣлалъ то, что ему приказано. Но такое излишнее требованіе и запрещеніе всего незаконнаго дѣлается всегда съ наилучшимъ намѣреніемъ, ибо этимъ хотятъ удержать ребенка на пути истинномъ, и оградить его отъ всякой возможной ошибки. Въ особенности свойственно это слишкомъ заботливымъ матерямъ, которыя не знаютъ, что такимъ именно способомъ онѣ и отклоняютъ ребенка отъ прямаго пути. Я уже прежде имѣлъ случай замѣтить, что слишкомъ большія требованія затрудняютъ дѣтямъ *повиновеніе*—имъ трудно запомнить всѣ запрещенія, а слѣдовательно и невозможно добросовѣстно исполнить всѣ требованія.

Я намѣренъ теперь объяснить вамъ—какимъ образомъ дѣти дѣлаются обманщиками и лгунами, вслѣдствіе многосторонняго и постояннаго ограниченія ихъ личной свободы. Сначала мальчикъ исполняетъ охотно приказанія матери; но когда эти приказанія сыплются на него градомъ, то, при всей его доброй волѣ, ему невозможно повиноваться имъ. Притомъ онъ и самъ скоро замѣтитъ, что они не имѣютъ большаго значенія, потому что тѣ матери, которыя, повидимому, держатъ своихъ сыновей въ ежовыхъ рукавицахъ, въ сущности весьма рѣдко въ состояніи прослѣдить, поступилъ ли ребенокъ согласно ихъ приказанію или нѣтъ. У нихъ слишкомъ мало на то времени, да онѣ и сами часто не помнятъ, что онѣ сказали. Поэтому и не надо удивляться, когда ребенокъ, это крошечное созданіе, маленькій человѣчекъ, уже не стѣсняется материнскими приказаніями: или совсѣмъ не обращаетъ на нихъ вниманія, или слушаетъ только одно изъ нихъ и, исполнивъ его нехотя и дурно, спѣ-

шитъ возвратиться къ своимъ играмъ. Онъ замѣчаетъ, что мать совсѣмъ не смотритъ на это *такъ серьезно*, и знаетъ, что если ей и случится когда нибудь замѣтить дурно исполненную, или даже вовсе не исполненную работу, то она поворчитъ только немного на непослушнаго ребенка, побранитъ его, и все таки *сама* за него все сдѣлаетъ. Ребенокъ учится такимъ образомъ обману, потому что неоткрытое и ненаказанное непослушаніе есть уже первое начало его: онъ обманулъ мать, которая ожидала, что найдетъ работу исполненною.

Продолжая дѣйствовать съ такимъ же небрежнымъ и слабымъ наблюденіемъ за исполненіемъ своихъ приказаній, воспитатели затрудняютъ все болѣе и болѣе повиновеніе ребенку, и пріучаютъ его къ мысли, что онъ можетъ удовлетворять требованію, исполняя работу только на половину, или даже показывая видъ, что исполняетъ ее. Такъ развивается въ ребенкѣ лѣнь, и онъ подъ конецъ не станетъ уже пренебрегать никакими средствами, чтобы только избавиться отъ докучливаго труда; онъ станетъ исполнять его только въ половину, или даже совсѣмъ *не исполнять*, а, *поручивъ это кому нибудь другому*, выдаетъ послѣ за свое собственное дѣло.

Итакъ повторяю, что небрежность въ надзорѣ за исполненіемъ заданнаго дѣла и излишнія требованія—не только затрудняютъ для ребенка повиновеніе, но и пріучаютъ его прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ, слѣдовательно къ обману.

«Пойдемъ гулять!» говоритъ однажды мать своему сыну; но вдругъ вспоминаетъ, что должна прежде справиться – приготовилъ ли мальчикъ свои школьные уроки. Ей было бы весьма непріятно узнать теперь, что они еще не исполнены; это разстроило бы не только прогулку, но и измѣнило бы теченіе всего дня. Во избѣжаніе этого неудовольствія, мать говоритъ ему, не сознавая хорошенько сама, какое впечатлѣніе должны произвести ея слова: «школьные твои уроки ты, вѣроятно, уже приготовилъ?—«Да»—отвѣчаетъ ребенокъ, и не можетъ дать другаго отвѣта, когда ясно видитъ, что сказавъ «нѣтъ», онъ поразитъ свою мать слишкомъ непріятною неожиданностью. Изъ искренняго чувства любви къ ней, онъ не хочетъ этимъ огорчить ее; поэтому онъ лжетъ, и въ данную минуту обѣ стороны довольны результатами своихъ словъ. Мать чувствуетъ,

что совѣсть ея покойна, потому что она освѣдомилась о исполненіи школьныхъ уроковъ; а сынъ, избѣгнувъ непріятной сцены, вѣроятно, совершенно безсознательно успокоивается мыслью, что мать не желала получить другаго отвѣта. Очевидно, что она сама навела своего сына на ложь своимъ косвеннымъ вопросомъ.

Весьма часто случается, что отцы, а въ особенности матери, боятся открыть въ своемъ ребенкѣ что либо для нихъ непріятное, а потому, не замѣчая этого, ставятъ свои вопросы такъ, что они заключаютъ въ себѣ желаемые отвѣты, и этимъ они сами подаютъ дѣтямъ поводъ лгать и способствуютъ такимъ образомъ развитію въ нихъ этого порока.

Здоровымъ и хорошо воспитаннымъ дѣтямъ всегда непріятно, когда родители тревожатся за малѣйшее ихъ нездоровье и представляютъ себѣ разнаго рода опасности. Но не смотря на это, легко можно довести дѣтей до того, что они будутъ сказываться больными изъ какой нибудь личной выгоды. «Что съ тобою? ты такой блѣдный; у тебя вѣрно опять голова болитъ?» Такъ говорятъ обыкновенно всѣ боязливыя матери, и не могутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Павлуша или Карлуша не скажетъ: «*да, немножко;*» и тогда уже волей или неволей онъ *долженъ* сознаться въ какой нибудь изъ предполагаемыхъ въ немъ болѣзней. Послѣ этого, разумѣется, въ школу ему идти никакъ нельзя, о приготовленіи уроковъ и говорить нечего и т. п. Какъ ни непріятно мальчикамъ вообще казаться болѣзненными, но излишняя заботливость матерей наводитъ ихъ часто на мысль *притворяться*, т. е. сказываться нездоровымъ при какомъ нибудь удобномъ случаѣ, напримѣръ, ради какого нибудь непріятнаго для него испытанія въ школѣ. Плачевный видъ лица, легкая зубная боль, или что нибудь въ этомъ родѣ, выводятъ его изъ бѣды, и онъ сверхъ того еще пользуется той выгодой, что ему, какъ *больному* ребенку, позволяютъ гораздо больше, даютъ лишній сладенькій кусочекъ, лишнее лакомство, и во всемъ исполняютъ его волю. Если только хоть разъ удастся ребенку счастливо разыграть такую комедію, то путь къ дальнѣйшимъ обманамъ для него уже проложенъ. А какъ часто бываютъ подобные случаи! Дѣти жалуются, что у нихъ слишкомъ много уроковъ въ школѣ, тогда какъ они сами накопили ихъ много изъ

лѣности или нерадѣнія. Они жалуются на трудность уроковъ, обвиняютъ учителей въ недовольно ясномъ объясненіи; между тѣмъ какъ они ихъ не поняли только чрезъ свое невниманіе. Вслѣдствіе этого, часто приходится слышать отъ матерей и отцовъ не слишкомъ лестные отзывы о школѣ. На сколько рѣже случались бы подобные факты, если бы отцы и матери не боялись взять на себя трудъ освѣдомиться гдѣ нужно о сущности дѣла при какихъ нибудь сомнительныхъ случаяхъ! Пока ребенокъ знаетъ, что дома никто не имѣетъ времени повѣрить истину его разсказовъ, онъ будетъ все смѣлѣе и смѣлѣе пускаться на разнаго рода риски. Такъ напримѣръ, одинъ мальчикъ, получивши неудовлетворительный аттестатъ, объяснилъ своей матери, что это ошибка учителя, и что аттестатъ этотъ былъ написанъ не для него, а для другаго мальчика. Мать вполнѣ повѣрила его словамъ. Она не считала это дѣло на столько важнымъ, чтобы потрудиться разузнать о немъ въ школѣ. Какъ часто случается, что дѣти, возвратясь поздно изъ школы, оправдываются тѣмъ, что учитель толковалъ съ ними послѣ урока; тогда какъ они путешествовали въ это время неизвѣстно гдѣ, но только не были въ школѣ. Смѣлость этихъ дѣтей во лжи происходитъ отъ увѣренности, что никто *не узнаетъ* правду ли они сказали. Но это только немногіе изъ слабѣйшихъ случаевъ обмана; при нѣкоторой наблюдательности можно найти ихъ множество.

Итакъ, недостатокъ строгости, снисходительность, или, лучше сказать, слабость родителей утверждаютъ дѣтей во лжи и даютъ имъ смѣлость обманывать съ большою увѣренностью, иногда даже въ ущербъ доброй славѣ другихъ.

Многіе родители, наоборотъ, считаютъ необходимымъ строго обращаться съ дѣтьми и, разъ замѣтивъ ихъ во лжи, постоянно относятся къ нимъ съ недовѣріемъ. Они считаютъ это самымъ дѣйствительнымъ наказаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ средствомъ исправленія. Но такое обращеніе не есть все таки доказательство строгости родителей; оно, напротивъ, обнаруживаетъ ихъ слабость, такъ какъ мы знаемъ, что принимать каждое слово ребенка сурово и недовѣрчиво легче, чѣмъ разбирать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—говорилъ ли ребенокъ правду или нѣтъ.

Постоянное недовѣріе нимало не содѣйствуетъ исправленію лгуна, но, напротивъ, поддерживаетъ его еще болѣе во лжи; ибо упорное недовѣріе можетъ наконецъ показаться ребенку недостаткомъ любви со стороны родителей. Онъ станетъ равнодушнѣе къ ихъ приговору; отъ равнодушія перейдетъ къ упорному сопротивленію, и остановится наконецъ на мысли: «вы мнѣ не вѣрите, вы считаете меня за изощрившагося лгуна, стало быть, васъ и нужно обманывать». Недостатокъ уваженія къ родителямъ, на который эти послѣдніе такъ часто жалуются и которому сами подаютъ поводъ, дѣлаетъ то, что дѣти не только позволяютъ себѣ въ отношеніи къ нимъ различныя неприличныя выраженія, перебиваютъ ихъ на словѣ, но также и лгутъ относительно ихъ.

Они считаютъ родителей равными себѣ, позволяютъ себѣ противъ нихъ много несправедливыхъ обвиненій, обдумываютъ для себя оправданія и противорѣчатъ всему, что только скажутъ родители. Кому не случалось встрѣчать дѣтей, поступающихъ такимъ недостойнымъ образомъ! Матери, по самой природѣ, всего больше подвергаются этому непріятному положенію, потому что большее уваженіе, которымъ вообще—хотя также не безъ исключенія—пользуются отцы, само по себѣ принуждаетъ дѣтей обращать большее вниманіе на свои слова и быть правдивѣе.

Я буду очень доволенъ, если этимъ письмомъ укрѣплю въ васъ убѣжденіе, что благо и несчастіе вашего сына въ вашихъ рукахъ, и что вамъ придется отдавать отчетъ въ его нравственности.

XVI.

«Мой Павелъ не лжетъ!» сказалъ мнѣ однажды одинъ отецъ, когда я не хотѣлъ вѣрить жалобамъ его сына на другихъ мальчиковъ. Подобно этому отцу и многіе родители говорятъ: «мой ребенокъ не лжетъ.» Они подразумѣваютъ подъ этимъ несознаніе, отсутствіе признанія въ сдѣланномъ поступкѣ. *Въ этомъ* смыслѣ у меня также не было доказательствъ, что этотъ мальчикъ лжетъ; но я хорошо зналъ, что онъ преувеличиваетъ и, жалуясь на кого нибудь изъ своихъ товарищей, не совсѣмъ справедливо разсказываетъ объ обидѣ. Странное дѣло, что многіе ро-

дители ложью называютъ только «несознаніе въ проступкѣ,» а другія неправдивости они не замѣчаютъ, если только дѣти въ отношеніи *къ нимъ* всегда говорятъ правду. Родители всегда имѣютъ полное право радоваться, когда они увѣрены, что ихъ дѣти «ничего не скрываютъ.» Но бываютъ также случаи, когда эта откровенность дѣтей обнаруживаетъ невыгодную сторону ихъ характера; именно, когда они, не затрудняясь нисколько и не краснѣя, сознаются въ какомъ нибудь проступкѣ; когда они становятся совершенно равнодушны къ безнравственности своихъ дѣйствій, что можетъ дойти наконецъ до того, что они будутъ открыто, безъ малѣйшаго страха, хвастаться самыми постыдными поступками.

Эта «откровенность» вообще считается повсюду хуже несознанія въ какомъ нибудь проступкѣ и называется «*наглостію.*»

Несознаніе есть еще одна изъ слабѣйшихъ формъ лжи, которую скорѣе еще можно извинить, потому что она происходитъ отъ страха. Главнымъ поводомъ къ этому служитъ излишняя и неумѣстно примѣняемая строгость. Если мальчикъ, разбившій какую нибудь любимую вещь отца или матери, знаетъ, что ему предстоитъ за это жестокое наказаніе, онъ *не сознается* при допросѣ. Въ первый разъ ему это, конечно, трудно и онъ съ большою борьбой рѣшается говорить неправду; его замѣшательство и краска въ лицѣ выдаютъ его. Въ слѣдующіе разы это уже дѣлается легче, и онъ, даже въ томъ случаѣ, если его несознаніе обнаружилось, все таки не воздержится отъ лжи, если его отецъ въ подобныхъ случаяхъ будетъ обходиться съ нимъ съ тою же строгостью. Онъ будетъ считать ложь за лучшій исходъ, будетъ стараться усовершенствоваться въ ней, и достигнетъ наконецъ того, что съ совершеннымъ спокойствіемъ духа будетъ выдерживать испытующій взглядъ отца, упорствуя въ несознаніи. Это достигаетъ такихъ же размѣровъ, какіе часто встрѣчаемъ у преступниковъ, которые упорно не сознаются, когда уже найдены всѣ улики ихъ вины; не сознаются даже тогда, когда этимъ ничего нельзя достигнуть.

Такъ какъ дѣти совершенно естественно испытываютъ чувство страха при допросѣ, то они, пріобрѣтая бо́льшую опытность, стараются отдѣлаться отъ него, обративъ подозрѣніе на другихъ. Разбитый предметъ снова *искусно* составляется, и

проступокъ открывается лишь тогда, когда другое лицо беретъ его въ руки; потерянныя вещи тайно замѣняются другими, прежде, чѣмъ правда откроется.

Какъ бы ни казалась честна эта послѣдняя выходка, но въ сущности она все таки ничто иное, какъ ложь; и страхъ, чтобы не открыли истины, такъ великъ въ ребенкѣ, что онъ присоединяетъ къ этой лжи еще и мошенничество, чтобы какимъ бы то ни было средствомъ отклонить изобличеніе, а съ нимъ и наказаніе.

Есть очень много благонравныхъ, хорошо воспитанныхъ дѣтей, которыя сильно любятъ своихъ родителей и, чтобы избавить ихъ отъ огорченья, скрываютъ многое отъ нихъ, а во многомъ даже прямо не сознаются. Они это дѣлаютъ отъ того, что видятъ, какъ ихъ родители, изъ за малѣйшаго ихъ проступка, чрезмѣрно волнуются и приходятъ въ отчаяніе, считая своего сына погибшимъ. Это наводитъ на дѣтей такой страхъ, что они—сначала неохотно, а потомъ съ убѣжденіемъ—рѣшаются скрывать и лгать ради того, чтобы избавить своихъ родителей отъ горя.

Страхъ унизиться и показаться смѣшнымъ въ особенности часто заставляетъ дѣтей прибѣгать ко лжи. Дурно направленное, чрезмѣрное самолюбіе дѣлаетъ часто то, что дѣти считаютъ дурнымъ сознать свою ошибку. Они заботятся только выказать себя хорошими съ внѣшней стороны, а не стараются расположить къ себѣ неиспорченностью сердца и развитіемъ разума. Они хорошо знаютъ, что у нихъ есть и слабости, и недостатки; но сознаться въ нихъ не хотятъ, и не хотятъ также, чтобы ихъ и замѣтили. Этотъ страхъ показаться смѣшнымъ свойствененъ также и маленькимъ дѣтямъ, и вынуждаетъ ихъ часто скрывать сдѣланные проступки и не сознаваться въ нихъ. Одинъ только страхъ отцовской власти, безъ любви, есть уже большой залогъ ко лжи. Прибавьте еще къ этому манеру многихъ отцовъ приступать къ разбору какого нибудь дѣла совершенно ложнымъ путемъ. Они, считая себя судьями ребенка, и предвидя, что ихъ могутъ обмануть, на первыхъ же порахъ такъ вспылятъ на провинившагося, что тотъ, совершенно растерявшись, лжетъ отъ страха. Точно также не хорошо выпытывать у мальчика то, что почти навѣрное уже извѣстно, и при подобномъ испытаніи да-

вать ему возможность не сознаться въ своей винѣ. Къ подобнымъ же результатамъ приходятъ и тѣ родители, которые съ помощью насилія всего скорѣе думаютъ добраться до истины; но едва ли найдется отецъ, который считающій своей обязанностью облегчать ребенку ложь, чтобы чрезъ это испытать его правдивость.

Мы видимъ, что страхъ наказанія, страхъ огорчить другихъ, страхъ показаться смѣшнымъ, однимъ словомъ *страхъ* въ какомъ бы то ни было проявленіи, всегда при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣлается сильной пружиной къ несознанію истины, и я впослѣдствіи укажу вамъ средство, которое можетъ служить этому лучшимъ противодѣйствіемъ.

XVII.

«Beispiel wirkt besser als Regel» (примѣръ дѣйствуетъ лучше правила), говоритъ старая пословица, и потому мы должны смотрѣть на дурной примѣръ — особенно если онъ подается самими воспитателями—какъ на главный источникъ лжи. Вы пугаетесь? вы не вѣрите, чтобы воспитатель могъ дойти до того, что выкажется передъ ребенкомъ лгуномъ? Однако это такъ. Я говорю это имѣя въ виду не однѣхъ только матерей, но также отцовъ и учителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ помѣщенъ въ «Семейномъ Журналѣ» небольшой разсказъ, въ которомъ доказывалось, что настоящія отношенія людей такъ вполнѣ сроднились съ ложью, что произошелъ бы всеобщій переворотъ, если бы только всѣ люди вздумали хоть въ продолженіи одного дня говорить чистую, неподдѣльную правду, и на такихъ людей все общество смотрѣло бы какъ на сумасшедшихъ, что и было съ героемъ того разсказа. Положимъ, что самыя послѣдствія и были преувеличены, съ цѣлью произвести этимъ разсказомъ сильнѣйшее впечатлѣніе; но дѣло въ томъ, что нельзя не признать за дѣйствительный фактъ, что въ основѣ человѣческаго общества лежитъ, большею частью, неправда и ложь, и что всѣ люди болѣе или менѣе находятся подъ ея властью. И мы, воспитатели, также нерѣдко слишкомъ легко относимся къ истинѣ, не всегда взвѣшиваемъ на золотыхъ вѣсахъ наши слова. Всего болѣе надо остерегаться преувеличиваній! Какъ часто го-

ворятъ заботливыя матери: «я тебѣ уже *тысячу* разъ говорила, чтобы ты не выходилъ на улицу такъ легко одѣтый.» Или: «ты *никогда* не сдѣлаешься порядочнымъ человѣкомъ, потому что *всегда* бросаешь *всѣ* твои вещи.» И какъ же можетъ ребенокъ не чувствовать тутъ преувеличенія? Онъ понимаетъ, что мать преувеличиваетъ только съ хорошею цѣлью, для его же блага, но онъ чувствуетъ также и то, что такъ ясно выражаетъ Логау:

„Wer Lügen sagte, die blos Nutzen
Und niemals Schaden nach sich zogen,
Was meinst du wohl von einem Solchen?
Ich meine doch: er hat gelogen!“ *)

Ребенокъ, самъ того не сознавая, составляетъ себѣ на основаніи этихъ примѣровъ извѣстную мораль и для достиженія какой нибудь, также, по его мнѣнію, хорошей цѣли, употребляетъ въ дѣло ложь. Всего болѣе встрѣчается преувеличенія именно въ обыденныхъ выраженіяхъ; окружающіе ребенка не достаточно добросовѣстно выбираютъ слова, что вселяетъ ребенку равнодушіе къ неправдивымъ рѣчамъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ моихъ воспитанниковъ пишетъ къ своимъ родителямъ, что почти *всѣ* пансіонеры больны корью, тогда какъ больныхъ было всего только *десять*. Не есть ли этотъ примѣръ вѣрный образецъ преувеличеній, такъ часто замѣчаемыхъ въ словахъ воспитателей? Родители часто видятъ въ своихъ дѣтяхъ чистыхъ ангеловъ, не замѣчая въ нихъ никакихъ недостатковъ, и иногда съ нѣкоторою гордостью разсказываютъ о какихъ нибудь подвигахъ ребенка, приписывая ему при этомъ гораздо больше достоинствъ, чѣмъ онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Дитя очень хорошо замѣчаетъ это, и неудивительно, если въ другой разъ онъ и самъ постарается выставить себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи, особенно много грѣшатъ съ маленькими дѣтьми. «Посмотрите, какую хорошенькую лошадку нарисовалъ Карлъ, и совершенно одинъ», говоритъ мать; между тѣмъ какъ она сама водила его руку при рисованіи. Одинъ отецъ сказалъ мнѣ однажды *въ присутствіи* своего сына: «я хочу показать вамъ, какъ хорошо пишетъ вашъ новый ученикъ; вотъ посмотрите—это онъ самъ написалъ.»—Въ самомъ

*) Кто говорилъ ложь, которая всегда приносила пользу, а не вредъ, что ты думаешь о томъ? Я думаю, что онъ все таки—лгалъ!

дѣлѣ?—спросилъ я съ удивленіемъ. «Тебѣ вѣдь никто не помогалъ?» спрашиваетъ отецъ мальчика. Впослѣдствіи же оказалось, что ребенокъ не провелъ буквально ни одного штриха самостоятельно. Учителя рисованія поступаютъ часто подобнымъ же образомъ. Бѣдныя дѣти, при частомъ повтореніи подобныхъ фактовъ, привыкаютъ наконецъ не обращать вниманія на истину и выдавать за собственное, самостоятельное произведеніе то, что они дѣлали съ помощью другихъ или подъ ихъ руководствомъ.

Одинаковыхъ послѣдствій можно достигнуть какъ преувеличенной похвалой, такъ и преувеличеннымъ порицаніемъ. Если мать въ дурномъ расположеніи духа (что, нужно сказать правду, случается нерѣдко), она бранитъ ребенка за малѣйшую ошибку, за ничтожный проступокъ, называя его при этомъ негоднымъ мальчишкой, неисправимымъ сорванцомъ, негодяемъ, въ которомъ не осталось больше ни на волосъ хорошаго; случается даже, что мальчика несправедливо наказываютъ. *Всякая же несправедливость есть ложь.*

Положимъ, что мать, о которой мы говорили, обыкновенно бываетъ очень ласкова съ ребенкомъ, и что онъ скоро забудетъ обиду, нанесенную ему несправедливымъ обращеніемъ. Но все таки воспоминаніе о томъ, что «мать была не права» останется у него навсегда; вслѣдствіе этого въ немъ будетъ съ трудомъ укрѣпляться уваженіе къ правдѣ. Одна маленькая дѣвочка разбила что-то. «Какая ты неловкая,» говорятъ ей; «посмотри, съ твоимъ братомъ этого никогда не случается, онъ всегда остороженъ.» Когда же черезъ нѣсколько времени съ братомъ ея случилась таже самая бѣда, ему дѣлаютъ такой же выговоръ и ставятъ въ примѣръ сестру. Мы нерѣдко видимъ, такимъ образомъ, что родители, сравнивая дѣтей въ ихъ же присутствіи, всегда преувеличиваютъ для того, чтобы сильнѣе произвести впечатлѣніе на провинившагося ребенка. Но дѣти замѣчаютъ, что родители ошибаются въ нихъ и—что еще хуже—преувеличиваютъ. Въ ихъ глазахъ родители не только не правы, подавая имъ такой примѣръ, но, кромѣ того, теряютъ право на уваженіе ихъ. Одна очень образованная мать останавливала своего мальчика, который громко кричалъ, довольно рѣзкими словами: «если ты сейчасъ не перестанешь кричать, то я тебя ударю объ

стѣну.» Мальчикъ, конечно, не унялся—доказательство того, что ему уже не разъ грозили этимъ, но никогда не исполняли угрозы. Что же такое, однако, *неисполненныя угрозы?* Въ глазахъ ребенка, это — *ложь.* Къ сожалѣнію, это встрѣчается довольно часто, какъ въ домѣ родителей, такъ въ школѣ и всюду. Никакимъ образомъ не слѣдуетъ къ каждому приказанію прибавлять угрозу, потому что угроза до тѣхъ поръ только можетъ вліять на послушаніе ребенка, пока онъ не узнаетъ, что она въ сущности ничего не значитъ. Ребенокъ легко замѣтитъ, что угрожающій не можетъ исполнить угрозу: «онъ только такъ говоритъ, чтобы меня постращать.» Какъ часто, напримѣръ, говорятъ маленькимъ дѣтямъ: «постой же, капризный, вотъ я уйду и больше не приду къ тебѣ». При частомъ повтореніи подобныхъ угрозъ, ребенокъ станетъ наконецъ думать: «хорошо, говорите себѣ, а я знаю, что все это неправда.» Дѣтямъ постарше, въ случаѣ какого либо столкновенія въ школѣ, говорятъ часто такъ: «ну, подожди, я справлюсь объ этомъ у директора школы». Но имѣютъ ли смыслъ эти слова, когда ребенокъ слишкомъ хорошо знаетъ, что этого никогда не будетъ. Случается также и наоборотъ, что воспитатели подаютъ дѣтямъ примѣръ во лжи и несправедливости, тѣмъ, что обѣщаютъ что нибудь и не исполняютъ своего обѣщанія. Не худо было бы имъ руководиться въ подобныхъ случаяхъ словами Рюкерта:

Gieb nicht zu schnell dein Wort, so brauchst du 's nicht zu brechen;
Viel besser ist es mehr zu halten, als versprechen *).

Трудно повѣрить, какъ вообще легко смотрятъ въ обращеніи съ дѣтьми на все то, что касается правды. Нѣкоторые родители, вообще очень строгіе и добросовѣстные въ исполненіи своихъ обязанностей, позволяютъ себѣ часто нѣкоторыя послабленія относительно дѣтей; слѣдствіемъ этого бываетъ то, что власть воспитателя въ семьѣ становится не такъ дѣйствительна. При подобныхъ случаяхъ обыкновенно успокоиваются возможностью замѣнить чѣмъ нибудь другимъ свое неисполненное обѣщаніе. Мать говоритъ, напримѣръ, своимъ дѣтямъ: «если до самаго вечера никто не будетъ жаловаться мнѣ на васъ, то я разскажу вамъ препнтересную исторію.» Дѣти стараются вести

*) Не давай слишкомъ скоро слово, дабы тебѣ не пришлось нарушить его; гораздо лучше исполнять болѣе, чѣмъ обѣщать.

себя какъ можно лучше, пока наконецъ наступитъ вечеръ. Но у матери найдется столько хлопотъ, что она принуждена отложить свой разсказъ, иногда даже на нѣсколько дней; или же она просто устала, нерасположена, и потому обѣщаетъ дѣтямъ разсказать исторію завтра, не предвидя при этомъ, что, быть можетъ, завтра ей будетъ это еще труднѣе. Я не думаю, чтобы эта мать давала обѣщаніе съ мыслью не исполнить его, какъ это часто дѣлается, для того, чтобы только въ ту минуту успокоить дѣтей и пріохотить ихъ къ какому нибудь занятію; нѣтъ, она дала обѣщаніе съ намѣреніемъ дѣйствительно привести его въ исполненіе. Но «духъ силенъ, а плоть немощна», говоритъ св. писаніе. Когда насталъ часъ исполненія обѣщаннаго, тогда у матери недостало силы воли преодолѣть свою усталость. Чтобы сдержать свое слово, дѣтямъ доставляютъ какое нибудь другое удовольствіе, и они легко удовлетворяются. Но тѣмъ не менѣе опасенъ для дѣтей примѣръ, который они, невольнымъ образомъ, извлекаютъ для себя изъ поведенія матери. Они видятъ, что мать не слишкомъ *серьезно относится къ данному ею слову*, и заключаютъ изъ этого, что еще не такъ велико преступленіе не сдержать своего обѣщанія, и что его можно всегда замѣнить чѣмъ нибудь другимъ, какъ это и сдѣлала мать. Дурной примѣръ всегда заразителенъ, если не сейчасъ, то позднѣе. Впослѣдствіи дѣти привыкаютъ не цѣнить въ человѣкѣ правдивости и надежности и сами они наконецъ поступаютъ согласно этимъ убѣжденіямъ, не находя въ этомъ ничего дурнаго. Послѣ этого воспитателямъ не слѣдуетъ удивляться, что воспитанники не исполняютъ къ данному сроку своей обѣщанной работы. Къ чему же послѣ этого служатъ всѣ поученія матери относительно достоинства человѣка, на котораго можно положиться, и безнравственности того, который не исполняетъ своего обѣщанія? и наконецъ къ чему вообще всѣ увѣщанія матери, чтобы дитя точно исполняло обѣщанное слово? Ребенокъ будетъ думать, а, можетъ быть, и прямо скажетъ: «вы сами дѣлаете не лучше меня.» Онъ будетъ необдуманно давать слово и, замѣтивъ, что такимъ образомъ можетъ легко избавиться отъ чего нибудь для себя непріятнаго, станетъ безъ зазрѣнія совѣсти обѣщать все, что отъ него потребуютъ, иногда даже прямо съ намѣреніемъ не исполнить этого. Я не хочу

сказать, чтобы въ этихъ мелкихъ, ничтожныхъ, всякій день повторяющихся фактахъ было большое преступленіе; я хочу только указать какъ незначительны тѣ начала (зародыши, Anfänge), которыя могутъ образовать изъ человѣка лжеца, и на то, какъ сами воспитатели невольно этому содѣйствуютъ, и какъ вообще многія изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится наше общество, мало приспособлены къ пробужденію и развитію чувства правдивости.

Нельзя укорять родителей за то, что они радуются каждому проявленію умственныхъ способностей въ ихъ дѣтяхъ; но только они не въ правѣ радоваться этому, когда дѣти свои умственныя способности отдаютъ въ распоряженіе несправедливости. Но какъ часто случается, что болѣе или менѣе хитрая ложь, или какая нибудь смѣшная или ѣдкая выходка ребенка возбуждаютъ общій смѣхъ и удивленіе, и даже съ видимымъ удовольствіемъ повторяются въ его же присутствіи. Разумѣется, это чаще случается съ младшими дѣтьми, чѣмъ съ старшими, такъ какъ въ маленькихъ дѣтяхъ все имѣетъ невинный оттѣнокъ. И выходки эти только тогда возбуждаютъ смѣхъ, когда онѣ не касаются самихъ родителей; иначе поведеніе ребенка совсѣмъ не кажется такъ мило, а, напротивъ, вызываетъ строгое наказаніе. Какъ же долженъ смотрѣть ребенокъ на такую непослѣдовательность? Его такъ часто хвалили за умныя выходки и такъ часто смѣялись надъ ними, а теперь вдругъ наказываютъ и обращаются съ нимъ, какъ съ ребенкомъ сильно провинившимся! Однажды я слышалъ, какъ въ обществѣ отецъ разсказывалъ разныя свои похожденія во время охоты; какъ вдругъ маленькій его сынъ, къ общему удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, перебилъ его словами: «ахъ, папаша, вѣдь это неправда.» Отецъ, которому не разъ уже приходилось слушать подобныя возраженія своего сына и который, какъ видно, уже привыкъ къ нимъ, продолжалъ разсказывать, нисколько не смущаясь. А какъ часто дѣти бываютъ свидѣтелями неправдивыхъ разсказовъ своихъ родителей. Между многими подобными фактами, особенно часто повторяются тѣ случаи, когда родители рѣзко высказываются о комъ нибудь въ его отсутствіи, тогда какъ въ его присутствіи показываютъ ему всевозможную ласку и предупредительность, что дѣти также видятъ. Или родители черезъ самихъ же дѣтей

велятъ отказывать гостю, говоря, что ихъ нѣтъ дома. Въ особенности матери любятъ разбирать и перетолковывать слова и поступки другихъ, стараясь найти въ нихъ какую нибудь заднюю мысль: «что онъ хотѣлъ этимъ сказать?» Если же кто сдѣлалъ что нибудь хорошее, то невольно спрашиваютъ: «что побудило его на это, какая у него была цѣль?» Потому что никакъ не предполагаютъ, чтобы кто-нибудь могъ сдѣлать хорошее ради хорошаго. Поэтому часто приходится вспоминать слова Талейрана: «способность говорить дана человѣку только затѣмъ, чтобы скрывать свои мысли.» Это искусство притворяться и вообще всѣ эти интриги (единственная цѣль которыхъ—взять перевѣсъ надъ другими посредствомъ своихъ лживыхъ словъ или поступковъ) еще менѣе доступны дѣтямъ, чѣмъ простая ложь, выраженная въ словахъ. Дѣти видятъ какъ фальшиво всегда относятся ихъ родители къ нѣкоторымъ личностямъ (притворство и лицемѣріе—это родъ продолжительной, постоянной лжи) и видятъ, что они чрезъ это стараются достигнуть извѣстныхъ цѣлей. Я знаю по собственному опыту, что дѣти, не утратившія вполнѣ своей природной прямоты, недоумѣвая просили пояснить имъ то, что передъ ними происходило, и выслушивали это съ удивленіемъ. Говоря это, я вовсе не имѣю въ виду какого нибудь рѣдко случающагося факта, потому что врядъ ли найдется у насъ семейство, въ которомъ ребенокъ не былъ бы поставленъ въ подобное же положеніе: всѣ наши общественныя отношенія, большею частью, основаны на неправдѣ и на обоюдномъ обманѣ. «Мамаша,» говоритъ напримѣръ ребенокъ своей матери, «ты была такъ любезна съ той дамой, которая была недавно у насъ, такъ хвалила ее, и даже поцѣловала, а помнишь, нѣсколько дней тому назадъ, ты разсказывала про нее столько дурнаго.» Или онъ видитъ, какъ отецъ его относится съ величайшимъ уваженіемъ къ высшему своему начальнику, а потомъ, нѣкоторое время спустя, коснувшись какъ нибудь его при разговорѣ, говоритъ, что этотъ человѣкъ ничего не смыслитъ въ своемъ дѣлѣ, что онъ заставляетъ другихъ работать и что онъ достигъ своего мѣста не прямымъ путемъ. Въ такихъ случаяхъ, которые, какъ я уже говорилъ, бываютъ въ каждомъ семействѣ, хотя и въ менѣе поражающей формѣ, ребенокъ ничего не высказываетъ при открытіи такихъ отношеній; но у него

составятся очень превратныя понятія о свѣтѣ, и онъ только мало по малу успокоится. Когда же ему самому придется выйти изъ какого нибудь затруднительнаго положенія при помощи лжи, то онъ скоро примирится съ мыслью, что въ свѣтѣ вездѣ неправда, и потому съ меньшимъ укоромъ совѣсти станетъ прибѣгать ко лжи. Я пойду дальше и скажу, что у насъ въ свѣтѣ ребенокъ видитъ иногда такого рода обстановку, что родители считаютъ себя обязанными указать дѣтямъ на тотъ путь, посредствомъ котораго они могутъ избѣгнуть непріятныхъ столкновеній, именно—лгать въ случаѣ нужды. «Ты не долженъ говорить всего того, что думаешь,» научала одна мать своего сына, отпуская его въ общество дѣтей, «иначе надъ тобою будутъ смѣяться. Если тебѣ что не понравится тамъ, то ты все-таки похвали, а то тебя почтутъ за невѣжу.» Иногда же матери учатъ ребенка тому, что онъ долженъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы; «если тебя спросятъ, отчего я у нихъ такъ долго не была, скажи, что я была больна; имъ не зачѣмъ все знать.» И дѣйствительно, не рѣдко случается, что ребенокъ, говоря сущую правду, ставитъ своихъ родителей и даже постороннихъ въ весьма неловкое положеніе, или же бываетъ жестоко осмѣянъ другими дѣтьми, уже испорченными. Что же удивительнаго, если ребенокъ пойметъ наконецъ и убѣдится совершенно, что правдивость нерѣдко навлекаетъ различнаго рода непріятности?

Но ни одни родители не желаютъ, чтобы изъ ихъ дѣтей вышли дурные люди, даже и тѣ, которые своимъ примѣромъ внушаютъ имъ неправдивость. Родители часто боятся услышать что нибудь дурное о своихъ дѣтяхъ, соглашаясь даже лучше оставаться въ томъ заблужденіи, что дѣти ихъ представляютъ какъ бы образецъ добродѣтели; иногда они даже съ намѣреніемъ вдаются въ такое заблужденіе. Я зналъ одну мать, сынъ которой, попавшись въ какой то глупой шалости, готовъ уже былъ во всемъ открыто сознаться; но она ничего такъ не боялась, какъ открытія сущности дѣла, которую она уже имѣла поводъ подозрѣвать. Поэтому она поспѣшила сказать своему сыну: «не правда-ли Францъ, ты этого не сдѣлалъ?» «Нѣтъ?» продолжала она въ волненіи, когда замѣтила, что мальчикъ готовъ уже былъ сказать: да. «Нѣтъ, вѣдь ты не виноватъ?

говори-же правду, скажи «нѣтъ.» Мальчикъ, видя, что ему ничего больше не остается, какъ сказать «нѣтъ,» говоритъ: «нѣтъ.» Подобно тому, какъ эта мать принуждала своего ребенка солгать, такъ точно вынуждаютъ иногда дѣтей (невольно, и даже съ лучшими намѣреніями) притворствовать. Маленькимъ дѣтямъ часто не даютъ покоя, пока они не отвѣтятъ на вопросъ: «любишь ли ты меня»? Когда же они начинаютъ сами ласкаться и увѣрять въ своей любви, то нерѣдко получаютъ за это и какое нибудь лакомство. Ребенокъ однако вмѣстѣ съ тѣмъ еще не сознаетъ, что̀ такое слово «любить», и отвѣчаетъ только то, что его спрашиваютъ; но замѣчая, что своимъ отвѣтомъ онъ можетъ получить для себя какую нибудь выгоду, онъ всегда будетъ готовъ на ласки, и слѣдовательно—на притворство. «Обѣщай мнѣ, что ты этого не будешь больше дѣлать; проси прощенія!»—такъ обыкновенно говорятъ провинившемуся ребенку. Оба эти дѣйствія для ребенка неправдивы, когда онъ не дѣлаетъ ихъ добровольно. Каждый, хотя сколько нибудь смышленный ребенокъ, очень хорошо понимаетъ, что онъ опять можетъ попасться въ какой нибудь шалости и ему невозможно будетъ сдержать своего обѣщанія. Напротивъ, надо удерживать ребенка отъ обѣщанія исправиться: «не обѣщай мнѣ этого, мой милый; я знаю, что тебѣ трудно будетъ сразу исправиться; но дѣйствуй такъ, какъ будто ты уже обѣщалъ мнѣ.» Многія дѣти прибѣгаютъ къ обѣщанію, какъ къ средству избавить себя отъ заслуженнаго наказанія, и на каждомъ шагу надѣляютъ своихъ воспитателей подобными обѣщаніями. Тоже самое относится и къ принужденію ребенка просить прощенья. Просьба о прощеніи имѣетъ смыслъ въ томъ только случаѣ, когда ребенокъ своимъ поступкомъ оскорбилъ своего воспитателя или кого нибудь другаго; но если ребенокъ, положимъ, былъ лѣнивъ и слѣдовательно принесъ этимъ вредъ только самому себѣ, то въ этомъ случаѣ заставлять его просить прощенья было бы безсмысленно. Требовать отъ ребенка, чтобы онъ далъ обѣщаніе и просилъ прощенья, значитъ принуждать его выражать чувства, которыхъ у него нѣтъ въ дѣйствительности. Пока такое чувство не возбуждено, каждая просьба о прощеніи будетъ притворство, лицемѣріе. Задача воспитателя въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы довести ребенка до

сознанія, какъ сильно своимъ поступкомъ онъ огорчилъ близкихъ ему людей! Тогда онъ самъ попроситъ прощенья, хотя и не тотчасъ-же, но въ скоромъ времени, особенно если онъ видитъ, что и родители въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ тоже самое. Къ сожалѣнію, родители сами часто поручаютъ дѣтямъ *передавать* несправедливыя оправданія самихъ себя, и подобные случаи встрѣчаются чаще въ образованномъ обществѣ, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Раза два мнѣ случалось видѣть, какъ дѣти, пропустивъ урокъ въ школѣ, приносили отъ родителей письменныя удостовѣренія въ своей болѣзни, тогда какъ я навѣрное зналъ, что они были на вечерѣ и не пришли на слѣдующее утро въ школу потому, что проспали. Если мы теперь возьмемъ ребенка, который находится въ самой лучшей обстановкѣ, родители котораго, а слѣдовательно и воспитатели, самымъ добросовѣстнымъ образомъ стараются показывать ему примѣръ строгой правдивости, то все таки этотъ ребенокъ не будетъ спасенъ отъ множества дурныхъ условій, вызывающихъ въ немъ неправдивость. Между ними нельзя, напримѣръ, не указать отношеній ребенка съ прислугою. У прислуги часто бываютъ различныя тайны отъ господъ. Часто прислуга отправляется съ дѣтьми куда не позволяютъ имъ идти родители; тамъ она совершенно не заботится о дѣтяхъ и занимается только разговорами съ своими знакомыми. Понятно, что въ такихъ случаяхъ, она лакомствомъ старается привлечь дѣтей на свою сторону, запрещаетъ имъ говорить родителямъ, гдѣ они были, и научаетъ ихъ что́ слѣдуетъ говорить. Поступая такимъ образомъ, она пріучаетъ дѣтей лгать; при этомъ ее не укоряетъ совѣсть, потому что это не ея дѣти, а иногда она видитъ, что и сами родители обращаютъ на это мало вниманія. Во вторыхъ, склонность ко лжи дѣти пріобрѣтаютъ также отъ другихъ дѣтей, уже испортившихся, которыя или прямо уговариваютъ ихъ сказать неправду, или надсмѣхаются надъ вполнѣ невиннымъ ребенкомъ, говорящимъ правду. Насмѣшка-же составляетъ для дѣтей очень сильное запугивающее средство; ребенокъ будетъ затѣмъ бояться быть смѣшнымъ, и вслѣдствіе этого будетъ избѣгать правды, такъ какъ она можетъ имѣть непріятныя послѣдствія.

Итакъ, Милостивая Государыня, ребенокъ видитъ вездѣ

примѣръ неправды; со всѣхъ сторонъ его преслѣдуетъ искушеніе; ложь представляется ему, какъ самое удобное средство выйти изъ какого нибудь затруднительнаго положенія и доставить себѣ ею разнаго рода выгоды. «А правда?» спросите вы.— Ея оболочка гораздо суровѣе; съ нею подвергаешься многимъ непріятностямъ и столкновеніямъ; вообще, всѣ условія нашей цивилизаціи, къ сожалѣнію, такъ исполнены неправды, что мы не должны удивляться, если ребенокъ дѣлается лгуномъ. Но мы видѣли, что общая причина этому все таки заключается въ воспитаніи, въ обширномъ смыслѣ этого слова, именно—во вліяніи всего, окружающаго ребенка. А такъ какъ родители всего ближе стоятъ къ дѣтямъ и могутъ поэтому имѣть опредѣленное вліяніе на ихъ послѣдующія дѣйствія, то я постараюсь указать вамъ въ слѣдующемъ письмѣ какимъ образомъ родители должны исполнять свою обязанность, чтобы воспитывать дѣтей своихъ въ духѣ правдивости.

XVIII.

Трудно, и часто даже невозможно, вылечивать тѣлесныя болѣзни, и много есть совершенно неизлечимыхъ болѣзней; гораздо легче предупреждать ихъ. Тоже самое можно сказать и относительно душевныхъ болѣзней. Ложь, напримѣръ, легче предупредить, чѣмъ излечить. Предупредить же ее можно строгою правдивостью, какъ въ нашихъ словахъ, такъ и дѣйствіяхъ, потому что, считая дурной примѣръ за главный источникъ лжи, мы должны смотрѣть на хорошій примѣръ, какъ на главное средство противъ нея. Мы должны съ глубокимъ уваженіемъ относиться къ правдѣ въ обращеніи даже съ самымъ маленькимъ ребенкомъ. Поэтому не должно забавляться, обманывая его, довѣрчиваго и невиннаго, и оставляя его въ заблужденіи для нашего же удовольствія; уже съ этихъ поръ его нужно пріучать только къ правильнымъ представленіямъ. Многимъ покажется это педантизмомъ и они найдутъ даже, что подобное требованіе исключаетъ изъ жизни ребенка всякую поэзію; но это неправда! Что лучше: дать ли ребенку мѣлъ и сказать ему: «вотъ тебѣ кусокъ сахару», съ цѣлью позабавиться надъ выраженіемъ его лица; или дать ему кусокъ сахару и кусокъ мѣлу, заставить

его назвать тотъ и другой, и объяснить ему разницу между ними? Признаюсь, я не нахожу болѣе *грубаго* удовольствія, какъ злоупотребленіе дѣтскимъ довѣріемъ, и мнѣ непонятно, какъ могутъ родители шутить съ этимъ зародышемъ самыхъ святыхъ чувствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, единственный подобный обманъ можетъ мгновенно отравить душу ребенка, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ случаѣ. Однажды мать, чтобы позабавить свою маленькую дочку, представлялась плачущей, и когда ребенокъ началъ утѣшать ее, она съ громкимъ смѣхомъ отняла руки отъ своего лица. Но ребенокъ, который не шутилъ своими чувствами, вмѣсто того, чтобы тоже смѣяться, началъ плакать; въ его глазахъ разомъ пропадало, такъ сказать, обаяніе, которое мать имѣла въ глазахъ ребенка, а съ нимъ утрачивалось и безграничное къ ней довѣріе.

Когда ребенокъ только что начинаетъ говорить, всѣ смѣются надъ его очаровательно-наивными ошибками. Этихъ ошибокъ, разумѣется, не слѣдуетъ поддерживать въ ребенкѣ, и думать, что отъ поправки ихъ пострадаетъ его наивность. Ложный взглядъ ребенка на вещи тогда только наивенъ, когда онъ вполнѣ естественъ; но лишь только онъ вызывается и поощряется искусственно, онъ дѣлается непріятенъ, потому что онъ уже выказывается какъ ложь.

Едва только дѣти начинаютъ говорить, надо употреблять всѣ мѣры, чтобы предохранить ихъ отъ лжи; для этого прежде всего слѣдуетъ уничтожить эту ложь *въ самомъ себѣ*. Родители должны быть въ обращеніи съ ребенкомъ безукоризненны касательно любви къ правдѣ. Если что было приказано ребенку, нужно строго слѣдить, чтобы это было исполнено. Для того, чтобы это было возможно для родителей, или, лучше сказать, чтобы они имѣли на это право, не надо приказывать и запрещать необдуманно, дѣлать это по возможности меньше, взвѣшивать поаккуратнѣе свои слова; тотъ, кто поступаетъ не такъ, не имѣетъ по настоящему и права наказывать за непослушаніе. Въ этомъ отношеніи много грѣшатъ какъ въ школѣ, такъ и дома. Дома часто случается, что отъ дѣтей требуютъ того, чего они не въ состояніи еще исполнить, а въ школѣ задаютъ имъ уроки, которые они не въ состояніи сдѣлать, потому что еще не подготовлены на столько. Они прибѣгаютъ за помощью къ

родителямъ, товарищамъ и учителямъ и выдаютъ такимъ образомъ чужой трудъ за свой собственный. У ребенка отнимается возможность лгать и обманывать посредствомъ добросовѣстно обдуманныхъ словъ, такъ какъ, приказывая ребенку только самое необходимое и задавая ему уроки по силамъ, мы не даемъ ему повода обманывать; если же, несмотря на все это, ребенокъ все таки будетъ обманывать, то родители, по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ не будутъ упрекать себя. Трудно сердиться на ребенка за преувеличеніе въ его разсказахъ; напротивъ, радуешься проявленію его ума; но не надо забывать, что такого рода ложь, чаще встрѣчающаяся у мальчиковъ, нежели у дѣвочекъ, ведетъ къ тому, что человѣкъ подъ конецъ дѣлается вполнѣ лгуномъ и даже самъ считаетъ свои выдумки истинными. Когда вы замѣчаете, что вашъ ребенокъ начинаетъ преувеличивать, то не слушайте его разсказа, остановите его и заставьте самого поправиться въ его неточномъ изложеніи, какъ бы умно и наивно оно ни было. «Подумай хорошенько, что ты сказалъ. Развѣ нашъ домъ въ самомъ дѣлѣ такъ же великъ, какъ церковь? Развѣ ты уже много разъ былъ въ Х.... что ты такъ хвастаешься передъ твоимъ товарищемъ?» Если дѣти замѣтятъ, что мать всегда настаиваетъ на точномъ, правдивомъ изложеніи, то сами будутъ чувствовать, какъ скверно хвастаться, и имъ будетъ въ высшей степени не нравиться эта слабость въ другихъ дѣтяхъ. Воспитывая хорошо дѣтей, легко можно предохранить ихъ отъ лжи, потому что хорошій примѣръ точно также вліяетъ на нихъ, какъ и дурной. «*Хорошо воспитывая дѣтей!*»—въ этихъ немногихъ словахъ заключается все то, что нужно для предохраненія ребенка отъ лжи, именно—общее хорошее нравственное воспитаніе. Дурно воспитанному ребенку часто сами воспитатели, какъ я уже говорилъ вамъ въ предъидущихъ письмахъ, даютъ поводъ лгать и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дитя и не знаетъ даже, какъ ему быть иначе. Хорошо воспитанный ребенокъ рѣдко находится въ томъ положеніи, гдѣ ложь представляется ему удобнымъ средствомъ спасенія. Ребенокъ не станетъ лгать вслѣдствіе только одной склонности къ неправдѣ; ложь всегда сопровождаетъ какой-нибудь другой порокъ, прикрываетъ имѣющійся уже нравственный недостатокъ, или же служитъ для достиженія какого нибудь желанія, и потому она

никогда не бываетъ сама по себѣ, самостоятельно. Если мы уничтожимъ остальныя дурныя наклонности, то и ложь уничтожится. Какъ ни разнообразны внутреннія побудительныя причины лжи, но онѣ всѣ безъ исключенія происходятъ изъ одного источника—эгоизма. Мальчикъ прикрашиваетъ фактъ для того, чтобы пріобрѣсти *себѣ* извѣстность хорошаго разскащика; онъ хвастается, чтобы *ему* удивлялись; обманываетъ, чтобы предохранить *себя* отъ чего нибудь непріятнаго и пріобрѣсти болѣе выгодное положеніе; онъ не сознается, чтобы избавить *себя* отъ наказанія; онъ притворяется и льститъ ради какихъ нибудь для *себя* выгодъ; и вездѣ и во всемъ, съ весьма немногими исключеніями, ложь есть слуга собственнаго «*я*». Если искоренить въ ребенкѣ этотъ эгоизмъ, то чувство правды будетъ гораздо сильнѣе въ немъ; сдѣлать же это можно посредствомъ удовлетворенія только законныхъ требованій эгоизма (или, лучше сказать, себялюбія, честолюбія) и подавленія требованій незаконныхъ. Маленькій лгунъ, примѣшивая, можетъ быть и очень ловко, разныя небылицы къ своему разсказу, дѣлаетъ это ради честолюбія, желая представиться интереснымъ собесѣдникомъ, или, передавая свои собственные геройскіе поступки, хочетъ, чтобы ему удивлялись. Если вы замѣтите въ ребенкѣ такую цѣль, то очень кстати будетъ сдѣлать ему за это строгій выговоръ и, въ случаѣ повторенія того же самаго, сдѣлать этотъ выговоръ еще построже, за то, что онъ хотѣлъ увѣрить всѣхъ въ истинѣ его вымышленныхъ разсказовъ и стать такимъ образомъ выше другихъ. Если онъ разъ убѣдится, что не вездѣ найдетъ людей, которые будутъ вѣрить въ его сказки, то станетъ осторожнѣе. Таковъ въ этомъ случаѣ отрицательный способъ обращенія съ ребенкомъ. Положительный же способъ будетъ слѣдующій: надо въ извѣстной степени удовлетворить честолюбію дитяти. Если вы замѣчаете, что вашъ сынъ прикрашиваетъ и искажаетъ фактъ изъ любви къ разсказу, накажите его, какъ было сказано, но при томъ скажите ему: «видишь ли что: разсказать что-нибудь хорошо, прибавляя разныя небывалыя исторіи и выдавая ихъ за истинныя, еще не составляетъ большаго искусства; было бы гораздо лучше и похвальнѣе, если бы ты ни въ чемъ не измѣнилъ правдѣ; наблюдай за всѣмъ какъ можно лучше и потомъ разсказывай о случившемся какъ можно подробнѣе и вѣр-

нѣе; это выйдетъ гораздо лучше твоихъ выдумокъ, которымъ могутъ повѣрить только одни глупые люди.»

Если ребенокъ хвалитъ свои поступки, то это часто происходитъ отъ того, что воспитатели не отдаютъ ему должной похвалы, и его тщеславіе ищетъ удовлетворенія незаконнымъ образомъ, посредствомъ преувеличенной похвалы самому себѣ. Не мало есть родителей и учителей, которые считаютъ опаснымъ похвалить ребенка и всегда только осуждаютъ его, не замѣчая, что чрезъ это они становятся лгунами въ глазахъ дѣтей, потому что дѣти скоро понимаютъ что ложно и несправедливо. Воспитатели своимъ постояннымъ порицаніемъ еще болѣе затрудняютъ для ребенка и безъ того уже трудную борьбу съ природной лѣнью и побуждаютъ его другимъ путемъ пріобрѣсти себѣ уваженіе. Если же, напротивъ, воспитатели хвалятъ ребенка за его трудъ и стараніе и порицаютъ его за его недостатки, то ребенокъ чувствуетъ, что къ нему справедливы, его честолюбіе или, лучше сказать, чувство справедливости, удовлетворено, что поощряетъ его къ новой дѣятельности, и онъ не нуждается искать себѣ одобренія какимъ нибудь ложнымъ путемъ.

Вышеприведенныя слова: «*если ребенокъ будетъ хорошо воспитанъ*» должны постоянно напоминать родителямъ, что они обязаны вести своихъ дѣтей добросовѣстно, и что прежде всего они должны обратить вниманіе на самихъ себя, помня слова Апостола Павла, который говоритъ: «вы, отцы и матери, оставьте ложь и говорите истину.» Если дурной примѣръ можетъ имѣть дурное вліяніе на характеръ, то точно также хорошій примѣръ можетъ имѣть хорошее вліяніе; если ребенокъ со всѣхъ сторонъ видитъ примѣръ правдивости и, при правильномъ воспитаніи, не имѣетъ повода лгать, то мы никакимъ образомъ не можемъ допустить развитіе въ немъ порока лжи. Нечего слѣдовательно объяснять, что отъ воспитателя прежде всего требуется *правдивость;* каждый понимаетъ это самъ; я совѣтую только быть какъ можно осторожнѣе въ разговорахъ и добросовѣстнѣе въ исполненіи обѣщаннаго. Родители также, вѣроятно, согласятся со мною, что ихъ дѣти не должны быть свидѣтелями ихъ лицемѣрія и притворства; я не могу указать на средства, которыми родители совершенно уничтожили бы въ себѣ эти пороки, потому что современ-

ныя общественныя отношенія, большею частью, основываются на обоюдномъ обманѣ. Мы бы могли исправить многое, еслибы у насъ хватило силы не обращать вниманія на пустыя формальности ложной учтивости, и если бы мы говорили правду какъ она есть; а главное, если бы у насъ хватило силы охотнѣе слушать истинную правду, чѣмъ учтивую ложь. Встрѣчаются нѣкоторыя лица, которыя, чувствуя все безобразіе такихъ отношеній, уклоняются отъ непріятныхъ посѣщеній такого рода, просто говоря, что они не могутъ принять; такія лица не могутъ удержаться, чтобы не сказать правду, вслѣдствіе чего они слывутъ въ высшемъ обществѣ за грубыхъ и необразованныхъ, или же оригиналовъ. Есть много воспитателей, отцовъ, матерей и учителей, которые умѣютъ отдалить отъ ребенка ложь, и ихъ воспитанникамъ не приходится бороться съ этимъ порокомъ. Отчего же эти воспитатели имѣютъ такое благотворное вліяніе на ребенка? *Единственно отъ того, что они сами — чистыя, нравственныя личности.* Ребенокъ, чувствуя, что отецъ превосходитъ его во всѣхъ отношеніяхъ и что онъ желаетъ ему добра, будетъ питать къ нему *уваженіе* и *любовь*. Чѣмъ больше отецъ имѣетъ силы поддержать это чувство, тѣмъ рѣже будетъ приходить ребенку мысль обмануть своего отца. Но для этого недостаточно только одной *любви* къ отцу; — мы часто видимъ, что дѣти обманываютъ и тѣхъ воспитателей, которыхъ они очень любятъ, потому что не чувствуютъ къ нимъ *уваженія*. Уваженіе основывается единственно на нравственномъ и умственномъ превосходствѣ воспитателя; но если воспитатель пользуется только однимъ *уваженіемъ* со стороны воспитанника (что при недостаткѣ любви есть ничто иное какъ страхъ), то онъ одинаково подвергается обману: дѣти большею частью боятся и ненавидятъ такого человѣка и безъ стыда обманываютъ его, стараясь только о томъ, чтобы какъ можно искуснѣе обмануть, дабы не быть открытыми. Итакъ, чтобы воспитатель совершенно былъ увѣренъ въ правдивости своего воспитанника, онъ долженъ *нераздѣльно* пользоваться какъ его любовью, такъ и уваженіемъ. Любовь такого рода отца или матери не выражается въ ласкахъ и доставленіи ребенку различныхъ лакомствъ, но въ обращеніи къ нему *съ полнымъ уваженіемъ*, не позволяя себѣ

того, что можетъ нарушить его права, и оказывая ему полное довѣріе.

Часто въ этомъ отношеніи поступаютъ съ дѣтьми очень необдуманно: ихъ совсѣмъ *не уважаютъ*, а только *любятъ*, какъ какую нибудь хорошенькую вещицу. Со стороны матеріальной доставляютъ имъ все, чего только они пожелаютъ, со стороны же нравственной и духовной, ихъ не считаютъ отдѣльною личностью и не даютъ никакихъ правъ. Любовь же, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, когда родители не считаютъ преступленіемъ, какъ это нерѣдко случается, каждую шалость своихъ дѣтей. Родители думаютъ, что за каждой проказой ребенка должно неизбѣжно слѣдовать наказаніе, какъ бы въ жизни общественной, и считаютъ незаконнымъ оставлять шалости ненаказанными. Въ такихъ семействахъ не прекращаются поэтому наказанія, увѣщанія, угрозы и — ложь дѣтей. Ребенокъ чувствуетъ, что такое обращеніе несправедливо, что родители слишкомъ много отъ него требуютъ и часто наказываютъ за то, что нерѣдко дѣлаютъ сами. Гораздо лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не обращать вниманія на шалости ребенка; но если онѣ таковы, что невозможно обойтись безъ наказанія, то на это наказаніе не нужно смотрѣть какъ на искупленіе, какъ на возмездіе за проступокъ (месть), но какъ на средство предохранить ребенка отъ будущихъ заблужденій. Въ ребенкѣ всякій недостатокъ есть болѣзненное состояніе, и потому воспитатель, прежде чѣмъ наказывать его, долженъ обдумать — не самъ ли онъ это вызвалъ. Дѣти охотно подчиняются власти воспитателя, если только замѣчаютъ, что онъ уважаетъ въ нихъ человѣка и относится къ нимъ съ любовью. Родители, *любящіе* и *уважающіе* своихъ дѣтей, заботятся о нихъ, интересуются тѣмъ, что они дѣлаютъ, и охотно бываютъ въ кругу людей, занимающихся воспитаніемъ. Уже этимъ самымъ *легко можно предохранить ребенка* отъ лжи; ему даже не придетъ мысль солгать, если онъ знаетъ, напримѣръ, что угроза отца—разузнать о случившемся отъ директора—не есть только одно средство постращать его; ребенка легко будетъ предохранить отъ лжи, если ему не будетъ повода къ этому ни дома, ни въ школѣ. Уваженіе и авторитетъ, которыми отецъ и мать пользуются въ глазахъ ребенка, есть главное средство предохранить его отъ лжи,

конечно сначала только въ отношеніи къ *этимъ лицамъ*, но уже и этого достаточно. Если ребенокъ привыкъ говорить всегда правду своему воспитателю, то это уже составляетъ значительную ограду противъ обольщенія другихъ дѣтей. Мальчикъ, который боится солгать своему отцу, будетъ также бояться солгать учителю и станетъ смотрѣть на ложь другихъ дѣтей какъ на нѣчто отталкивающее. Несмотря на это, всегда нужно быть осторожнымъ и обращать вниманіе на отношенія ребенка съ прислугою, потому что нельзя предвидѣть въ какое положеніе можетъ его поставить окружающее его общество. Соблазнъ солгать тогда только будетъ имѣть дурныя послѣдствія, если ребенку удалось сдѣлать уже что нибудь запрещенное. При правильномъ воспитаніи требуется также хорошій выборъ товарищей для ребенка, и я снова долженъ повторить, что хорошо воспитанныя дѣти не такъ легко поддаются искушенію лжи.

Хорошимъ средствомъ противъ лжи оказывается также внушеніе ребенку религіознаго чувства. Уже въ маленькихъ дѣтяхъ можно возбудить сознаніе, что Богу извѣстны всѣ наши мысли, слова и дѣйствія; что людей намъ еще удастся обмануть какъ нибудь, но Бога никогда, и что рано или поздно придетъ время, когда наша ложь обнаружится. Много дѣтей было бы посредствомъ этого предохранено отъ лжи. Дѣти относятся къ Богу точно также, какъ къ своимъ родителямъ. Страха одного не достаточно, чтобы предохранить ребенка отъ лжи; въ этомъ случаѣ ребенокъ будетъ только рабски подчиняться истинѣ, а не будетъ имѣть убѣжденія въ томъ, что лгать дурно; *страхъ долженъ быть непремѣнно соединенъ съ любовью.* Ребенка, конечно, нельзя научить любить Бога, но за то можно посредствомъ хорошаго воспитанія возбудить въ немъ эту любовь и поддерживать ее. Религіозное чувство, правильно развитое въ ребенкѣ, есть лучшее средство противъ всякаго соблазна лжи.

Итакъ, еще повторяю, что легче всего предохранить дѣтей отъ лжи хорошимъ нравственнымъ воспитаніемъ, потому что ложь есть только спутникъ другихъ недостатковъ. Хорошее же воспитаніе основывается, главнымъ образомъ, на авторитетѣ родителей и религіозномъ развитіи дитяти. Нѣтъ сомнѣнія, что

такое воспитаніе *можетъ* предохранить ребенка отъ лжи; но такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего вполнѣ совершеннаго и, точно также, нѣтъ безукоризненно хорошаго воспитанія, то, слѣдовательно, *ни одинъ ребенокъ не останется чистымъ отъ лжи.* Каждый ребенокъ, какъ и каждый человѣкъ, бываетъ иногда въ такомъ положеніи, что, по необходимости, долженъ говорить неправду. Какъ бы ни было велико отвращеніе воспитателей ко лжи, все таки не слѣдуетъ смотрѣть въ этомъ случаѣ на дѣтей, какъ на преступниковъ; къ сожалѣнію, ложь, при настоящемъ состояніи общества, весьма естественна и даже почти необходима. Когда вашъ сынъ попадется во лжи, дайте ему почувствовать ваше отвращеніе; при этомъ я повторяю вамъ, что ваше негодованіе на мальчика за его ложь будетъ тогда только имѣть на него вліяніе, когда вы сами будете въ его глазахъ правдивы, и когда онъ ни разу не имѣлъ случая услышать отъ васъ неправду; также тогда только ваше негодованіе будетъ имѣть дѣйствіе, когда мальчикъ видѣлъ, что вы строго слѣдили за исполненіемъ своихъ приказаній, что вы исполняли всѣ угрозы и вообще серьезно смотрѣли на данное слово. Если же вы не вполнѣ увѣрены въ этомъ, то ни къ чему не послужитъ ваше негодованіе на ребенка за его ложь, изъ него выйдетъ только одна глупая комедія.

Весьма также неблагоразумно *наказывать одинаковымъ образомъ за всякую ложь.* Надо обращать вниманіе на то, что̀ *побудило* ребенка солгать; потому что ложь не есть еще цѣль, а служитъ только средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли. Не слѣдуетъ, какъ только начнетъ ребенокъ говорить, предполагать уже впередъ, что онъ солжетъ; когда же ребенокъ дѣйствительно лжетъ изъ страха или просто легкомысленности, не слѣдуетъ тотчасъ же нападать на него и приходить въ отчаяніе, что онъ совершенно испортился; достаточно сказать ему серьезно: «обдумай хорошенько», или: «говори правду». Эти слова, при хорошемъ воспитаніи ребенка, не останутся безъ надлежащаго дѣйствія; если же они не помогутъ, это значитъ, что ребенку не разъ уже ложь удавалась. Матери должны особенно серьезно обращать вниманіе на свои разговоры съ дѣтьми, потому что имъ обыкновенно труднѣе пріобрѣсти уваженіе къ себѣ, чѣмъ отцамъ; а гдѣ нѣтъ уваженія, тамъ представляется открытая

дорога для лжи. Надо также обращать вниманіе маленькаго хвастуна на все неблагородство и несостоятельность его лжи: «ты хвастаешься, что очень ловко дѣлаешь гимнастику; это очень хорошо, если кто-нибудь можетъ справедливо сказать это про себя; но весьма будетъ глупо, если ты это только выдумалъ и ничего не можешь сдѣлать въ сущности; какъ станутъ тогда смѣяться надъ тобой, потому что порядочный человѣкъ говоритъ мало, а дѣлаетъ много». Пристыдивъ такимъ образомъ ребенка за ложь, вы заставите его возненавидѣть ее, такъ какъ она причиняетъ ему такую непріятность. Но послѣ этого необходимо слѣдуетъ ободрить ребенка, потому что весьма легко *наказаніями* и *порицаніемъ* подавить духъ ребенка (воспитаніе же, напротивъ того, имѣетъ цѣлью возвысить духъ дитяти до наибольшей нравственной свободы).

Въ разбираемомъ нами случаѣ ободреніе должно заключаться въ томъ, чтобы указать ребенку средство заслужить похвалу не посредствомъ лжи, а посредствомъ безпрерывнаго старанія и постоянныхъ усилій. Ребенку нужно показать, что ложью *онъ болѣе всего вредитъ самому себѣ*. Если онъ посредствомъ лжи старался избавить себя отъ какой нибудь работы, то это ему не удастся: онъ все таки долженъ исполнить свою работу, и именно въ то время, которое назначено для отдыха, при чемъ должно гораздо строже требовать удовлетворительности этого исполненія. Не достаточно еще сознанія, что ложь не приноситъ никакой выгоды; нужно, чтобы лгунъ *сознался* въ ней, къ своему же стыду. «Видишь, Максъ, ты говорилъ мнѣ вчера, что у тебя нѣтъ больше уроковъ для школы, а сегодня утромъ ты приготовилъ ихъ потихоньку отъ меня; скажи же, въ чемъ ты провинился, назови это настоящимъ именемъ; ты теперь уже никакъ не можешь не сознаться въ своей винѣ». Максу трудно будетъ сказать, что онъ солгалъ (что и есть хорошій признакъ), но все таки не слѣдуетъ избавлять его отъ этого сознанія. Вы можете однако облегчить его, подсказавъ ему: «ты солгалъ», и вы должны довольствоваться тѣмъ, если онъ съ смущеніемъ повторитъ эти слова. Послѣ сознанія своей вины, мальчику станетъ легче на сердцѣ, что и слѣдуетъ поддерживать въ немъ. «Я не сержусь на тебя, милый Максъ, мнѣ грустно только, что ты солгалъ; но отъ сознанія твоей

вины тебѣ стало легче на сердцѣ и я теперь успокоилась; но скажи мнѣ, зачѣмъ ты обманулъ меня вчера, ты вѣдь знаешь, что я тебя люблю и ты можешь говорить все свободно? Тебѣ хотѣлось вчера играть въ саду съ мальчиками? Тебѣ слѣдовало бы сказать мнѣ это прямо; я бы конечно тебѣ позволила, и тебѣ не пришлось бы тогда тайкомъ отъ меня приготовлять свои уроки, и они вышли бы гораздо лучше. Но это еще не все. Твои уроки дурно приготовлены и теперь уже некогда приняться за нихъ, учитель замѣтитъ это; ты долженъ будешь откровенно сказать ему причину и попросить его отложить ихъ до завтра; вотъ видишь-ли сколько ты надѣлалъ себѣ вреда только одною ложью». Если бы было возможно такимъ образомъ каждому лгуну показать всѣ послѣдствія его лжи, то вѣроятно такого рода ложь скоро бы уничтожилась, потому что всегда можно найти дурное послѣдствіе, которое заставитъ лгуна смотрѣть на ложь, какъ на источникъ своего несчастія, и, слѣдовательно, онъ потеряетъ охоту лгать.

Но такъ можно дѣйствовать только тогда, когда вы имѣете полное доказательство, что ребенокъ солгалъ; если же вы сомнѣваетесь, въ самомъ ли дѣлѣ обманулъ васъ мальчикъ, или въ случаѣ, если виновникъ преступленія еще не открытъ, то вы должны дѣйствовать съ величайшей осторожностью. Въ этомъ отношеніи обыкновенно представляется два случая: или проступокъ такого рода, что его можно и не замѣтить, или же онъ такъ бросается въ глаза, что никакъ нельзя обойтись безъ изслѣдованія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы должны сперва убѣдиться, можете-ли вы найти виновнаго и его изобличить. Если же вы не имѣете къ тому средствъ и не вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ, то лучше не начинайте разслѣдованія, а то мальчикъ восторжествуетъ и перехитритъ васъ. Если проступокъ извѣстенъ только вамъ однимъ, то лучше не говорите о немъ и ждите, пока какой нибудь неожиданный случай не откроетъ вамъ виновнаго. Если же многіе знаютъ о случившемся, то сознайтесь лучше прямо передъ дѣтьми въ своемъ безсиліи; скажите такъ: «вы всѣ знаете, что сегодня случилось; одинъ изъ васъ, а можетъ быть и нѣсколько, знаютъ также, *кто* это сдѣлалъ. Я этого не знаю, потому что я человѣкъ и не могу знать, что происходитъ въ душѣ каждаго изъ васъ; но меня болѣе всего

огорчаетъ то, что я, смотря теперь на каждаго изъ васъ, невольно должна думать: «можетъ быть, это сдѣлалъ онъ»; я должна это думать о каждомъ изъ васъ, между тѣмъ какъ въ этомъ виноватъ только одинъ, сдѣлавшій дурное».

Такъ надо поступать въ томъ случаѣ, когда не знаешь навѣрное кто виноватъ; если же есть подозрѣніе на какого нибудь ребенка, то слѣдуетъ увести его въ другую комнату и поговорить съ нимъ глазъ на глазъ. Страхъ позора въ присутствіи другихъ часто препятствуетъ сознанію; мальчикъ будетъ упорно отрицать и, зашедши разъ такъ далеко, отъ него очень трудно будетъ получить сознаніе, особенно если это будетъ хитрый мальчикъ. Если же мы не оскорбимъ его чести, то этимъ уже расположимъ къ себѣ маленькаго преступника, онъ будетъ намъ за это благодаренъ и вообще уступчивѣе, тѣмъ болѣе, что внутренно онъ пойметъ, что совершенно недостоинъ такого снисхожденія. Вызвать у мальчика сознаніе вполнѣ зависитъ отъ того, какъ поставить вопросъ. Чѣмъ мы *спокойнѣе* и *менѣе гнѣваемся*, тѣмъ болѣе чувствуетъ ребенокъ, что его все таки любятъ и уважаютъ и не смотрятъ на него, какъ на преступника, а какъ на провинившагося; для него будетъ тогда гораздо легче признаніе. *Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы ободрять и нравственно поддерживать ребенка, но никакъ не подавлять его совершенно.* «Вчера, дѣти, вы испортили въ саду очень много деревьевъ; ты былъ тоже при этомъ и вѣроятно знаешь какъ это случилось; скажи мнѣ, кто это сдѣлалъ, только не называй мнѣ невиннаго; подумай, какъ бы тебѣ самому было непріятно, если бы тебя кто нибудь обвинилъ несправедливо. Что это ты такъ конфузишься? Если у тебя хватило силы сдѣлать эту шалость, то имѣй же силу открыто сознаться въ ней и нести всѣ ея послѣдствія». Рѣдко не сознается при этомъ ребенокъ въ своей винѣ, а если дѣти *вообще хорошо воспитаны*, то и совершенно не нужно дѣлать такихъ предисловій. Я знаю нѣкоторыхъ отцовъ, матерей и учителей, которые могутъ совершенно довѣрчиво придти къ дѣтямъ и спросить: «кто это сдѣлалъ»? Виноватый безъ страха, но притомъ смутившись, называетъ себя. Не происходитъ-ли это отъ того, что посредствомъ сознанія ребенокъ думаетъ избавиться отъ наказанія? Любовь къ истинѣ этихъ дѣтей была бы тогда слишкомъ ничтожна.

Нѣтъ, хорошо воспитанныя дѣти признаются во всемъ открыто и тогда, когда напередъ знаютъ, что имъ придется нести всѣ послѣдствія своей шалости. Я вовсе не раздѣляю того мнѣнія, что *ребенка надо вознаграждать за его любовь къ истинѣ*; слѣдуетъ смотрѣть на истину, какъ на нѣчто совершенно *естественное* и потому не требующее никакого вознагражденія. Еще можно допустить себѣ сказать какъ нибудь ребенку: «я очень рада, что ты тотчасъ же сказалъ мнѣ правду, я не ожидала отъ тебя ничего другаго. Ты не получишь никакихъ *особенныхъ* наказаній за твою небрежность, но я не могу отклонить отъ тебя послѣдствій твоего дурнаго поведенія. Ты вчера забавлялся и отдыхалъ, такъ сегодня ты долженъ за это работать». Если такіе факты будутъ повторяться часто, то, не смотря на открытое признаніе дитяти во лжи, онъ необходимо долженъ получить и особенное наказаніе за свою лѣность. Если же вы будете такъ снисходительны и оставите эту ложь безъ послѣдствій, то вашъ ребенокъ опять прибѣгнетъ ко лжи и постарается перехитрить васъ. Если онъ дойдетъ до такой наглости и безстыдства во лжи, что спокойно будетъ смотрѣть въ глаза тому, кого обманываетъ, то дайте ему тогда почувствовать всю силу вашего негодованія. Накажите его тотчасъ же, безъ лишнихъ съ нимъ разсужденій, такимъ наказаніемъ, которое унизило бы его. Не старайтесь при этомъ казаться спокойною: вашъ гнѣвъ будетъ въ этомъ случаѣ законный и благородный, потому что его вызвала защита правды; дайте ребенку почувствовать, что вы должны его презирать, потому что онъ посредствомъ лжи потерялъ всѣ свои права на уваженіе. Это презрѣніе не должно перейти въ ненависть; ребенокъ долженъ въ гнѣвѣ вашемъ видѣть только горе, которое онъ причинилъ вамъ своимъ поступкомъ, и заставилъ васъ прибѣгнуть къ такой строгости.

Въ моихъ письмахъ къ вамъ, Милостивая Государыня, я потому такъ много распространялся относительно лжи, что этотъ порокъ встрѣчается чаще другихъ и искореняется съ трудомъ; онъ можетъ довести человѣка до глубокой нравственной испорченности. Если вы будете руководиться при воспитаніи вашего Макса совѣтами, которые я далъ вамъ въ своей перепискѣ съ вами, то Максъ, хотя и будетъ впадать въ то

или другое заблужденіе и, къ сожалѣнію, лгать иногда, какъ другія дѣти; но все таки, посредствомъ хорошаго воспитанія, вы дадите ему прочную нравственную основу, а разъ внушенное стремленіе усовершенствовать свою нравственность не такъ то легко искореняется; это стремленіе всегда будетъ обращать его вниманіе на его поступки и облегчать ему сознаніе въ своихъ недостаткахъ.

Оканчиваю мое послѣднее письмо искреннимъ желаніемъ полнѣйшаго вамъ успѣха въ воспитаніи вашего сына; пусть онъ всегда будетъ чистъ передъ Богомъ и людьми. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы я могъ сказать, что я своими совѣтами содѣйствовалъ, какъ вашему счастью, такъ и счастью вашего сына.

ПРОГРАММА.

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“ будетъ выходить нумерами въ 10 — 12 листовъ печати въ 2 книгахъ, въ большую 1/8 листа, ежемѣсячно, кромѣ мѣсяцевъ Іюня и Іюля, по слѣдующей программѣ:

Книга 1. Семейное чтеніе.

Чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр.

Занятія: игры, работы, рукодѣлія, мастерства и прочій матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы рисунки и картины.

Книга 2. Родителямъ и воспитателямъ.

ОТДѢЛЪ I. **Педагогія, Дидактика и Методика.** Общія статьи педагогическаго содержанія. Воспитаніе домашнее и общественное. Физическое воспитаніе и гигіена. Предметы и методы обученія. Учебныя пособія. Учебные матеріалы и принадлежности.

ОТДѢЛЪ II. **Критика и Библіографія** русскихъ и замѣчательнѣйшихъ изъ иностранныхъ сочиненій, изданій и пособій, соприкосновенныхъ съ учебно-воспитательнымъ дѣломъ.

ОТДѢЛЪ III. **Біографическіе очерки** педагогическихъ дѣятелей и статьи по исторіи педагогіи, съ приложеніемъ портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей иностранныхъ и русскихъ.

ОТДѢЛЪ IV. **Хроника.** Постановленія и жизнь учебныхъ и учебно-воспитательныхъ заведеній, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

ОТДѢЛЪ V. **Смѣсь.** Корреспонденція. Заявленія педагогическаго содержанія и всякаго рода объявленія о вновь выходящихъ книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, матеріалахъ и проч.

По временамъ предполагается давать приложенія, состоящія изъ образцовыхъ уроковъ, чтеній и учебниковъ, печатаемыхъ по частямъ или цѣликомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна въ годъ, за 10 №№ (20 книгъ) содержащихъ 100—120 листовъ, 8 руб. безъ пересылки; съ пересылкою 8 р. 80 коп., а съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 коп.

Для удобства подписчикамъ допускается подписка: **иногороднымъ** на полугодія, по 5 книгъ въ каждое — цѣна за каждое полугодіе съ пересылкою 5 руб.: **городскимъ** подписчикамъ взносъ денегъ по частямъ: при полученіи 1-го нумера и билета вносится *два* рубля, затѣмъ при полученіи каждаго послѣдующаго нумера по *одному* рублю, а послѣдній, 10-й нумеръ, будетъ выдаваться безплатно, при возвратѣ подписнаго билета. Безъ билетовъ №№ не будутъ выдаваемы.

Подписка принимается: въ Редакціи (Владимірская № 7), въ конторѣ журнала «**Семья и Школа**» при Дѣтской Библіотекѣ, по Троицкому пер., д. Зайцевой (гдѣ клубъ художниковъ) и въ книжныхъ магазинахъ: **Русской Книжной Торговли** (Невскій пр. домъ Армянской церкви), **Колесова и Михина** (Гостиный дворъ № 22), и **Я. Исакова** (Гостинный дворъ, № 24).

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма, заявленія, статьи и подписныя требованія на имя

Редактора и Издателя **Юл. Симашко.**
въ С.-Петербургъ, Владимірская № 7.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.